

Федеральное государственное бюджетное
научно-исследовательское учреждение
«РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ИМЕНИ
Д. С. ЛИХАЧЁВА» (Институт Наследия)

На правах рукописи

ОРЛОВ Сергей Николаевич

**СЕТЕВЫЕ
АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ:
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РИСКИ**

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Научный руководитель:
ЗИНОВЬЕВА Нонна Борисовна,
доктор педагогических наук, профессор

Краснодар
2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1.	
Цифровая среда как объект культурологического исследования	21
1.1. Культура, информационные технологии и общество: взаимовлияние и грани соприкосновения	21
1.2. Информационная культурология: история, структура, актуальные направления исследования	31
1.3. Текстовая аналитика как методологический инструмент изучения цифровой среды	46
ГЛАВА 2.	
Электронный контент и сетевые аналитические инструменты управления информационными потоками	65
2.1. Электронный контент и цифровая среда в культурологическом дискурсе	65
2.2. Функционал сетевых аналитических инструментов в управлении информационными потоками	75
2.3. Цифровой след, большие данные и искусственный интеллект: ключевые тренды цифровой среды	92
ГЛАВА 3.	
Социокультурные аспекты применения сетевых аналитических инструментов	112
3.1. Опыт использования сетевых аналитических инструментов в цифровых проектах в сфере культуры	112
3.2. Восприятие сетевых аналитических инструментов пользователями: социологический анализ	124
3.3. Сетевые аналитические инструменты в проблемном поле цифровой среды	129
3.3.1. Социокультурные эффекты SEO-оптимизации анализ	131
3.3.2. Авторство электронного контента: проблема идентификации	135
3.3.3. Рейтингование электронного контента	140
3.3.4. Лента как инструмент информирования и средство влияния	143
3.3.5. Сетевые инструменты в отборе и сохранении цифрового культурного наследия	146
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	159

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Широкое использование цифровых технологий радикально изменило современное общество. Социальная жизнь подавляющего числа активных субъектов, в качестве которых выступают как управленческие, производственные и коммерческие структуры, так и отдельные граждане, во всех видах своих взаимодействий постепенно перетекает в цифровую среду, которая привлекает множеством новых возможностей в плане динамики и простоты. Цифровая среда, наполняемая самым разнообразным контентом и организующими его сервисами, стремительно растет в своих объемах, усложняется содержательно и в типовидовом (жанровом) отношении. В этой ситуации востребованы специальные инструменты для генерации и редакции текстов, их качественного отбора, ранжирования по значимости, проверки на оригинальность, селекции и рейтинга, выстраивания в ленту в соответствии с предпочтениями пользователей и т.д. Эти сетевые аналитические инструменты, перечень которых с каждым годом расширяется, обладают определенным спектром возможностей в организации цифровой среды, ее структурирования и ранжирования, но одновременно играют весьма неоднозначную роль в формировании современного культурного пространства.

Новые технологии, своими результатами влияя на сознание и потребности людей, облагораживая среду их обитания, двигают общество вперед, тем самым усложняя его структуру и все сферы культурного производства. Но при этом общество оказывается на развилке – старые ценности, выработанные на предыдущих этапах развития, в своей массе обесцениваются, а новые еще не успевают выработаться. В этих условиях культуре предопределена особая миссия – она вынуждена, с одной стороны, сохранять, консервировать лучшие образцы и модели, а с другой – адаптироваться к новым условиям. Но этот процесс осложняется

стремительными темпами развития информационных технологий, в результате чего негативные последствия проявляют себя внезапно и разрушительно. В условиях бесконтрольного использования они способны нарастить критическую массу, и тем самым нарушить сложившийся баланс сил. Необходимость постоянного пристального внимания к их качественным особенностям с оценкой степени их влияния на отдельные стороны современного общества определяет актуальность темы диссертационного исследования.

Степень научной разработанности проблематики. Влияние цифровизации на отдельного индивида, социальные группы и в целом на все общество исследуется в культурологии, философии, социологии, педагогике, психологии, теории массовых коммуникаций и других науках. Проблематика цифровой среды и используемых ею сетевых аналитических инструментов представляет собой многослойное явление, оказывающее существенное влияние на различные сферы жизни индивида и социума.

Вопросы влияния информационных и коммуникационных технологий на организацию общественной жизни на современном этапе представлены в работах И. М. Дзялошинского, С. В. Григоришина, А. М. Петрова и А. Н. Попова, С. А. Кравченко, Р. В. Пеннер, В. И. Панова и Э. В. Патракова, Е. В. Петровой, В. В. Савчука и К. А. Очеретяного, И. Д. Тузовского, Я. Л. Шрайберга и других авторов¹. Культурологический аспект этой проблематики наиболее рельефно просматривается в работах М. Ю. Гудовой, Н. Б. Кирилловой, А. А. Лисенковой, Л. Н. Даниловой, В. А. Смирнова и Н. М. Ветчина Ю. Ю. Сугрбовой, Т. Н. Суминовой, Ю. А. Чернавина и

---

¹ Дзялошинский И. М. Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакommunikаций. Челябинск, 2020. 551 с.; Григоришин С. В., Петров А. М., Попов А. Н. Онтология цифры. М., 2024. 141 с.; Кравченко С. А. Социология цифровизации. М., 2021. 236 с.; Пеннер Р. В. Цифровая идентичность как новая форма социального признания: дис. ... д-ра филос. наук: 5.7.7. Саратов, 2023. 354 с.; Панов В. И., Патраков Э. В. Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия. М., 2020. 199 с.; Петрова Е. В. Человек в информационной среде: социокультурный аспект. М., 2014. 137 с.; Савчук В. В., Очеретяный К. А. Цифровой поворот: глобальные тенденции и локальные специфики // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 5–16; Тузовский И. Д. Культура Цифровой эпохи: утопический и гуманистический потенциал «Информационного общества»: дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01. Челябинск, 2021. 365 с.; Шрайберг Я. Л. Современные тенденции развития цифровизации общества: научно-образовательная и библиотечно-информационная среда. М., 2024. 664 с.

Г. В. Бариновой, В. В. Чижикова, А. Я. Флиера¹ и др. Особое методологическое значение имеет докторская диссертация О. В. Шлыковой на тему «Социальная природа мультимедиа», в которой впервые была констатирована необходимость культурологического поворота в осмыслении информационных технологий, предложен категориальный аппарат для описания мультимедийной реальности и методологию анализа цифровых артефактов².

Активно ведутся исследования в области информационной культурологии и информационной культуры, их результаты представлены в публикациях Г. Г. Воробьёва, Н. И. Гендиной, И. И. Горловой, Н. Б. Зиновьевой, Ю. С. Зубова, Н. В. Лопатиной, С. М. Оленева, В. М. Петрова, Э. П. Семенюка, Н. А. Слядневой, А. П. Суханова³ и др.; в области сохранения цифрового наследия, нашедшие отражение в трудах

---

¹ Гудова М. Ю. Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ: дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01. Екатеринбург, 2015. 328 с.; Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М., 2005. 448 с.; Лисенкова А. А. Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве. Пермь, 2021. 286 с.; Данилова Л. Н. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей // Вестник Костромского государственного университета. 2020. № 26. С. 5–11; Смирнов Г. С., Ветчинин Н. М. Всеобщая цифровизация как глобальная проблема: человек и его цифровое сознание // Вестник Ивановского государственного университета. 2021. № 4. С. 127–134; Сугрובה Ю. Ю. Информационные технологии в аспекте современного культуротворчества // Науки о человеке: гуманитарные исследования. 2014. № 2. С. 183–190; Суминова Т. Н. Художественная культура как информационная система (мировоззренческие и теоретико-методологические основания). М., 2006. 383 с.; Чернавин Ю. А., Барина Г. В. Человек в пространстве цифровой культуры // Вопросы философии. 2023. № 4. С. 29–39; Чижиков В. В. Информационные технологии как трансляторы культуры и искусства в виртуальной реальности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 2. С. 89–97; Флиер А. Я. История как культурный артефакт // Культура культуры. – 2024. – № 3. – С. 21–33.

² Шлыкова О. В. Социокультурная природа мультимедиа: дис.... д-ра культурологии: 24.00.01. М., 2004. 308 с.

³ Воробьёв Г. Г. Твоя информационная культура. М., 1988. 303 с.; Горлова, И. И. Информационная культура и проблемы информационной политики // Проблемы информационной культуры. М., 1994. Вып. 1. С. 90–101; Гендина Н. Н. Концепция формирования информационной культуры личности: опыт разработки и реализации // Библиосфера. 2005. №1. С. 55–62; Дулатова А. Н., Зиновьева Н. Б. Информационная культура личности. М., 2007. 176 с.; Зубов Ю. С., Петров В. М. Интеграция духовного мира личности и общества как задача информационного мировоззрения // Проблемы информационной культуры. М., 1996. Вып. 3. С. 13–24; Зубов Ю. С. На пути становления методологических и организационных основ информационной культурологии // Методология и организация информационно-культурологических исследований. М., 1997. Вып. 6. С. 3–9; Лопатина Н. В. Информационная культура как условие эффективности социальных технологий. М., 2002. 81 с.; Лопатина Н. В., Рыбакова Ю. В. Формирование IP-культуры населения: концептуальные основания, опыт, актуальные задачи // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 3. С. 122–133; Оленев С. М. Понятие «информация» в системе социально-гуманитарных наук // Научно-техническая информация. Сер. 1. 2014. № 5. С. 13–17; Петров В. М. Информационная парадигма в науках о человеке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 1. С. 95–110; Семенюк Э. П. Информационная культура общества и прогресс информатизации // Научно-техническая информация. Сер. 1. 1994. № 1. С. 1–8; Сляднева Н. А. Информационно-аналитическая культура как условие современных социокультурных и политических процессов // Культура: теория и практика. 2015. № 1. – С. 2; Суханов А. П. Информация и прогресс. Новосибирск, 1988. 192 с.

И. И. Горловой, А. В. Крюкова, С. С. Ипполитова, О. П. Неретина, Н. О. Пикова, Д. Е. Прокудина, Г. М. Шаповаловой¹ и др.

Сравнительно недавно появившиеся сетевые аналитические инструменты, создающие новую реальность, такие как цифровой след, Big Date (большие данные) и искусственный интеллект в научных исследованиях рассматриваются в качестве специфического атрибута культуры цифрового общества в работах С. А. Зайцевой и В. А. Смирнова, А. А. Лисенковой, Е. В. Листвиной, Н. В. Лопатиной и О. Б. Сладковой, С. С. Красных, А. М. Кондакова и А. А. Костылевой, С. И. Платоновой, А. И. Савельева, М. Д. Сажнова и Е. В. Желниной, С. В. Тихоновой и Д. С. Артамонова, И. Ю. Шведова². Такое активное внимание исследователей свидетельствует о том, что данная тема уже несколько десятилетий находится в фокусе научного дискурса.

---

¹ Горлова И. И. [и др.]. Сохранение цифрового наследия в России: методология, опыт, правовые проблемы и перспективы. М., 2021. 384 с.; Крюков А. В. Нематериальное цифровое наследие в Российской Федерации // Энциклопедия нематериального культурного наследия России. М., 2022. С. 255–268; Ипполитов С. С. Деструкция цифрового наследия: искусственный интеллект в культуре и образовании // Художественное наследие. Исследования. Реставрация. Хранение. 2025. № 1. С. 21–36; Лопатина Н. В., Неретин О. П. Сохранение цифрового культурного наследия в едином электронном пространстве знаний // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5. С. 74–80; Пиков Н. О. Роль цифровой среды в становлении новых культурных форм и практик для сохранения культурного наследия (на материале анализа культурной деятельности Сибирского федерального университета): дис. ... канд. культурологии. Красноярск, 2023. 201 с.; Прокудин Д. Е. Проблемы описания объектов цифрового наследия // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2024. № 8. С. 15–31; Шаповалова Г. М. Концепция цифрового культурного наследия и его генезис: теоретико-правовой анализ // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2017. Т. 9. № 4. С. 159–168.

² Зайцева С. А., Смирнов В. А. Аксиологический подход к понятию цифрового следа // Ноосферные исследования. 2021. № 3. С. 79–87; Лисенкова А. А. Цифровая идентичность: границы частного и публичного в современном мире // Российский гуманитарный журнал. 2025. Т. 14 № 3. С. 161–172; Листвина Е. В. Цифровое общество: социокультурный анализ цифрового следа // Аспирантский вестник Поволжья. 2020. № 7–8. С. 14–18; Лопатина Н. В., Сладкова О. Б. Информационные технологии аналитики цифровой культурной среды // Культура: теория и практика. 2016. № 3. С. 4; Красных С. С. Социокультурные риски цифровой трансформации полиэтнических регионов // Информационное общество. 2025. № 6. С. 2–11; Кондаков А. М., Костылева А. А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Информатизация образования. 2019. Т. 16. № 3. С. 207–218; Платонова С. И. Большие данные: создание вызовов и возможностей в социальных науках // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 4. С. 119–123; Савельев А. И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 43–66; Сажнов М. Д., Желнина Е. В. Анализ цифрового следа и визуализация результатов // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2022. № 2. С. 75–79; Тихонова С. В., Артамонов Д. С. Историческая память в социальных сетях. СПб., 2021. 265 с.; Шведов И. Ю. Трансформация культурных практик в эпоху новых медиа // Общество: философия, история, культура. 2025. № 3. С. 114–119.

Большое практическое влияние на стремительную модернизацию экономики, маркетинговых технологий, рекламной деятельности, медицины, СМИ и даже политических процессов, свидетельствует о наличии множества сторон в этом феномене, глубине его проникновения в социум. Но в то же время ситуация в информационной сфере стремительно меняется, технологические инновации, вторгающиеся в социальную жизнь, появляются практически каждый год. Такая галопирующая модернизация требует постоянного внимания к себе исследователей гуманитарных научных направлений. При этом целостного культурологического анализа сетевых аналитических инструментов, рассматривающего одновременно их потенциал и социокультурные риски, до настоящего времени не проводилось. Существующие работы либо фрагментарно касаются этой темы, либо рассматривают ее преимущественно в технологическом, либо в социально-правовом ключе.

Стремительное развитие технологий и их глубокая интеграция в социальную жизнь, отмеченная в проанализированных источниках, обуславливают необходимость постоянного обновления гуманитарного знания. Это подтверждает актуальность диссертационного исследования, направленного на восполнение выявленного пробела в культурологическом осмыслении роли сетевых аналитических инструментов.

Проведенный анализ теоретико-методологического и эмпирического материала позволил сформулировать авторскую позицию и подходы к изучению заявленной проблемы.

Проблема исследования заключается в противоречии между декларируемой целью сетевых аналитических инструментов (рационализация и упорядочивание цифровой среды) и их реальным социокультурным эффектом, который проявляется в деформации традиционных культурных практик (авторства, отбора, рейтингования, сохранения наследия), а также в порождении новых форм отчуждения, анонимности и манипуляции.

Объект исследования: социокультурные практики и коммуникации в цифровой среде, структурируемые сетевыми аналитическими инструментами.

Предмет исследования: культурологический потенциал и дисфункциональные эффекты сетевых аналитических инструментов (SEO-оптимизация, алгоритмические рейтинги и ленты, системы проверки оригинальности, технологии на базе больших данных и искусственного интеллекта) как агентов трансформации культурного пространства.

Цель исследования: выявить и проанализировать трансформацию культурных процессов и практик под влиянием сетевых аналитических инструментов управления информацией в цифровой среде.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих **задач:**

1. Дать философско-культурологическое обоснование предпосылкам функционирования современной цифровой среды, раскрыть сущность процесса управления электронными потоками и массивами на основе установления факта преемственности с методиками, применяемыми в традиционной издательской практике.

2. Ввести новые исследовательские сюжеты, обусловленные широким внедрением в повседневные практики и модели информационного поведения пользователей сетевых аналитических инструментов, в совокупность знаний информационной культурологии;

3. Выстроить многомерную классификацию сетевых аналитических инструментов, применяемых для управления потоками и массивами в современной цифровой среде;

4. Охарактеризовать влияние современных трендов цифровой среды, таких, как цифровой след, большие данные, искусственный интеллект, и трансформацию социальных взаимоотношений, становление новых культурных форм поведения, ценностных предпочтений, образа жизни.

5. Провести анализ характера применения сетевых аналитических инструментов в некоторых цифровых проектах в сфере культуры;

6. Провести локальное исследование отношения пользователей к новым возможностям сетевых аналитических инструментов;

7. Выявить проблемы, которые создают в социокультурном пространстве сетевые аналитические инструменты, базирующиеся на расчетных методиках SEO-оптимизации, рейтингах, неопределенном авторстве, выстраивании контента в ленту, автоматизированных методиках отбора цифрового культурного наследия.

Хронологические рамки исследования охватывают период от последних десятилетий XX в. до первой четверти XXI в., в течение которых проблематика взаимосвязи сетевых аналитических инструментов и культуры прошла путь от первых эмпирических исследований и критических рефлексий до институционализации в качестве самостоятельного направления культурологических исследований.

Определение **территориальных границ** исследования исходит из глобального характера объекта изучения, и вместе с тем учитывает необходимость культурно-специфической конкретизации выводов, поэтому ограничено преимущественно российским сегментом сети Интернет.

Эмпирическая база диссертационного исследования определена с учетом междисциплинарного характера поставленной проблемы и необходимостью выявить культурологический потенциал сетевых аналитических инструментов. В круг **источников исследования** включены нормативно-правовые акты и документы стратегического планирования, задающие ценностную рамку для оценки социокультурных рисков в российском контексте, а также цифровые ресурсы, такие как Национальная электронная библиотека (НЭБ), электронная научная библиотека eLibrary, агрегатор научных публикаций «КиберЛенинка», справочно-аналитический электронный ресурс «Рувики» и медиаплатформа «Дзен», анализ которых позволил обеспечить репрезентативность выводов и создать основу для дальнейших прикладных исследований в этой предметной области.

Методология и методы исследования. Методологической базой диссертационного исследования выступают исследования историко-культурной динамики социума, представленные в публикациях основателей концепций постиндустриального (технотронного, информационного) общества, ставящие социальное развитие в прямую зависимость от технологических изменений в производственных процессах (Т. Адорно, Э. Тоффлер, Д. Белл, М. Кастельс, М. Маклюэн, Г. Маркузе, Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас, М. Хоркхаймер, О. Шпенглер и др.)¹. В своих работах они выражали боязнь утраты гуманистических идеалов и нравственных нормативов в современном обществе, выражали озабоченность по поводу неконтролируемого, расширяющегося влияния техники и технологии на образ жизни и его возможных негативных последствий для будущего. Эти культурные перекосы отражены в работах многих представителей постмодернистской философии.

Диссертационное исследование в качестве методологического фундамента опирается на исследования, развивающие теоретико-информационный подход к культуре (Р. Ф. Абдеев, В. Г. Афанасьев, Г. А. Голицын и В. М. Петров, К. К. Колин и А. Д. Урсул, Ю. М. Лотман, А. И. Ракитов и др.)².

Для данного исследования в качестве методологической базы важны положения семиотики, текстологии и других наук, изучающих тексты как знаковые системы и артефакты культуры (Ф. де Соссюр, К. Леви-Стросс, Г. Г. Шпет, М. М. Бахтин, Вяч. Вс. Иванов, Ю. М. Лотман, А. А. Потребня,

---

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М., 2004. 783 с.; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. 608 с.; Маклюэн Г. М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. М., 2022. 443 с.; Шпенглер О. Закат Европы : В 2-х т. М., 1998; Хоркхаймер М., Адорно Т. Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс. М., 2016. 104 с.; Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2010. 588 с.; Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. 368 с.; Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. В. I-II. Frankfurt, 1981.

² Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994. 336 с.; Афанасьев В. Г. Социальная информация. М., 1994. 200 с.; Голицын Г. А., Петров В. М. Информация – поведение – творчество. М., 1991. 221 с.; Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999. 464 с.; Колин К. К., Урсул А. Д. Информация и культура: введение в информационную культурологию. М., 2015. 288 с.; Ракитов А. И. Философия компьютерной революции. М., 1991. 287 с.

Г. Г. Почепцов и др.)¹, а также исследующие математические зависимости распределения информационных потоков в рамках наукометрии и библиометрии (С. Брэдфорд, Д. Прайс, А. Причард, Г. М. Добров, В. В. Налимов, З. М. Мульченко, В. М. Мотылев, С. Д. Хайтун и др.)².

Методологической базой также служат многочисленные исследования в области культурологии, философии, социологии, информатики, лингвистики, журналистики, анализирующие параметры цифровой среды, продвижения в ней публикаций на тему технологий формирования общественного мнения, медийных персон, виртуальных личностей и т.д.

Исследование проводилось на базе структурно-функционального подхода, позволившего рассмотреть совокупность сетевых аналитических инструментов как целостную систему, раскрыть их особенности, функционал и границы положительных значений, а также системно-генетического подхода – для установления генетического родства с методами текстологии, наукометрии и библиометрии. Были использованы также:

– структурно-типологический метод – для определения типологических признаков сетевых аналитических инструментов, их упорядочения в классификационной схеме;

– метод культурологической интерпретации – для анализа и характеристики создаваемых сетевыми аналитическими инструментами угроз и негативных последствий;

– социологический опрос – для выявления отношения пользователей к результатам использования сетевых аналитических инструментов в предлагаемом сетью Интернет электронном контенте.

---

¹ Бахтин М. М. Проблема текста // Собрание сочинений : В 7-ми т. М., 1996. Т. 5. С. 306–328; Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и теории культуры. М., 1998. Т. I. 911 с.; Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2011. 541 с.; Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 2020. 303 с.; Потебня А. А. Символы и мифы. М., 2015. 257 с.; Почепцов Г. Г. Русская семиотика. Идеи, методы, персоналии, история. М., 2001. 761 с.; Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. 380 с.

² Bradford S. C. Documentation. London, 1953. 200 p.; Prichard A., Witting G. Bibliometrics: A-Bibliography and Index. Watford, 1981. 160 p.; Прайс Д. Малая наука, большая наука // Наука о науке. М., 1966. С. 181–384; Добров Г. М. Наука о науке. Начала науковедения. Киев, 1989. 301 с.; Мотылев В. М. Об определении времени старения документов // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1976. № 12. С. 3–7; Налимов В. В., Мульченко З. М. Наукометрия: изучение развития науки как информационного процесса. М., 1969. 192 с.; Хайтун С. Д. Наукометрия: состояние и перспективы. М., 1983. 344 с.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– В диссертационном исследовании впервые представлена культурологическая интерпретация проблематики становления цифровой среды в сопряжении с регулируемыми ее наполнение сетевыми аналитическими инструментами, широкое внедрение которых видоизменяет повседневные практики и модели информационного поведения людей. Проанализирована преемственная связь и различия между инструментами управления информационными потоками и массивами, применяемыми в отношении традиционных изданий и сетевого электронного контента. Сетевые аналитические инструменты показаны как технически усовершенствованная интерпретация методов текстологии, наукометрии, библиографии и библиометрии.

– Информационная культурология как направление в развития современной культурологии, обусловленное значительным влиянием на социум информационных технологий, дополнена новыми сюжетами. Выделены досетевой и сетевой этапы в ее становлении; сетевой в условиях стремительной динамики технологий подразделен на несколько подэтапов, соотнесенных с периодизацией становления цифровой среды – Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0, Web 4.0. Определено место информационной культурологии среди родственных направлений (медиафилософии, медиапсихологии, медиасоциологии, медиакоммуникаций и др.), уточнены тенденции расширения ее исследовательского поля.

– Впервые произведена классификация современных сетевых аналитических инструментов по разным основаниям. Рассматриваемые инструменты, в том числе новейшие инструменты, такие как большие данные и искусственный интеллект, распределены по группам, определен их культурологический потенциал и дана оценка социокультурных последствий их применения.

– Рассмотрена структура и наполнение современной цифровой среды, выявлено как сбор цифровых следов пользователей, формирование массива

больших данных, внедрение искусственного интеллекта изменяют повседневные практики, тем самым определяя выработку принципиально новых культурных форм, новых моделей поведения, ценностных предпочтений, образа жизни;

– Проведен анализ использования сетевых аналитических инструментов, дана оценка его эффективности на примере ряда цифровых проектов в сфере культуры, таких как: Национальная электронная библиотека (НЭБ), электронная научная библиотека eLibrary, агрегатор научных публикаций КиберЛенинка, справочный электронный агрегатор «Рувики», электронная платформа «Дзен». В каждом из рассмотренных примеров обнаружены ошибки и несоответствия, вызванные неспособностью используемых технологий распознать реальную картину пользовательской оценки контента.

– Впервые проанализировано пользовательское отношение к результатам применения современных сетевых аналитических инструментов, которое продемонстрировало также свою неоднозначность. Большое число респондентов тревожит активное проникновение в реальную жизнь формализованных методик ранжирования электронного контента, продвижение его на основе не высокого качества его текста, а выбора большинством пользователей.

– Культурологический анализ цифровой среды позволил зафиксировать ряд проблем, характерных для современного социума. Впервые выявлены и охарактеризованы в культурологическом дискурсе проблемы, спровоцированные использованием методик SEO-оптимизации, построением рейтингов, возможностью анонимного и неопределенного авторства, предоставлением пользователям контента, собранного в ленту в зависимости от проявленного пользовательского интереса, автоматизированными методиками отбора цифрового культурного наследия.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Цифровая среда, наполненная разнообразным контентом, регулируется сетевыми аналитическими инструментами, представляющими собой совокупность расчетных методик, созданных на основе программных средств. Они предназначены для упорядочения и ранжирования электронного контента, проверки его оригинальности, а также отбора для предоставления пользователям в соответствии с ранее проявленным интересом. В традиционной издательской практике предпосылками этих действий были методы текстологии, наукометрии, библиографии и библиометрии. Генетическое родство традиционных изданий и электронных текстов обусловило некоторую преемственность в отношении выполняемых функций, но новые технологии в области генерации и функционирования электронного контента предопределили дальнейшее развитие их потенциала.

2. Информационная культурология как отдельная ветвь культурологии динамично развивается и усложняется параллельно с динамикой информационных технологий. В ее становлении выделяются досетевой и сетевой этапы. Особенно динамично исследовательские практики пополняются новыми сюжетами, нацеленными на изучение влияния информационных технологий на социокультурное пространство, в условиях сетевого этапа. В ответ на новые вызовы, обусловленные усложнением цифровой среды в соответствии с технологическими рывками, особенно – Web 3.0, Web 4.0, а также появлением новых инструментов, управляющих ее контентом, перспективными направлениями развития информационной культурологии становятся уточнение ее проблемного поля, расширение методологического базиса и институционализация этих изменений в структуре современного научного знания.

3. Классифицирование сетевых аналитических инструментов возможно:
– по объекту – как текстологические и пользовательские; объектом текстологических инструментов выступают элементы текста сообщения, которые подвергаются различным манипуляциям в соответствии с выбранной

методикой; объектом пользовательских инструментов выступают подсчет фактов обращения к тексту сообщения и различные оценки пользователей;

– по характеру расчетных значений – как базовые и расчетные; базовые инструменты предоставляют полученные данные в абсолютных значениях, расчетные – в относительных;

– по аналитическому потенциалу – как сравниваемые и нормативные. Простое количественное сравнение каких-либо фактов имеет незначительный аналитический потенциал. Он усиливается путем сравнения с некоторыми специально рассчитанными нормативными значениями, свидетельствующими о приемлемом состоянии рассматриваемого объекта. Например, процентное значение оригинальных и заимствованных фрагментов в тексте в рамках определенной амплитуды нормативных значений позволяет сделать общий вывод о качестве текста;

– по сферам применения – в научной и образовательной деятельности, в журналистике и блогосфере, редакционной работе, маркетинге и рекламе, госуправлении, киберпространстве и т.д.; в каждой из сфер сетевые аналитические инструменты трансформируются в соответствии с поставленными задачами;

– по технологическим этапам развития сети Интернет – Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0, Web 4.0;

– по выполняемым функциям, таким как: упорядочения и ранжирования сетевого контента; управления поведением пользователей сети; содействия повышению качества текста; содействия правовой защите; соответствию требованиям научной этики и др.;

– по культурологической оценке – как позитивной, нейтральной и отягченной рядом серьезных негативных последствий для социума.

4. Современная цифровая среда изменяет повседневные практики пользователей. Идентифицируя себя в сети, они оставляют цифровые следы, которые будучи собранными в цифровой профиль, в большие данные, используются для управляемого воздействия в разных целях. Таким образом

сеть вторгается в личное пространство гражданина, следит за ним, может интерпретировать его действия и прогнозировать намерения. Это побуждает общество к выработке принципиально новых культурных форм и практик, в том числе новых моделей поведения, ценностных предпочтений, образа жизни.

5. Анализ практического опыта использования сетевых аналитических инструментов на примере ряда цифровых проектов в сфере культуры показал их несовершенство. Без человеческого участия сами по себе эти инструменты не способны отличить качественный контент от некачественного, дать ему объективную оценку, выделить реально значимые проблемы.

6. Значительное количество пользователей тревожит активное проникновение формализованных методик, осуществляющих попытки регламентировать их выбор контента в цифровой среде. Молодая аудитория менее требовательна и более позитивно оценивает предлагаемый ей сетью контент, старшие группы пользователей более требовательны и избирательны, активно противостоят попыткам регламентировать их выбор сетевыми аналитическими инструментами.

7. Все сетевые аналитические инструменты имеют свой предел положительных значений, выход за который провоцирует негативные социокультурные последствия, требующие разработки специальных мер технологического, управленческого и воспитательного характера для снижения их остроты. Наиболее сложные социокультурные проблемы создают инструменты, использующие в своих расчетных методиках SEO-оптимизацию, рейтинги, возможность анонимного и неопределенного авторства, предоставление пользователям контента, собранного в ленту в зависимости от проявленного пользовательского интереса, автоматизированные методики отбора цифрового культурного наследия.

Теоретическая значимость исследования заключается в существенном расширении методологического аппарата современной культурологии и формировании новых перспектив для изучения цифровой

среды. Проведенный анализ позволяет системно интегрировать подходы цифровой гуманитаристики в культурологическое знание, что способствует преодолению междисциплинарных разрывов.

В работе впервые в отечественной культурологии осуществляется комплексная концептуализация сетевых аналитических инструментов (таких, как алгоритмы ранжирования, рекомендательные системы, методы больших данных) не в качестве технических артефактов, но как акторов, формирующих культурные процессы и практики. Разработана оригинальная типология данных инструментов с учетом характера их воздействия на культуру: инструменты курации, видимости и идентичности.

В научный оборот вводятся и получают содержательное наполнение новые категории, необходимые для анализа цифровой культуры: «алгоритмическая курация» (раскрывается через феномен ленты и рейтинговые механизмы), «цифровой культурный след» (анализируется в контексте больших данных) и «платформенная идентичность» (рассматривается через призму пользовательских практик).

Ключевым вкладом является формирование теоретических основ информационной культурологии как перспективного направления, изучающего взаимовлияние технологических платформ, культурных норм и социальных изменений. Таким образом, исследование создает основу для дальнейшего изучения трансформации культуры в условиях цифровизации, предлагая универсальный понятийный аппарат и методологический инструментарий.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его теоретические положения, аналитические выводы и разработанный инструментарий могут быть использованы в процессе совершенствования управленческой деятельности и стратегического планирования в учреждениях культуры, методического обеспечения экспертной деятельности в сфере культуры, профилактике социокультурных рисков и деструктивных информационных воздействий. Материалы

диссертации могут быть использованы при разработке учебных курсов и модулей для студентов гуманитарных направлений подготовки в процессе изучения дисциплин «Культурология», «Социология», «Медиакоммуникации» и других, а также в системе дополнительного профессионального образования и повышения ключевых компетенций работников культуры.

Личный вклад соискателя состоит:

– в разработке теоретико-методологических оснований: соискатель осуществил анализ и синтез философских, культурологических и междисциплинарных подходов к изучению цифровой среды, что позволило сформировать оригинальную методологическую рамку диссертационного исследования;

– в дополнении проблематики информационной культурологии новыми исследовательскими сюжетами;

– в уточнении перечня сетевых аналитических инструментов, их классифицировании по разным основаниям, определении возможностей и границ положительного влияния на социум, а также провоцируемых ими социокультурных рисков;

– в изучении характера использования сетевых аналитических инструментов на примере цифровых проектов в сфере культуры (Национальная электронная библиотека (НЭБ), электронная научная библиотека eLibrary, агрегатор научных публикаций КиберЛенинка, справочный электронный агрегатор «Рувики», электронная платформа «Дзен»);

– в выявлении степени влияния сетевых аналитических инструментов на пользовательские практики.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Тема и содержание диссертации соответствуют специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства в части пунктов: 13. Возникновение и развитие исторически удаленных и современных феноменов культуры; 38. Культура и

коммуникация. Межкультурные коммуникации; 75. Медиакультура. Цифровая культура; 103. Концепции информационной культуры; 104. Роль цифровой среды в становлении новых культурных форм и практик; 111. Наука – технология – культура: подходы к изучению их взаимовлияния.

Степень достоверности и апробация результатов исследования подтверждается применением базовых методологических принципов и комплекса научных методов, отвечающих поставленной цели и задачам, привлечением репрезентативных данных для раскрытия темы материалов, в том числе обобщенных результатов научных исследований, которые позволили охарактеризовать сетевые аналитические инструменты и определить их культурологический потенциал.

По теме исследования опубликованы 14 научных работ. Основные результаты диссертационного исследования изложены в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации по научной специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства по отрасли культурология – 5 статей; в других рецензируемых научных изданиях – 9 статей.

Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на заседании отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, были представлены в докладах на научно-практических конференциях разных уровней, в том числе: на X международной научно-практической конференции «Электронное информационное пространство для науки, образования, культуры» (Орёл, 14 декабря 2023 г.), на международных научных форумах «Культурное наследие как ресурс межнационального согласия» (Кабардинка, Геленджик, 21–24 сентября 2023 г., 26–29 сентября 2024 г., сентября 2025 г.), на научно-практических конференциях аспирантов и молодых ученых «Науки о культуре и искусстве: перспективные

исследования» (Москва, 23–24 января 2024 г., 22–23 января 2025 г., 20–22 января 2026 г.).

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, девяти параграфов, заключения, списка источников и литературы. Общий объем диссертации – 186 страниц. Список источников и литературы включает 247 наименований.

Глава 1.

ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Культура, информационные технологии и общество: взаимовлияние и грани соприкосновения*

Исследование движущих сил общественного развития с позиции определения роли и значения в них культуры и информационных технологий находится в центре проблематики ряда современных философско-культурологических концепций.

В большинстве из них среди основных акторов цивилизационного прогресса на первый план выдвигаются прежде всего экономика, промышленные технологии и производство, отводя место культуре где-то на периферии, говоря словами К. Маркса – в «надстройке». Как известно, из всего многообразия спектра человеческой деятельности К. Маркс поставил на первое место производство материальных благ, необходимых для существования человеческого общества. Согласно его взглядам, именно оно определяет в конечном итоге содержание и направленность складывающихся производственных отношений, способствующих развитию других видов деятельности людей – в сферах услуг и духовной жизни, в науке и культуре.

По вопросу о том, что эта зависимость имеет место быть – так или иначе разногласий среди философов не наблюдается. Но вот в какой мере материальное производство определяет путь цивилизации, какова в этом процессе роль культуры и как это отражается на ценностях общества, положении человека, его мировоззрении и т.д., трактуется по-разному: от крайних точек зрения до почти полного игнорирования.

---

* При написании параграфа использованы материалы опубликованных исследований соискателя, см.: №№ 140, 143 в списке использованной литературы.

В своем крайнем выражении позиция доминирующего влияния производства материальных ценностей представлена направлением под названием «технологический детерминизм», который решающее значение в развитии общественно-экономических структур придает изменению технической и технологической сторон производства. Наиболее полно эта идея представлена в работах американского экономиста Дж. К. Гэлбрейта¹. Ее разделяют также Г. Скотт, Л. Штайнбух, Г. Краух и другие.

Детерминизм означает взаимную определенность и зависимость всех явлений и процессов, которые поддаются строго однозначному описанию и предсказанию. Бурное развитие техники в конце XIX – начале XX веков породило соответствующие ожидания, и это способствовало переносу из естественных и технических в гуманитарные науки принципа жесткого детерминизма. Это дало основание представить общество как слаженно работающий механизм, аналогичный техническому устройству.

Как известно, техника и технологии руководствуются универсальными критериями (эффективность, экономичность, системность, надежность и т.д.), определяющими характер технических новаций, направления развития идей, масштабность применения техники. А вот «внешние» факторы (экологические соображения, моральные или идеологические инструменты и т.д.) с этой точки зрения способны лишь отклонять «нормальный ход» развития технологий, что чаще всего отрицательно сказывается на нем². Они приводят к поломкам, которые могут и должны быть устранены некоторыми методами и приемами.

Именно поэтому наиболее значимая роль в регулировании социальных процессов отводится высококвалифицированным техническим специалистам, которым следует, по мнению приверженцев этой концепции, доверить политическую власть, поскольку они обладают научными знаниями, высокой квалификацией и будут действовать в соответствии с выявленными законами и закономерностями во благо всего общества³. Такой взгляд вытекает из

---

¹ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М., 1969. 479 с.

² Современная западная философия : словарь. М., 1991. С. 342.

³ Там же. С. 298.

попыток подчеркнуть значение деятельности людей для хода социальной истории.

Несмотря на то, что технологический детерминизм подвергается серьезной критике из-за упрощенных, «механических» образов и схем, с помощью которых предпринимается попытка выявления закономерных связей общественной жизни, его утверждения в той или иной степени разделяют идеологи концепций индустриального, постиндустриального, технотронного, информационного общества, ставящие социальное развитие в прямую зависимость от технологических изменений в производственных процессах (Д. Белл, Г. Маркузе, М. Кастельс, Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас и др.) В соответствии с их взглядами, любое достаточно крупное изменение техно-технологического порядка также влечет за собой изменение социальных структур и отношений. Но в то же время, не подвергая сомнению определенную зависимость прогресса от уровня развития производительных сил, прорывных технологий, они обращают внимание на нелинейность реальных процессов. Указанные выше философы подчеркивают иррациональность психологической природы человека. Именно поэтому ни его поведение, ни развитие человеческого общества в целом не могут быть описаны и познаны с сугубо технократических позиций.

В современной философии представлены другие направления, полностью или частично отрицающие универсальный характер принципа причинной обусловленности событий, апеллирующие к иррациональным составляющим социального бытия, утверждающие невозможность свести социальную историю к формальным закономерностям, допускающим элементы вероятности и неопределенности. Так, О. Шпенглер противопоставляет материалистическому пониманию истории идею жизненного пути, опосредованную «судьбой» народа, которая фактически совпадает с жизненными планами и устремлениями, доминирующими в культуре того или иного народа¹. Представители «философии жизни»

---

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1998. С. 85.

(Ф. Ницше, В. Дильтей, Г. Зиммель, А. Бергсон и др.), выступая в оппозиции классическому рационализму, вывели составляющие социального бытия, которые отрицают жесткую закономерность и последовательность. Они утверждают, что доминирование технократических идей, если они оторваны от гуманистических целей и ценностей, способно породить лишь иррациональные последствия, разрушающие основы человеческого бытия.

Аналогичный подход характерен и для представителей франкфуртской школы, утверждавших необходимость поиска гармонической соразмерности технических систем и среды обитания человеческого общества. Боязнь утраты гуманистических идеалов и нравственных нормативов в современном обществе, страх перед подавлением человеческой индивидуальности, опасение того, что человек в конце концов превратится в придаток машины, прослеживается в работах Т. Адорно, Г. Маркузе и др.¹ М. Хайдеггер выражал озабоченность по поводу неконтролируемого, расширяющегося влияния техники и технологии на образ жизни и его возможных негативных последствий для будущего². И также они считают, что общество должно найти способы установления социальных пределов и эффективных регулятивов технологического развития. Они утверждают, что отчужденный мир технических действий и объектов воспринимается как угроза бытию, а техника сама по себе не является абсолютным благом, т.к. техническое действие никогда не может быть «чистым» в достижении поставленной цели, а всегда имеет негативные побочные эффекты.

И их тревоги были небезосновательны. XX век привнес в социальную жизнь большое число угроз, вызванных стремительным проникновением техники во все сферы. М. Хайдеггер утверждал, что источник заключается в самой сущности человека, принимающего мир исключительно как материал для удовлетворения своих притязаний, а технику – как орудие, с помощью которого снимаются завесы природных тайн, бытие предстает как форма и

---

¹ Современная западная философия : словарь. М., 1991. С. 299.

² Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993. С. 221–238.

условие человеческого существования. Поэтому попытки избежать грозящей опасности путем каких-либо внешних ограничений технического развития, рационального обуздания техники, безнадежны; с опасностями техники нельзя совладать с помощью самой же техники. Спасение, если оно вообще возможно, состоит в изменении мировоззрения¹.

Ведь технологии приносят не только новые блага. Это – инструмент, который можно применять в разных ситуациях и с разным результатом, в том числе и не всегда положительным. Поэтому наиболее обширной проблемной областью философско-культурологических исследований является обсуждение социальных последствий научно-технического прогресса, в том числе касающихся гуманистических ценностей. Ведь в общественной практике не редкость когда оптимальный по своим техническим или экономическим параметрам проект является неприемлемым из-за несоответствия определенным культурным традициям, а совершенные с технической точки зрения системы не согласуются с моральными или религиозными принципами.

Для того чтобы устранить или сгладить перекосы, возникающие на современном этапе, необходимо движение в сторону установления соразмерности всех сфер жизнедеятельности общества. Согласно взглядам Л. Альтюссера, «общество – как изначально сложное «структурированное» целое может развиваться лишь в результате взаимодействия всех его сфер². Экономика, детерминирующая (определяющая) в конечном счете другие сферы общества, сама ими «сверхдетерминируется». В этом ряду и другие ученые, отмечавшие, что значение техники не больше и не меньше, чем значение современной ей культуры»³.

Говоря о роли культуры в этом процессе, мы опираемся на взгляды А. Я. Флиера, который утверждал, что любая человеческая деятельность в

---

¹ Современная западная философия : словарь. М., 1991. С. 366.

² Альтюссер Л. За Маркса. М., 2006. 392 с.

³ Горохов В. Ф. Техника как ценность культуры / В. Ф. Горохов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 10-5. С. 127–132.

большей или меньшей степени культурно детерминирована¹. Деятельность всегда целенаправленна и представляет собой определенную технологию, сложность которой обусловлена уровнем развития цивилизации, опытом и традициями. Опираясь на собственный технологический базис, каждая отдельная цивилизация в исторической ретроспективе формировала соответствующие модели социальной организации, вырабатывала мировоззренческие представления об окружающем мире, утверждала свои моральные принципы и законодательные нормы, создавала уникальные образцы культуры и искусства. А. Я. Флиер пишет: «Так или иначе, но каждый новый вызов истории или природы требует «придумывания на ходу» более или менее импровизационного ответа. Другое дело, что всякое осмысленное и социально значимое действие человека отчасти является таким «придумыванием на ходу», а отчасти регулируется имеющимся социальным опытом, т. е. культурой»².

Технологический прорыв и культуротворчество взаимозависимы и неразрывно связаны. При том, что технологии задают общий ритм развития культуры, в эволюции человеческого сообщества происходит непрерывная гуманизация техносферы – приспособление любых инноваций к физическим особенностям человека³. В выработанных культурных формах консервируется опыт, передаются знания, что дает импульс новому скачку в развитии технологий. Одновременно культура цементирует социум, структурно его организует, выстраивая и гармонизируя взаимоотношения между субъектами.

В процессе социального развития оказывается, чем более в культурном отношении развито общество, тем сложнее используемые им технологии. И наоборот, появившиеся благодаря культурному обмену новые технологии, своими результатами влияя на сознание и потребности людей, облагораживая среду их обитания, двигают общество вперед, тем самым усложняя его

---

¹ Флиер А. Я. История как культурный артефакт / А. Я. Флиер // Культура культуры. 2024. № 3. С. 21–33.

² Флиер А. Я. История как культурный артефакт / А. Я. Флиер // Культура культуры. 2024. № 3. С. 21–33.

³ Чеснокова Т. Ю. Постчеловек: от неандертальца до кибога. М., 2008. С. 38.

структуру и все сферы культурного производства. Общество оказывается на развилке – старые ценности, выработанные на предыдущих этапах развития, в своей массе обесцениваются, а новые еще не успевают выработаться. В этих условиях культура вынуждена, с одной стороны, сохранять, консервировать лучшие образцы и модели, а с другой – адаптироваться к новым условиям.

Первоначально, как правило, новшества воспринимаются положительно. Нужно время, чтобы проявились их негативные следствия. Более того, эти негативные следствия в условиях бесконтрольного использования должны нарастить критическую массу, чтобы быть осознанными и принятыми большими числом субъектов, вызвать протестные настроения. А это заставит искать противовес – некие технические средства, процессы и приемы деятельности, правовые нормы, культурные формы и модели поведения, в совокупности приуменьшающие степень их воздействия.

Но интеграция этих новых культурных форм в социум тоже не происходит безболезненно, поскольку для их распространения нужны новые технологии и приемы со всеми вытекающими из этого следствиями. Эта круговерть представляет собой бесконечный процесс развития, со скачками и кризисами. И это воспринимается человеком болезненно, поскольку общество резко дисгармонизируется, рушатся устои, низвергаются авторитеты, которые долгое время служили образцами для подражания. Люди теряют опору, поскольку лишается внутренних убеждений, мировоззренческих ориентиров. Эти культурные перекосы отражены в постмодернистской философии Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, К. Фергюссона, М. Эпштейна, Д. Белла, Р. Барта и др.

Таким образом, культура стоит у истоков появления новых технологий, но, появившись, они разрушают так бережно выстроенное ею же социальное равновесие. И нужно его выстраивать заново, формировать новые ценности. Так в культуре появляются разные пласты, соответствующие разным уровням развития технологий, а в обществе – социальные страты, различающиеся не

только своим местом в социуме, возможностями пользоваться его благами, но и отношением к новым ценностям.

В предыдущие эпохи этот процесс протекал довольно медленно, обостряясь лишь в отдельные периоды, а смена системы ценностей зачастую совпадала со сменой поддерживающих их поколений. «Дети» отрицали идеи, ценности, теоретические знаниевые конструкции, стилевые направления «отцов», выдвигая собственные, свято веря в их непогрешимость, в и течение всей жизни им следовали. Прогрессирующая структуризация общества, технологический прорыв привели к ускорению развития общества. Начиная с XX в., в технологиях произошел резкий скачок, и социальные процессы начали ускоряться. Смена технологий превзошла по динамике смену поколений. И с каждым десятилетием этот процесс проявляет себя все более активно.

Современная техника достигла такой степени сложности и быстродействия, которая превосходит физиологические возможности человека. Современные компьютерные системы могут просчитывать миллионы вариантов в секунду, а биологические реакции человека сводят на нет преимущества такой скорости, снижая темпы принятия оперативных решений, позволяют критическим ситуациям развиваться в значительной мере спонтанно¹. Ученые с тревогой констатируют, что техносфера постепенно выходит из-под контроля. Поэтому в настоящее время на первый план философско-культурологических исследований выходят проблемы, связанные с бурным развитием и внедрением во все сферы жизни компьютерной техники.

Как таковые компьютерные технологии создавались из лучших побуждений, материализуя во благо человека открытия в математике, логике, лингвистике и естественных науках. «Фактически – это совокупная научная идея, самостоятельно живущая в объединенной массе технических и логических устройств, которые обеспечивают жизнь человеческого общества.

---

¹ Чеснокова Т. Ю. Постчеловек: от неандертальца до кибога. М., 2008. С. 37–41.

Особенностью современного периода стало ее скачкообразное развитие, опережающее человеческие способности и ломающее сложившиеся этические представления¹.

Современные реалии вызвали следующие изменения в мировосприятии человека. Новая коммуникативная среда привнесла в общество новые образы, идеи, символы и ценности. Известно, что осознает человек лишь то, что может воспринять. Новая среда обитания, обогащенная новыми техническими устройствами, способствующими усилению синкретичности восприятия, казалось бы, позволяет найти утраченный путь гармонии с окружающим миром. Но эти же средства усиливают и разрыв между человеком и его целостным восприятием среды. Человеческая природа довольно консервативна, общество не успевает адаптироваться к происходящим изменениям. И складывающиеся веками нормы, правила, культура взаимоотношений, самопрезентации страдают.

Сложившаяся парадоксальная ситуация объясняется тем, что новые информационные технологии обеспечивают рост динамики и увеличивают сложность среды человеческого обитания. Это, по мнению В. Ф. Горохова, стимулирует такой тип отношения к технике и технологиями как противостоящим и даже пагубным для культуры, поскольку происходит разрушение сложившегося уклада жизни, что подрывает веру в многовековые нормы, обычаи, традиции и ценности жизни, разрушает основы религиозной веры, радикальным образом изменяет культуру, основательно и повсеместно детерминируется ею, что может привести к утрате ее самобытности, глубины, уникальности, гуманистического характера².

Нам глубоко импонирует мысль В. Ф. Горохова: «В силу того, что техника исключительно динамическая составляющая культуры и в своем развитии явно опережает все остальные ее элементы (за исключением науки), перед человечеством возникла поистине глобальная проблема –

---

¹ Чеснокова Т. Ю. Постчеловек: от неандертальца до кибога. М., 2008. С. 281.

² Горохов В. Ф. Техника как ценность культуры / В. Ф. Горохов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 10-5. С. 127–132.

гармонизировать всю сферу человеческого бытия, не допустить явного отставания духовных, социальных, правовых, моральных и политических начал по сравнению с техническими. Соответственно, рост технической оснащённости должен сопровождаться повсеместным укреплением правовой и нравственной культуры, формированием у личности серьёзной ответственности за техносилу. Техника – эта не просто машина, но и власть, средство достижения целей, следовательно, власть должна быть справедливой, а цели благородными»¹.

Об этом также пишет Н. А. Симбирцева: «Существующие сегодня коммуникативные отношения характеризуются большим количеством новых средств накопления, хранения и передачи информации. Вследствие чего традиционные механизмы и каналы трансляции социокультурного опыта и системы ценностей не только претерпевают изменения, но и подменяются и даже вытесняются. В результате формируется специфическая среда, в которой СМИ, Интернет, реклама, симулятивные технологии влияют на производственно-потребительские запросы человека. Информационные потоки, скорость которых сегодня оценить очень сложно, порождают не только новый тип сознания, но и способы их критического восприятия»².

Информационные технологии, безусловно, обладают мощнейшим культуротворческим потенциалом. Его суть, по мнению Ю. Ю. Сугробовой, коренится в изначально комбинаторном характере культуротворчества. То есть идеи и смыслы современной культуры – это сложноорганизованный синтез концептов, ценностей, идей и их фрагментов, взятых из разных парадигм, научных дисциплин, культурных эпох и сфер культуры.

Она отмечает ряд специфических особенностей культуротворчества в пространстве современных технологий. Благодаря нынешнему уровню развития информационных технологий информация, знания и продукты

---

¹ Горохов В. Ф. Техника как ценность культуры / В. Ф. Горохов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 10-5. С. 127–132.

² Симбирцева Н. А. Специфика культурологической интерпретации (тексты культуры и читатели). Екатеринбург, 2017. С. 282.

творчества являются не только доступными, но и открытыми (зачастую они полностью или частично лишены авторства). Субъекты культуротворчества практически безгранично свободны в выборе и использовании информации. Такая степень свободы в совокупности с невероятным количеством источников, конечно, обуславливает трудности поиска, классификации и выбора информации. С одной стороны, эта проблема снимается изменением характера восприятия и потребления информации, с другой – ее стремятся решить все те же усовершенствованные или принципиально новые информационные технологии¹.

Информационные технологии настолько глубоко проникли в жизнь людей, вросли в ее повседневность, что уже невозможно рассматривать их как артефакты, исключительно принадлежащие миру техники. Они уже встроены в социальное пространство и служат катализатором изменения социокультурных систем. Не представляется возможным вычленив их из общего мировоззренческого и культурологического контекста. Колоссальная и всевозрастающая интенсификация производства информации в значительной мере обусловила становление и развитие новой культурно-философской парадигмы, определила характерные черты сознания современного человека, существенно повлияла на все коммуникативное поле культуры и сформировала принципиально новые его механизмы.

1.2. Информационная культурология: история, структура, актуальные направления исследования

Бурная информатизация всех направлений жизнедеятельности стала вызовом для общества и стимулом для появления новых направлений научных

---

¹ Сугрובה Ю. Ю. Информационные технологии в аспекте современного культуротворчества // Науки о человеке: гуманитарные исследования. 2014. № 2. С. 183–190.

исследований, причем, не только в области техники и технологий, но и экономики, социологии, права, педагогики и др. В культурологии стало формироваться направление под названием «информационная культурология», в исследовательском поле которой в качестве главной задачи было заявлено изучение направлений культурного развития общества под влиянием информационных технологий.

Центральной категорией информационной культурологии выступает информация. Ее фундаментальная роль в развитии человеческой цивилизации осознана человечеством еще в глубокой древности. А технологии ее передачи, вплетенные в процесс практической деятельности, все время совершенствовались, поднимая уровень развития общества все выше и выше. Начиная от неинституализованного, непосредственного общения между поколениями живущих рядом людей, реализовавшегося посредством естественных способностей человека, не требовавших специальных знаний и особых технических средств, позднее в обществе сформировались специальные социальные институты – центры сбора, тиражирования и распространения знаний, они же и одновременно выступали как центры культурной жизни. Благодаря их усилиям сложилась социокультурная среда, потребовавшая от членов сообщества определенных знаний и умений, а это, в свою очередь, по-новому стратифицировало социальную структуру, изменило процессы труда, распределение результатов, сформировало новое мировоззрение и соответствующую систему ценностей, что в конечном итоге изменило облик культуры.

Несмотря на то, что многовековая работа этих социальных институтов (издательств, библиотек, музеев, образовательных учреждений, СМИ и т.д.) привела к наращиванию огромного объема эмпирического материала, информационная культура как особая ветвь культуры, нуждающаяся в специальном исследовании и оформлении в научное направление, довольно длительное время не складывалась. Только в XX в., в условиях резко изменившихся условий жизни под влиянием научно-технического прогресса

для нее был сформирован соответствующий методологический базис в трудах философов, историков, социологов, психологов.

Одной из теорий, составляющих ее основу, следует назвать концепцию «информационного общества». Д. Белл, Е. Масуда, М. Маклюэн, Б. Нейнус, Э. Тоффлер и другие авторы, стоявшие у ее истоков, увидели в появлении на разных стадиях развития новых информационных коммуникаций главную причину и формообразующую силу общества. Именно в рамках этой концепции было разработано учение об аграрной, индустриальной и постиндустриальной (информационной) стадиях в развитии цивилизации. Их смена происходила в результате информационных революций, каждая из которых порождена появлением и широким распространением в истории человечества принципиально новой информационной технологии. С появлением такой технологии и ее результатом – ростом скорости обмена информацией – изменяется характер мышледеятельности, язык, уклад жизни, социальный характер, появляется новое представление о принципах групповой общности. Общество модернизируется, включая экономику, политику, культуру, искусство, формы духовного производства, мораль, ментальность, ценности.

Таких информационных революций в истории человечества было несколько: появление национальных языков, письменности и т.д. Но особая роль в развитии цивилизации принадлежит технологии книжной печати, создавшей индустриальное общество, о чем писал в своей книге «Галактика Гутенберга» М. Маклюэн¹. На многочисленных примерах он доказал, что типография, создавая первый стандартно воспроизводимый товар, выброшенный на рынок, тем самым показала пример массового товарного производства. А множество печатных источников, в свою очередь, расширило представления читающих людей об окружающем мире, активизировало развитие естественных наук, стимулировало потребность в систематических знаниях, в развитии системы образования и все это в конечном итоге стало

---

¹ Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего. М., 2022. 443 с.

причиной взрывной индустриализации, активизации рыночных отношений и последующего научно-технического прогресса.

С конца XX в., с появлением компьютерных технологий и по настоящее время мы в динамике наблюдаем течение уже другой информационной революции, формирующей постиндустриальное общество. Наилучшее определение ей дал Э. П. Семенюк, определивший эту революцию как «сложный феномен общесоциальной природы, процесс, в котором социальные технологии, экономические, политические и культурные механизмы не просто связаны, а слиты воедино. И главное в его содержании, – пишет автор, – качественное преобразование (на базе новейших технических и иных достижений) всей информационной сферы жизни общества с целью оптимизации результатов социально значимой деятельности любого рода»¹.

Бурно развивающаяся информатизация стимулировала качественные изменения в процессе общественного разделения труда, затронув коренным образом сферы общественного производства и государственного управления, потянув за собой шлейф разнообразных по содержанию последствий: экономических, психологических, аксиологических. Возникновение новых социальных феноменов, формирование невиданного ранее разнообразия концепций социального развития, разработка новых технологий преодоления пространственно-временных барьеров – далеко не полный перечень явлений, стимулируемых информатизацией.

Но исследования в историческом ракурсе показали отличия предыдущих информационных революций от той, что наблюдается в настоящее время. Предыдущие информационные революции были более щадящими для личности, поскольку были пролонгированными, растянутыми во времени. Поэтому смещение социальных опорных точек происходило на фоне естественной смены поколений и приобретало вид конфликта отцов и детей. Сегодняшние изменения спрессованы во времени и поэтому их

---

¹ Семенюк Э. П. Информационная культура общества и прогресс информатизации // Научно-техническая информация. Сер. 1. 1994. № 1. С. 1–8.

разрешение особенно болезненно. Более того, если в предыдущие исторические периоды закрепление новых форм поведения в ответ на вызовы времени происходило в рамках традиций, т.е. методом проб и ошибок с выбором наиболее оптимального варианта, то теперь традиции выработаться и закрепиться не успевают. Старые традиции не работают, а новые не успевают пройти апробацию временем.

Заслуга указанных выше авторов велика, прежде всего, тем, что они «высветили» информацию в качестве одной из движущих сил развития общества. Ранее этот феномен в качестве такового не рассматривался. Информация и способы ее передачи заняли место того необходимого элемента, который определяет циклический характер общественного развития, форму закономерной связи между предшествующими и последующими состояниями общества. А сама концепция «информационного общества» дала толчок последующим научным исследованиям, которые различаются подходами к пониманию роли и значения таких фундаментальных концептов, как культура и информация.

Во второй половине XX в. в культурологическом дискурсе был сформирован взгляд на культуру как особую информационную систему, со своей позиции характеризующую сущность человеческой цивилизации. В отечественной науке такой подход к культуре развивал Ю. М. Лотман, который дал определение понятия человеческой культуры как совокупности всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения¹. Этот подход также развивает в своей монографии Р. Ф. Абдеев. Он утверждает, что никакая социальная жизнь невозможна без информации, без общения и коммуникаций. «Информация, – пишет он, выступает в качестве двигателя общественного и технического прогресса, а также в качестве узлового пункта познания, выявляя всеобщие и конкретные, многогранные связи с действительностью как отражение этой действительности»².

---

¹ Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры. Материалы к курсу теории литературы. Тарту, 1970. Вып. 1. С. 5–6.

² Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994. 336 с.

В центр своей концепции Р. Ф. Абдеев ставит не сам феномен информации, а коммуникации как каналы, обеспечивающие ее движение. Он объясняет это тем, что информация в статике не имеет той силы и значимости, как в динамике. Он пишет: «В передаче сообщений, так и в вычислительных и других операциях – всюду достигается многократное сокращение временных интервалов, затрачиваемых на выполнение этих операции в контуре управления. Это и приводит к ускорению темпов»¹. При этом он подчеркивает, что происходящее «сжатие времени и пространства» не есть простое изменение масштабов. Существенно сближение объектов или событий дает новое качество, заключающееся в том, что объекты (события), ранее столь отдаленные друг от друга во времени и в пространстве и поэтому слабо взаимодействовавшие друг с другом, порой вовсе не зависевшие друг о друга, теперь сближаются («спрессовываются») настолько близко, что начинают непосредственно влиять друг на друга. Неизмеримо повышается эффективность процессов отражения, усиливается роль причинно-следственных связей, возникают новые взаимодействия, процессы, новые контуры управления. И все это является следствием информатизации. Компьютерные технологии дали невероятное расширение технических возможностей. И это стало вызовом, требующим нового уровня личной ответственности, что потребовало распространения новой информационной культуры среди людей.

В концентрированном виде проблематика информационной культуры личности как комплексного научного направления стала обозначаться в 70–80-е гг. XX в. Впервые о необходимости ее формирования было заявлено А. П. Сухановым в его монографии «Информация и прогресс»². Дальнейшее развитие этой темы было продолжено на страницах сборника научных трудов «Информатика и культура», подготовленного и изданного коллективом новосибирских ученых в 1990 г. Определенной вехой на пути становления

---

¹ Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации: монография. М., 1994. 336 с.

² Суханов А. П. Информация и прогресс. Новосибирск, 1988. 192 с.

может рассматриваться книга Г. Г. Воробьева «Твоя информационная культура»¹, в которой автор в доступной и популярной форме осуществил попытку рассказать о средствах и способах работы с информацией.

Эта проблематика в виду ее особой актуальности получила широкий общественный резонанс. Интерес к данной проблематике обозначился в философии, лингвистике, семиотике, информатике, психологии, социологии, библиотековедении и библиографоведении. Информация и информатизация в контексте культуры стали изучаться отдельными учеными и целыми общественными организациями. В 1993 г. в рамках Международной академии информатизации (МАИ) создано Отделение информационной культуры, возглавляемое профессором Ю. С. Зубовым и объединившее ученых разного отраслевого профиля из разных городов, вузов и научных учреждений России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Под эгидой МАИ начиная с 1993 по 2007 гг. Краснодарский государственный университет культуры и искусств проводил международные научные конференции по гуманитарным проблемам информатизации.

Проблематика информационной культуры находится в фокусе внимания разных ученых, принадлежащих разным научным школам, а изучение этого феномена характеризуется многогранностью подходов. Значительный вклад в становление этого научного направления внесли М. Г. Вохрышева, Н. И. Гендина, Г. А. Голицын, И. И. Горлова, А. А. Гречихин, И. И. Михлина, А. Н. Дулатова, Н. Б. Зиновьева, И. Г. Моргенштерн, В. М. Петров, Э. П. Семенюк, А. В. Соколов и др. В одних случаях исследования в этой области носят мировоззренческий характер (А. А. Гречихин, Ю. С. Зубов, В. М. Петров, А. И. Ракитов, Н. А. Сляднева, В. А. Фокеев и др.). Благодаря их работам определился ряд важнейших проблем гуманистического содержания информатизации, связанных с духовной культурой, природой социальных явлений, гуманизацией образования, культурой информационного производства. Ряд других авторов используют технологический подход, в

---

¹ Воробьев Г. Г. Твоя информационная культура. М., 1988. 303 с.

рамках которого проблематика информационной культуры сведена к овладению знаниями, умениями, навыками в области информационных технологий, чаще компьютерных, реже – включая и традиционные бумажные технологии (Н. И. Гендина, В. Ю. Милитарев, Н. М. Яглом, Г. Н. Калитич и др.). Эта позиция также достаточно обоснована, так как продукты культуры в процессе социального функционирования неизбежно принимают материальные формы, трансформируются в продукты цивилизации.

Поэтому информационная культура исследуется на двух уровнях – материальном, представляющем продукты цивилизации (тексты в традиционной и электронной формах, информационные технологии, программные продукты и т.д.), овладение которыми приобретает характер социальной необходимости, и идеальном, регулирующемся путем непосредственной душевной работы отдельной личности, в результате чего достижения материальной культуры приобретают индивидуальную ценность.

Накопление эмпирического материала и большой научный интерес к этой проблематике привели к необходимости его теоретического обобщения, к формированию специальной ветви в рамках культурологии – информационной культурологии, родоначальниками которой стали отечественные исследователи К. К. Колин и А. Д. Урсул. По их мнению, информационная культурология представляет собой научное направление, формирование которого обусловлено потребностью изучения тех процессов в развитии культуры и общества, которые сегодня стремительно изменяют среду обитания человека, традиционные области его деятельности, стереотипы поведения и общения, духовные ценности и представления о качестве жизни, пространстве и времени¹.

В своей монографии они пишут: «... информационная культурология в широком понимании мыслится как направление интерпретации и исследования феномена культуры на основе широкого понятия информации и

---

¹ Колин К. К., Урсул А. Д. Информация и культура. Введение в информационную культурологию. М., 2015. 288 с.

информационного подхода, выявления законов и тенденций культурной информодинамики и эволюции»¹.

В тексте работы рассмотрены структура и содержание предметной области информационной культурологии как науки, ее современное состояние, актуальные проблемы и перспективы развития. Объектом информационной культурологии, согласно их позиции, является информационная культура, т.е. вся совокупность тех информационных явлений в сфере культуры, которые связаны как с деятельностью человека, так и с развитием процесса информатизации общества, с усилением роли информации в развитии цивилизации. Предметом исследований этой новой науки – закономерности, методы и средства проявления и реализации информационных процессов в сфере культуры, а также те направления ее развития, которые связаны с использованием методов и средств информационных и коммуникационных технологий².

В тексте работы анализируется состояние исследований в этой области, обсуждается проблема стремительного распространения информационных технологий на фоне глобализации культуры, анализируется проблема поиска единиц культурной информации. Они утверждают, что информационное понимание сущности культуры позволяет обнаружить определенные направления ее трансформации и появление новых социокультурных процессов как результат деятельности человека и развертывания социокультурного этапа эволюции³.

Указанные авторы сделали попытку структурировать предметную область формирующегося научного направления. Они предложили разбить информационную культурологию на ряд разделов, среди которых выделили следующие:

1. Раздел философских основ информационной культурологии.

---

¹ Колин К. К., Урсул А. Д. Информация и культура. Введение в информационную культурологию. М., 2015. С. 18.

² Там же. С. 106.

³ Там же. С. 63.

2. Раздел изучения новых информационных качеств личности, социальных структур и общества в целом, которые формируются в результате повышения роли информации в процессе становления информационного общества. К этому разделу ими отнесены исследования информационной культуры личности, корпоративной информационной культуры, информационной культуры государственных и социальных структур общества, а также проблем формирования информационного миропонимания и мировоззрения.

3. Раздел по изучению предметов информационной культуры – материальных, духовных и художественных. Такими предметами могут быть электронные книги, электронные библиотеки, архивы, музеи и картинные галереи, произведения экранной культуры.

4. Раздел по изучению новых способов деятельности человека в области информационной культуры, а также новых информационных технологий, которые создаются и используются в сфере культуры.

5. Раздел, посвященный культурологическим аспектам развития новых видов, форм и технологий культурных коммуникаций в информационном обществе¹.

Особое место в теоретической конструкции отведено ее практико-ориентированной области – информационной культуре. Для того чтобы новые возможности, которые создает информационное общество, были эффективно использованы, они считают – в стране должна быть сформирована адекватная этим возможностям новая информационная культура. Именно она будет определять новые формы информационного взаимодействия людей – как в их деловой активности, так и в повседневной жизни, что изменит традиционные стереотипы их поведения².

В тексте монографии авторы подчеркивают важность личностного подхода. Они обращают внимание на тот факт, что ускоренное развитие одних

---

¹ Колин К. К., Урсул А. Д. Информация и культура. Введение в информационную культурологию. М., 2015. С. 107–108.

² Там же. С. 99.

общественных структур и отставание других неизбежно приводит к противоречиям социального и духовного характера, дисгармонии в обществе, что отражается на положении личности. Личность переживает в таких случаях острое чувство неудовлетворенности как реакцию на утраченную целостность мировосприятия. И единственным противовесом в этой ситуации может быть только культура в целом и ее интегральная составляющая – информационная культура.

Информационная культура, как писал ранее К. К. Колин, представляет собой подсистему культуры, которая формируется под воздействием процесса информатизации общества и включает в себя все многообразие результатов деятельности человека в информационной сфере общества, а также средства, виды и технологии этой деятельности¹.

В тексте монографии основными компонентами информационной культуры названы:

1. Информационные качества человека, формируемые у него в течение жизни и профессиональной деятельности. К ним относятся информационная культура личности, информационная и компьютерная компетентность и грамотность, информационное миропонимание и информационное мировоззрение;

2. Многообразие предметов новой информационной культуры – материальных, духовных и художественных. Это могут быть электронные книги, электронные библиотеки, музеи и картинные галереи, произведения экранной культуры и т.п.;

3. Способы деятельности человека в информационной сфере. К ним относятся информационные технологии, которые создаются и используются в сфере культуры, как специалистами, так и обычными пользователями (поиск информации, мультимедиа, виртуальная реальность и др.);

---

¹ Колин К. К. Информационная культурология: структура и содержание предметной области новой науки // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2011. № 1. С. 7–13.

4. Новые виды и формы информационных коммуникаций, которые предоставляют пользователю все более широкие возможности для общения в глобальных информационных сетях.

Учитывая повышенную технологическую и социокультурную динамику, они вводят в состав информационной культуры новый элемент – электронную культуру. Она определяется как новая область развития современной культуры общества, которая формируется на основе использования электронных средств информатики и связанных с ними информационных и коммуникационных технологий во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Будучи подсистемой информационной культуры, она включает в себя новые информационные качества, средства, способы и принципиально новые результаты деятельности человека в данной сфере¹.

Авторы монографии четко осознают тот факт, что развитие электронной культуры находится на начальной стадии и далее последуют новые открытия, технологические решения, которые будут ее двигать дальше. На момент создания текста они указали ряд проблем в рамках этого направления, которые перспективны и особенно актуальны в исследовательском плане. К ним авторами отнесены феномены, порожденные в рамках электронной культуры, социально-культурологические проблемы развития сетевых структур общества и информационных коммуникаций, культурологические аспекты информационной безопасности, информационная этика, информационная культура международного общения и др.

Но ситуация на информационном фронте сейчас меняется очень быстро. Перед исследователями сегодня встают вопросы, появление которых ранее невозможно было предвидеть. Это предопределяет необходимость дальнейшего расширения проблемного поля информационной культурологии, внесение новых исследовательских сюжетов, усложнения ее структуры.

---

¹ Колин К. К., Урсул А. Д. Информация и культура. Введение в информационную культурологию. М., 2015. С. 104.

В частности, сегодня уже можно обратить свой взгляд на историю становления этого научного направления, выделив в ней несколько этапов. Поскольку информационная культурология развивается и усложняется параллельно с динамикой информационных технологий, то это дает основание разделить ее исторический путь на досетевой и сетевой этапы. Временные рамки досетевого этапа – с 90-х гг. XX в., т.е. с момента использования компьютерных технологий с внешними электронными носителями информации для записи и обмена и до широкого внедрения в социум сети Интернет, т.е. – до начала XXI в. Сейчас, с позиции прошедших лет, он видится лишь подготовительным, на котором решались достаточно простые задачи, касающиеся распространения компьютерной грамотности среди населения, перевода источников информации на традиционных носителях в электронную форму, наполнения электронных библиотек и т.д.

Сетевой этап, продолжающийся в настоящее время, несмотря на его кратковременность, уже прошел несколько подэтапов в своем развитии. Отражением его пути стала известная периодизация Web 1.0, Web 2.0. В 2007 г. было объявлено о переходе к Web 3.0, а с активным развитием искусственного интеллекта, в том числе нейросетей, эксперты заговорили о следующем переходе – к Web 4.0¹. Появление каждого из них обусловлено технологическим рывком, расширяющим сетевые возможности и создающим новое качество жизни. В ответ на новые вызовы пользователи сети должны соответствующим образом реагировать, т.е. сетевая культура должна выработать новые модели поведения, а информационная культурология – уточнить проблемное поле, внести изменения в соответствии с новыми реалиями в структуру научного знания, расширить методологический базис, сформулировать новые принципы и т.д.

---

¹ Соломенцева, П. Что такое Web 3.0 и когда придет эпоха Web 4.0: интернет будущего // РБК. Тренды [Сайт]. URL : <https://trends.rbc.ru/trends/industry/664eeae59a7947103334cc75?from=copy> (дата обращения : 02.08.2025).

Но информационная культурология на этом поле не одинока в своих поисках. Смежными науками и родственными направлениями на сегодняшний день выступают:

– медиакоммуникации, т.е. научное направление, исследующее результаты деятельности производителей сетевого контента – телевидения, радио, социальных сетей, электронных газет, журналов и т.д.;

– медиапсихология, т.е. отрасль психологической науки, рассматривающая личность в контексте взаимодействия с современными средствами коммуникации;

– медиасоциология, т.е. отдельное направление социологии, занимающееся исследованиями поведения людей в современной медийной среде, а также социальные механизмы функционирования современных медиаинститутов;

– правовые аспекты и компьютерная безопасность в медийной среде;

– медиафилософия – научное направление, изучающее целостный феномен медиапространства¹.

При таком подавляющем терминологическом давлении возникает соблазн и информационную культурологию переименовать в медиакультурологию. Но вряд ли это было бы целесообразно. Этот термин еще не обрел устойчивой коннотации. В большинстве исследовательских работ под медиакультурой принято понимать современную социальную страту, некий срез общества, образовавшийся под влиянием средств массовой информации, со своими специфическими запросами, следованием модным трендам, сформированным лидерами общественного мнения.

В. А. Славина и Я. В. Солдаткина предлагают свою трактовку этого понятия как особого вида культуры информационного общества. В прикладном значении они соотносят медиакультуру со специфической формой репрезентации и дигитализации классических и сетевых культурных единиц. А в обобщенном смысле она предстает как эстетико-аксиологическая

---

¹ Wiesing L. Was ist Medienphilosophie? // Information Philosophie. 2008. № 3. S. 30–39.

сфера жизни общества, в которой объединяется ценностное и художественное наследие, использующее информационно-коммуникационные каналы медиа¹.

Информационная культурология должна более четко обозначить свое место в структуре наук, определить смежные науки и разграничить зоны ответственности. В каждом из названных смежных с информационной культурологией направлений есть аспекты, результаты исследования которых так или иначе могут быть интегрированы в ее арсенал. И в свою очередь, знания, полученные методами культурологической интерпретации каких-либо фактов и феноменов, их рассмотрение с позиции гармонизирующего / дисгармонизирующего влияния на отдельную личность и социум, пополняет копилку вышеназванных научных направлений. Но при том, есть сферы исследования, специфичные только для информационной культурологии. Это – направления в области производства культурных ценностей и культурных смыслов, переориентации деятельности социальных институтов культуры в цифровой среде, развития коммуникаций в сфере управления культурными процессами и т.д.

В центре проблематики данного диссертационного исследования – сетевые аналитические инструменты, созданные для управления потоками и массивами в цифровой среде, и своим неоднозначным потенциалом оказывающие воздействие на трансформацию социальных взаимоотношений в культурном пространстве. Эта проблематика находится на стыке разных научных направлений, исследующих цифровую среду: частично они затрагивают вопросы изучения особенностей сетевого поведения пользователей, что сближает с задачами, решаемыми медиасоциологией; частично – выработки мер предотвращения сетевых манипуляций – проблематикой, разрабатываемой в рамках медиапсихологии. Остро стоят вопросы с разработкой мер в области кибербезопасности попыткой выработки соответствующих правовых норм. А производство медиаконтента,

---

¹ Славина В. А., Солдаткина Я. В. Медиакультура как феномен информационной эпохи // Вестник РУДН. Сер. : Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 286–293.

организация его движения в цифровой среде, роль в этом процессе сетевых аналитических инструментов непосредственно исследует направление, получившее наименование медиакommunikации. Категорией, цементирующей рассматриваемую проблематику в культурологическом плане, выступает текст – с одной стороны, – источник информации, а с другой – главный артефакт и атрибут культуры.

1.3. Текстовая аналитика

как методологический инструмент изучения цифровой среды*

Тексты, появившись на заре цивилизации, сегодня пронизывают все процессы человеческой жизнедеятельности. Их основой являются информационные сообщения, которые, появившись, обретали свою текстовую форму под воздействием социальных факторов, технологий и задач, которые перед людьми ставила жизнь.

Традиционный текст – это, по сути, перевод устного сообщения в некоторый материальный объект посредством знаков, которые в определенной комбинации, будучи закрепленными, обретают множество функций и свойств, главные из которых – возможность распространения информации во времени и в пространстве. Благодаря текстовой форме фиксации результатов размышлений и обмена опытом многих людей появились классические науки и литература, письменные законы и управленческая документация, стали фиксироваться исторические события и технологические приемы деятельности. Будучи обусловлены уровнем организации социума, они являются его фундаментом, отражают его современное состояние, выступают результатом и маркером социального и

---

* При написании параграфа использованы материалы опубликованных исследований соискателя, см.: № 137 в списке использованной литературы.

культурного развития, а также в определенной степени платформой для будущего.

Предназначение текстов многообразно: сохранять накопленные знания, селективно подходить к их распределению в обществе, иерархически их структурировать, распространять/утаивать, создавать и сохранять ценности, формировать нравственные устои и т.д. Кроме того, тексты косвенно способствуют реализации многочисленных функций сплочивания, единения, развития интеллектуального потенциала, воспитания убеждений и идеологических приоритетов, выступают средством достичь лидерства. Чтение текстов расширяет представление о многообразии окружающего мира и человеческих отношений, позволяет ориентироваться в гуще событий, развивает эмоциональную сферу человека.

Их принято рассматривать в широком и узком смыслах. В широком смысле текстом может являться любой материальный объект, в котором исследующий его субъект может усмотреть наличие информационного сообщения, оставленного кем-то либо случайно, непреднамеренно, либо целенаправленно. В этом контексте принято говорить не только о письменных текстах, но и о музыкальных, визуальных, видеоряде как тексте и др. В узком смысле текстами принято называть упорядоченную совокупность знаков и/или других выразительных средств, зафиксированную на материальном носителе, объединенную целостностью замысла и смысловой законченностью, расшифровав которую субъект может постичь заложенный автором смысл. В такой формулировке главным является целостность текста, которая заключается в смысловой законченности, адекватной выразительности используемых средств, обретении соответствующей формы, понятной сообществу.

Исторически сформировались науки, изучающие тексты в их разных проявлениях и различной функциональной предзаданности. Их непосредственно изучают лингвистика, филология, педагогика, культурология, журналистика, науковедение, библиография, архивоведение и

ряд других вспомогательных исторических дисциплин – текстология, палеография и др. Но любой текст – сложнейшее образование, восходящее в своих основах к высотам философского осмысления. Производство и функционирование текстов в социуме изучают специфические ответвления философии – семиотика и герменевтика (Ф. де Соссюр, К. Леви-Стросс, Г. Г. Шпет, Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин, Вяч. Вс. Иванов, А. А. Потебня, Г. Г. Почепцов и др.). Каждая из наук подходит к текстам со своей позиции. А сложность этого феномена обусловлена опорой на физиологические и психологические процессы человеческого восприятия и понимания.

В европейской языковой системе фонетического письма сформировано понимание изначальной структуры текста, которую можно представить схемой: знак → слово → сообщение → контекст → текст.

Человечество пытается выразить высшие смыслы бытия в тех выразительных единицах, которые ему доступны для восприятия и понимания. «Внешние параметры диктуют тексту внутренние характеристики»¹. Такой единицей выступает знак.

Первоначальный элемент этой схемы – знак – принято рассматривать как материальный предмет, объемный или графический, помеченный на плоскости, выступающий мельчайшей единицей коммуникации. Знаки объединяются в языковую систему в соответствии с правилами построения (синтактики), приписывания им смысла (семантики) и особенностями употребления в той или иной культуре (прагматики). С точки зрения Г. Г. Шпета, сфера доступного нам содержания текст реализуется через понимание некоторой системы знаков, ее предмет постигается только путем расшифровки и интерпретации этих знаков. Мы имеем дело со знаками, которые служат не только указаниями на вещи, но выражают также некоторое значение. Показать, в чем состоит это значение, и есть не что иное, как раскрыть соответствующий предмет с его содержанием. Так из комбинаций знаков складываются слова. Г. Г. Шпет, говоря о словообразовании, связывает

---

¹ Почепцов Г. Г. Русская семиотика. Идеи, методы, персоналии, история. М., 2001. С. 89.

слово с культурой, рассматривает его как один из основных атрибутов культуры: «Слово есть архетип культуры; культура – культ разума, слова – воплощение разума»¹. Каждый шаг в этом движении связан с расширением содержательного начала. Ведь содержательное значение самого знака ничтожно, по сути, он мало что означает, а в комбинаторной последовательности знаков, организованной в слово его содержание, т.е. связь с окружающей реальностью проступает хоть и более явственно, но все равно – недостаточно. Г. Г. Шпет писал: «Изолированное слово, строго говоря, лишено смысла...» Для лучшей передачи смысла слова должны быть объединены в сообщение. А сообщение есть та стихия сознания, в которой живет и движется понимание»².

О значении сообщения для понимания структуры текста пишет Г. Г. Почепцов: «Тексты всегда и везде не только ограничены от других текстов формально, но они также четко отграничены от других текстов содержательно, выстраивая свой собственный мир. В них явно можно проследить структурность содержательного порядка. И, более того, с другой стороны, эти типы единиц покоятся на иных четко очерченных элементах – словах, которые, хотя и являются единицами иного уровня, но жестче заданных типов знаков – как со стороны формы, так и со стороны содержания»³.

И далее, вся эта конструкция не может существовать вне контекста. «Чтобы понимать слово, нужно брать его в контексте, нужно вставить в известную сферу разговора»⁴.

С ростом количества текстов, с появлением технологий и специальных институтов (редакций, типографий, издательских домов) была сформирована книжная культура. Книгопечатание, которое было самой ранней формой массового воспроизведения и распространения информации, объединило и

---

¹ Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 380.

² Шпет Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст, 1991. М., 1991 С. 222.

³ Почепцов Г. Г. Русская семиотика. Идеи, методы, персоналии, история. М., 2001. С. 103

⁴ Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 428.

оформило в единый блок предшествующие знания. Именно в эпоху печатного слова была создана сама система книжного знания, его структурирование. Это было достигнуто введением нумерации страниц, оглавления, разделения на главы и т.п. Тем самым книгопечатание внесло свой вклад в глубокие преобразования, касающиеся использования текста и книги. С признанием обобщенного характера книги как объекта, пришло понимание ясного и очевидного различия между автором и читателем, написанием и чтением, текстом и книгой.

Книга не является единственной материальной формой, которую обрели тексты. Появились издания меньшего объема – брошюры, а также регулярно выходящие через определенные промежутки времени журналы и более оперативные – газеты. Разный формат издания, в которые «упакован» текст, предопределил появление альбомов, буклетов, открыток, плакатов, карт и т.д. Все это многообразие представляет собой совокупную издательскую продукцию, которая предоставляется читающей публике. Обобщенно это можно назвать публикацией (варианты: издания, опубликованные источники, в библиотечной среде принято определение – документы и т.д.) Они тиражируются и организуются в потоки, которые посредством транспортирования партий или отдельных экземпляров распространяют в пространстве. Конечной точкой их движения становятся массивы, т.е. какие-либо собрания, накопители текстов.

Предназначение информационных потоков заключается в движении опубликованных сообщений от одного субъекта или социального института к другому, передача чего-либо, что в ближайшей или отдаленной перспективе окажет некоторое влияние. Даже если в данный момент это не очевидно, то накопление информации определенного качества и содержания уже в массиве будет способствовать переходу количества в некое новое качество. Потоки выступают в качестве системообразующих структурных связей, составляющих каркас цивилизации, поскольку замечена определенная зависимость качественных скачков в социальном развитии от способов и

темпов передачи информации. Таким образом, потоки оседают, опыляют социум, придавая ему новое качество.

Массивы – это своего рода консервирование зафиксированных опыта, знаний, практических навыков в неких накопителях, которые могут в данный момент и не использоваться. Но, во-первых, это архивирование позволяет сохранить даже невостребованные в данный момент источники для будущего, показывая заблуждения, ошибки, спорные моменты, которые непонятны сегодня. Во-вторых, достаточное количество накопленных источников создает системное качество, позволяет их сравнивать, сопоставлять, вычлняя дополнительную информацию, скрытую от непосредственного взгляда на источники по отдельности.

Массив может быть реальным (например, фонд библиотеки), а может быть абстрактным и необозримым, подразумевая под этим понятием всю совокупность опубликованных изданий, осевших когда-либо в разных точках пространства. Правильная организация массивов обеспечивает многоаспектный поиск нужного источника.

Потоки, как и массивы, обретают свою внутреннюю структуру, могут быть рассмотрены под разным углом, подразделены по разным основаниям деления, различаться по темпам движения, внутреннему строению, наполняемости, объемам, направленности. Так, структура потока многоаспектна: содержательная (отраслевая, тематическая), авторская, языковая (переводная), национально-страноведческая, издательская, типовидовая, жанровая, ориентирующаяся на разновозрастную аудиторию. Структура массива примерно такая же, но добавляется еще ряд позиций, позволяющих рассматривать единицы изданий исходя из их места в совокупности разных собраний (коллекций), а также в контексте разных исторических периодов.

Потоки и массивы могут характеризоваться со стороны количественных параметров и качественных особенностей. Массивы, как правило, комплектуются целенаправленно, поэтому их объем и профиль во многом

зависят от поставленных задач. Характеристики потока более объективны, поскольку обусловлены интенсивностью социального познания, активностью в освоении окружающего мира. Поток выступает своего рода свидетельством, зеркалом, отражающим происходящие в социуме процессы.

По типам издательской продукции поток подразделяется на книги, брошюры, буклеты, альбомы, плакаты, открытки, газетную и журнальную продукцию; по видовому признаку – на художественные, научные, научно-популярные, справочные, профессионально-производственные и др. произведения. Внутри каждый из видов подразделяется по жанрам: художественные произведения – на романы, повести, рассказы, пьесы, поэтические произведения, эссе, мемуары. Научные – на монографии, научные статьи, тезисы докладов, диссертации, авторефераты, аналитические отчеты и т.д.

Для содержательной дифференциации потока разработаны классификации. Наиболее часто используемые в нашей стране – УДК (Универсальная десятичная классификация), ББК (Библиотечно-библиографическая классификация), Государственный рубрикатор научно-технической информации и ряд других. Органы государственной статистики ведут подсчет публикаций, выпущенных в течение определенного периода. В определенные временные отрезки поток может быть замедленным, а в другие периоды – ускоряться. Поскольку он внутри структурно сложен, его структуры, в первую очередь типо-видовая и содержательная, по-разному реагируют на происходящие события с количественной точки зрения.

Количественные характеристики тесно увязаны с качественными. На первом месте среди качественных характеристик потока находится его читабельность, т.е. востребованность в обществе. Она, безусловно, обусловлена разными факторами, подвержена колебаниям, сменяемости позиций и уходом с лидирующих на периферию читательского внимания. Информационные сообщения одной тематики в силу активной востребованности в какой-то период будут доминировать, а потом уступают

лидирующие позиции другим. А массовость их тиражирования формирует общественное мнение, порождает общие темы для обсуждения, тем самым определяет тренды в культурном развитии.

Наибольшее значение среди качественных характеристик потока приобретает его авторская структура. Авторство, с одной стороны, кажется довольно простым критерием дробления потока – в нем группируются произведения, вышедшие из-под пера одного автора. Но, с другой стороны, рассматривая его как показатель, следует признать, что он не так однозначен. Автор – фигура, которая обретает собственное значение в окружении написанных им текстов. В своих работах он отображает не только свой жизненный опыт, свое видение исследуемой темы, но также концентрирует в своем творчестве мироощущение эпохи. Взгляды автора, изложенные в текстах, способны так повлиять на общественное мнение, что может круто изменить его вектор движения. И такое в истории неоднократно случалось. Приверженцы взглядов того или иного автора, его последователи и преданные поклонники создавали целые социальные движения, чем стремительно продвигали его вперед или вносили сумятицу и разброд в позитивное развитие общества.

Авторы обладают талантом в разной степени, и это предопределяет им разную роль в жизни общества. Некоторые работы, попавшие в унисон общественным настроениям, в поле социальных ожиданий, получают большую популярность, обрастают символическими значениями, их авторы превращаются в культовые фигуры, и это, в свою очередь, делает их цитируемыми в наибольшей степени. Какие-то авторы возносятся их почитателями «до небес», а какие-то, не попавшие в унисон доминирующим умонастроениям, оказываются в забвении. Причем, этот процесс развивается в динамике. Текст погружен в пространство эпохи и общества, он обновляется и модифицируется с помощью более поздней информации. И бывает так, что по истечении какого-то времени бывшие авторитеты низвергаются, их произведения забываются, и наоборот, те, кто при жизни не был признан,

возносится на пьедестал. Их произведения востребованы, их переиздают, читают, на заданные ими параметры ориентируются начинающие авторы.

В основном эта линия общественного признания характерна для писателей, публицистов, известных мыслителей. В современной научной сфере, наряду с этой тенденцией, сложилась также практика цитирования. Автор не только воздействует на умы аудитории, он еще и владеет своим текстом как материальным объектом. Авторское право так или иначе стремится защитить от возможных посягательств со стороны на его работу, прежде всего таких, как плагиат. По требованию научной этики автор научной публикации обязан сделать ссылки на работы, которые он использует, ФИО авторов, которых он упоминает, цитаты, факты, гипотезы которых заимствует.

Защита от обвинений в плагиате главная, но не единственная задача цитирования. Ссылки на научные публикации являются наиболее наглядным мерилем востребованности данной работы коллегами, а тем самым – и вкладом ее автора в продуктивность научного сообщества. Это не только признак качественной работы, но еще и признак, по которому определяется место публикации в их иерархии. Кроме того, цитирование – это признак жизнестойкости публикации. А цитируемые источники, независимо от того, когда они выпущены в свет, свидетельствуют сегодняшней актуальности.

Таким образом, в потоке публикации не равны, они спонтанно выстраиваются по степени значимости, массовости распространения, активности цитирования и другим основаниям. Мир публикаций с самого зарождения базировался на его ценностном ранжировании. Все тексты, которые составляют интеллектуальное и культурное богатство человеческой цивилизации, ранжировались по значимости, по популярности, по степени полезности и необходимости в реализации каких-либо социальных задач. В этом ранжировании принимали участие как властные институты, так и широкие народные массы.

Но хаотическое и бесконтрольное их распространение нередко вступает в противоречие с целями общественного развития, с доминирующими

идеологическими и религиозными установками, вкусами и предпочтениями правителей. С момента появления письменных, а потом печатных текстов, они подвергались селекции. Какие-то тексты активно продвигались, какие-то запрещались, а некоторые и физически уничтожались в зависимости от текущей ситуации. Отобрать их можно только применяя методы текстовой аналитики. Таким образом, механизм селекции текстов лежит в основе управления информационными потоками.

Управление нацелено прежде всего на решение прагматических задач поиска нужного источника в достаточно большом массиве, в который стекаются потоки. Этому способствует:

– объединение множества мелких микропотоков, создаваемых производителями, в более крупные потоки (например, архив журнала, сводный каталог издательства, пополняемая электронная база данных и т.д. вплоть до объединения на государственном и даже мировом уровнях);

– разбиение интегрированного потока издательской продукции на множество микропотоков в соответствии целевым и читательским предназначением, тематикой, жанрами и т.д.;

– систематизация публикаций с присвоением каждой поисковых признаков, включая ее библиографическое описание, место нахождения экземпляров и т.д.

Безусловно, выстроенные маршруты их движения позволяли этому процессу осуществляться в автоматическом режиме. Но существовали и другие инструменты управления, нацеленные на решение качественно иных задач: это протекционистская политика в отношении полезной и установка ограничений для продвижения нежелательной информации.

Каждый исторический этап в развитии общества ставит в центр своей политики разные критерии полезности и нежелательности. Режим протекции ориентирован на пропаганду определенных публикаций по политическим, идеологическим соображениям, рекомендация лучших из них в образовательных и просветительских целях. Примером может служить

протекционная издательская политика СССР на государственном уровне, которая предоставляла преимущества изданиям конкретной тематики, жанрам, ориентированным на детскую и подростковую аудиторию, а также изданиям авторов, особенно из отдаленных регионов и национальных меньшинств. В рыночных условиях в качестве инструмента продвижения того или иного издания можно рассматривать рекламу.

Режим ограничений в своих границах варьируется от полного запрета на распространение отдельных публикаций до частичного. В разных странах и в разные эпохи вводились цензурные ограничения, различающиеся на предварительные (разрешительные) и последующие (запретительные), ограничения по возрастным параметрам, требующим обязательную маркировку, из-за идеологических взглядов автора (экстремистских высказываний, признания иноагентом и т.д.), присутствию в тексте обценной лексики и т.д. Ограничения на распространение некоторых публикаций накладывает и правовой режим в области авторского права.

Практика управления потоками и массивами опирается на редакционную политику, иногда четко сформулированную в форме совокупности обязательных требований, которые должны соблюдать авторы, иногда в форме экспертной оценки, содержащей ряд замечаний автору. В тех случаях, когда недостатки проявились уже после тиражирования публикации, и такие примеры в истории известны, происходило полное изъятие из продажи тиража, снятие экземпляров с библиотечных полок и помещение их в спецхран, а если это оказывалось по каким-то причинам невозможным, то практиковалось вырезание полностью или заклеивание отдельных частей страниц, например, в уже изданных энциклопедических изданиях.

История показала, что абсолютный запрет на что-либо или слишком активная протекционистская политика способны нанести не меньший вред, чем абсолютное бездействие в информационной сфере. Высокая текстовая культура предполагает в первую очередь качество и достоверность текстов. Как отобрать качественные тексты среди множества посредственных, а то и

откровенно лживых? Эта важная задача всегда решалась аналитическими методами.

Сущность аналитики как универсального общенаучного метода хорошо известна. По сути, анализ – это расчленение сложного на простые составляющие и изучение их в отдельности, а также сравнение их между собой по разным параметрам. Сравнение дает возможность детально и многосторонне охарактеризовать объекты исследования, что позволяет принять в отношении их более обоснованные решения.

Наибольший эффект их применения достигается в случае подкрепления аналитических выводов большим количеством данных, поскольку закономерности более явно проявляются при анализе больших массивов. В этом случае начинает работать так называемый закон больших чисел. Суть этого закона заключается в том, что при достаточно большом количестве наблюдений случайные отклонения взаимно компенсируются, и средние значения начинают отражать истинные характеристики рассматриваемого явления. Но такой анализ становится эффективным инструментом только в случае, если характеристики исследуемого объекта (их совокупности) могут быть количественно определены, формализованы в каких-то измеряемых единицах. При этом полученные данные должны быть корректно расшифрованы, поскольку полученные численные значения без анализа контекста, культурологической интерпретации не представляют особой ценности и даже могут быть ошибочны. Поэтому количественный анализ должен быть дополнен качественным, который фокусируется на изучении и интерпретации нечисловых данных для выявления более глубоких идей, значений и закономерностей.

Аналитическая деятельность применяется во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Без качественной аналитики невозможно государственное управление, не будет оптимально функционировать экономика, образование, здравоохранение, СМИ и т.д. Среди всех разновидностей аналитической деятельности выделяется так называемая

текстовая аналитика. Первоначально она сформировалась в рамках лингвистики, литературоведения и вспомогательных исторических дисциплин (палеографии и текстологии). Особое место обусловлено предметом ее исследования и теми задачами, которые она решает. В качестве предмета выступают такие элементы текста, которые позволяют произвести его атрибуцию – установить, на каком языке написан древний текст, к какому историческому периоду он относится, кто предполагаемый автор, тот ли это автор, которому этот текст приписывается и т.д. Для этого в качестве элементов анализа выбираются знаки, слова, словесные выражения, они количественно подсчитываются, что позволяет представить более полную картину.

В рамках текстологии установление авторства того или иного лица реализуется посредством сравнения сомнительного текста с другими текстами с установленным авторством, при этом количественно высчитывается лексический запас предполагаемого автора, анализируются его излюбленные выражения, сравниваются описанные в тексте сюжеты с реальными событиями жизненного пути и т.д. На основании собранных доказательств дается ответ на вопрос – может ли анализируемый текст принадлежать перу этого автора или нет, т.е. осуществляется его атрибуция. Но эта работа весьма трудоемка, может проводиться только в отношении отдельных работ, имеющих историческую ценность

Чуть позже текстовая аналитика стала применяться в социологических исследованиях. Она давала ответы на вопросы: какие темы муссируются в обществе, какие наиболее популярны, какие пользуются спросом и т.д. Аналитика применительно к текстам дает основание просчитать их выпуск количественно, по жанрам, тиражу, переизданиям, историческим промежуткам, авторам, сюжетам, читательской популярности и т.д. Каждый из вариантов дает новое знание, отсутствовавшее ранее, скрытое от глаз.

Текстовая аналитика в XX в. стала использоваться применительно к научным текстам. Начало этой деятельности приходится на 30–60-е гг. XX в.,

когда появились такие направления, как науковедение, наукометрия и библиометрия. Эти науки стали складываться под воздействием научно-технического прогресса, общемировых последствий «информационного взрыва», когда количество публикаций во всех отраслях знания стало неудержимо расти, увеличиваясь по сложным схемам. Безусловно, в отношении научных публикаций самым результативным критерием с содержательной точки зрения признана экспертная оценка результатов работ специалистами. Но в условиях массового научного творчества, большого потока научных публикаций она является весьма затратной и с экономической точки зрения малоэффективной. Поэтому в этот период начинаются поиски более оптимальных критериев эффективности результатов научной деятельности ученых, сформированных на основе формальных признаков.

Поскольку электронных способов публикации информационных сообщений в тот период времени еще не было, ориентировались на факт выхода в свет традиционных публикаций – в основном книг и статей. Формальными показателями для подсчета стал факт публикации и последующие упоминания/цитирования этой публикации в других работах. Рост числа научных публикаций, вставшие во весь рост проблемы, связанные с их поиском, обработкой, отделением ценных от менее ценных, неодинаковым темпом их старения, поставили научное сообщество перед необходимостью пристального внимания к этому феномену, к выявлению закономерностей, присущих движению публикаций, к оформлению совокупности научного знания в этой области – созданию теории и определения места этих научных дисциплин.

Первенство в них принадлежит Д. Прайсу¹ и А. Причарду², которые выявили некие закономерности в распределении научных публикаций. А именно – они обратили внимание на общий количественный рост научных публикаций, установили темпы их прироста в разные отрезки времени и в

---

¹ Прайс Д. Наука о науке // Наука о науке. М., 1976. С. 236–254.

² Pritchard A. Statistical Bibliography or Bibliometrics? // Journal of Documentation. 1969. Vol. 25. No 4. P. 348–349.

разных областях знания, а также ввели в научный оборот такой показатель как скорость устаревания знаний, который базировался на постепенном снижении цитирований. Срок жизни публикаций, особенно статей, недолог, они быстро устаревают. Устаревание протекает с разной скоростью в разных науках. Установлено, что различные виды изданий также имеют свои сроки старения: так книги стареют медленнее, чем статьи.

К исследованиям чуть позже подключились другие исследователи. Ими установлен ускоренный рост информации для разных наук и направлений с удвоением по экспоненте за разные промежутки времени, выстроены так называемые кривые их старения. В качестве характеристики процесса старения используется полупериод жизни публикаций, под которым подразумевается время, в течение которого половина всех опубликованных к настоящему времени публикаций в определенной области перестает использоваться. Степень использования работ определялся подсчетом запросов потребителей, цитированием и числом ссылок.

Были попытки выработки различных критериев оценки информативности научных журналов в целях отбора периодики. Суть проблемы в том, что информативные публикации распределены по журналам крайне неравномерно. Известен так называемый закон С. Брэдфорда ¹, согласно которому научные журналы естественным образом в зависимости от запроса подразделяются на три зоны: ядерные, профильные и с более широким и нечетким профилем. Было доказано, что статистические характеристики информационных потоков (во времени и в пространстве) могут быть использованы как косвенные данные о тенденциях и темпах развития конкретных отраслей науки, при формировании новых научных направлений.

Так появился первый аналитический инструментарий, позволявший сравнивать между собой разные научные направления по формализованным методикам. В мировой практике стали появляться институты, лаборатории, отдельные группы ученых, осуществлявшие такие статистические

---

¹ Bradford S. C. Documentation. London, 1953. 156 p.

исследования. Но сама методика в то время предполагала огромную подготовительную работу по выявлению и распределению потока научных публикаций, которые нужно было проделать вручную. Обеспечить это могли только крупнейшие научно-исследовательские институты с большим штатом сотрудников. К примеру, в тот период времени в СССР такими исследованиями занимались науковеды Г. М. Добров¹, В. В. Налимов и З. М. Мульченко², В. М. Мотылев³, С. Д. Хайтун⁴ и другие.

Параллельно с анализом потоков публикаций в поиске таких формальных критериев эффективности научных текстов развивалось и другое текстологическое направление, научным лидером которого в нашей стране считается Г. Г. Воробьёв. Его предшественником был лингвист Дж. Ципф⁵, исследования которого были направлены на анализ частоты употребляемых слов в различных текстах – так называемый дескрипторный анализ или контент-анализ. Согласно закону Дж. Ципфа, если все слова длинного текста упорядочить по убыванию частоты их использования, то частота n -го слова в таком списке окажется приблизительно обратно пропорциональной его порядковому номеру (рангу этого слова). Эта подмеченная закономерность впоследствии легла в основу так называемого «индекса Хирша».

Г. Г. Воробьёв пошел дальше и ввел в оборот такие характеристики текста, как физический и информационный объем, емкость и компактность, плотность и информативность. Эти характеристики подробно рассмотрены в его книге «Документ: информационный анализ»⁶. Методика Г. Г. Воробьёва, базирующаяся на подсчете количества знаков текста, ключевых слов – дескрипторов, их процентного соотношения между собой и остальными элементами текста (как вариант контент-анализа), позволяла многомерно

---

¹ Добров Г. М. Наука о науке: начала науковедения. Киев, 1989. 301 с.

² Налимов В. В., Мульченко З. М. Наукометрия: изучение развития науки как информационного процесса. М., 1969. 192 с.

³ Мотылев В. М. Об определении времени старения документов // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1976. № 12. С. 3–7.

⁴ Хайтун С. Д. Наукометрия: состояние и перспективы. М., 1983. 344 с.

⁵ Wentian Li. Random texts exhibit Zipf's-law-like word frequency distribution // IEEE Transactions on Information Theory. 1992. Vol. 38. No 6. P. 1842–1845. DOI : 10.1109/18.165464.

⁶ Воробьёв Г. Г. Документ: информационный анализ. М., 1973. 254 с.

оценивать тексты, сравнивать их между собой, выявлять скрытые тенденции и смыслы. Но, как и другие аналогичные методики, она была очень трудоемка.

Таким образом в XX в. были выработаны следующие методы текстовой аналитики:

– статистический, который мог быть применен ко всем элементам текста, но наиболее важный объект количественного подсчета – число публикаций;

– цитат–анализ, в качестве его измерителя было принято количество ссылок и правомерных заимствованных текстовых элементов с указанием ФИО авторов и наименований публикаций;

– контент-анализ, его измерителем стал количественный подсчет и ранжирование по частоте большого разнообразия элементов, составляющих текст как объект исследования, чаще всего – лексических единиц;

– тезаурусный анализ (одна из разновидностей контент-анализа), его измеритель – количество терминов и ключевых слов и их ранжирование по частоте использования.

Вот с таким багажом аналитических инструментов относительно традиционных печатных публикаций подошли лингвистика, журналистика, текстология, науковедение, наукометрия и библиометрия к моменту появления электронных публикаций, что стало стартовой площадкой для последующей их модернизации.

* * *

Таким образом, подводя итоги главы, можно отметить, что культура, информационные технологии и технологический уровень общества тесно связаны между собой. В научной среде дискутируются лишь вопросы – в какой мере материальное производство определяет путь цивилизации, какова в этом процессе роль культуры и как это отражается на ценностях общества, положении человека, его мировоззрении? Амплитуда ответов простирается от крайних точек зрения, доказывающих доминирование технологий и полной

зависимости от них всех направлений социального развития, до определяющей роли культуры в этом процессе, утверждений о том, что любая человеческая деятельность в большей или меньшей степени культурно детерминирована. А появившиеся благодаря культурному обмену новые технологии, своими результатами влияя на сознание и потребности людей, облагораживая среду их обитания, двигают общество вперед, тем самым усложняя его структуру и все сферы культурного производства

Сегодня очевидно, что новые информационные технологии обеспечивают рост динамики и увеличивают сложность среды человеческого обитания. Новая коммуникативная среда привнесла в общество новые образы, идеи, символы и ценности. Информационные технологии настолько глубоко проникли в жизнь людей, вросли в ее повседневность, что уже невозможно рассматривать их как артефакты, исключительно принадлежащие миру техники. Они уже встроены в социальное пространство и служат катализатором изменения социокультурных систем.

Это обстоятельство актуализирует исследовательскую проблематику в этой области, предопределяет необходимость выделения особого исследовательского направления – информационной культурологии, в качестве главной задачи которой выступает изучение направлений культурного развития общества под влиянием информационных технологий. Исследования в этой области позволяют уточнить направления трансформации современной культуры и появление новых социокультурных процессов, вследствие чего традиционные механизмы и каналы трансляции социокультурного опыта и системы ценностей претерпевают изменения.

Но несмотря на то, что традиционные механизмы и каналы трансляции социокультурного опыта и системы ценностей в настоящее время претерпевают существенные изменения, главным артефактом культуры был и остается текст. Будучи обусловлены уровнем организации социума, текстовые совокупности несут в себе черты его современного состояния, выступают результатом и маркером социального и культурного развития, а также в

определенной степени платформой для будущего. Тексты организуются в потоки и массивы, спонтанно выстраиваются по степени значимости, массовости распространения, активности цитирования и другим основаниям, что позволяет их представить со стороны количественных параметров и качественных особенностей, а также ценностного ранжирования. Это стало основанием для разработки инструментов управления информационными потоками и массивами, появления текстовой аналитики, позволяющей просчитать их количественно, по жанрам, тиражу, переизданиям, историческим промежуткам, авторам, сюжетам, читательской популярности и т.д. Каждый из вариантов дает новое знание, отсутствовавшее ранее, скрытое от глаз. И это направление стало центральным для таких наук, как науковедение, наукометрия и библиометрия, в рамках которых были просчитаны темпы прироста публикаций в разные отрезки времени и в разных областях знания, введен в научный оборот такой показатель как скорость устаревания знаний, который базировался на постепенном снижении цитирований и другие формальные показатели. Так появился первый аналитический инструментарий, позволявший сравнивать между собой разные направления по формализованным методикам статистического подсчета публикаций.

Глава 2.
ЭЛЕКТРОННЫЙ КОНТЕНТ
И СЕТЕВЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ
УПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫМИ ПОТОКАМИ

2.1. Электронный контент
и цифровая среда в культурологическом дискурсе*

Параграф уместно начать с цитаты из работы Г. Г. Почепцова: «Молодое поколение неизбежно переходит на новые типы письма и новые типы содержаний, особенно это характерно для эпох динамического типа, когда значимым становится инновация, а не стремление к консерватизму»¹.

Информационная революция, начавшись во второй половине XX в. с появлением отдельных компьютерных устройств переросла с появлением сетей в цифровую. В сети появились электронные тексты, которые также организуются в потоки и стекаются в массивы, но только такими массивами уже выступают базы данных. Первоначально их было немного, а их разнообразие было невелико. Но вскоре их количество стало стремительно расти и, по некоторым оценкам, уже сравнялось и даже превосходит совокупный объем традиционных печатных публикаций. По сути, электронный текст – это компьютерная запись некой последовательности электронных сигналов с помощью компьютерной программы, которую можно преобразовать по-разному в зависимости от заданных параметров, в том числе и в традиционный текстовый вид. Это обстоятельство свидетельствует о том, что он жестко привязан к техногенной среде, создаваемой совокупностью программных и технических средств обеспечения информационных процессов. Вне этой среды он невоспроизводим в отличие от печатного

---

* При написании параграфа использованы материалы опубликованных исследований соискателя, см.: №№ 130, 131, 142 в списке использованной литературы.

¹ Почепцов Г. Г. Русская семиотика. Идеи, методы, персоналии, история. М., 2001. С. 16.

издания, существующего в аналоговой физической среде (позволяющей непосредственно воспринимать его как физический объект и зафиксированную информацию).

В этом его сила и в этом его слабость. Сила в открывшихся ранее немислимым возможностях создания, распространения, хранения, поиска и т.д. информации. Слабость – в зависимости от параметров этой техногенной среды и новых рисках его утраты. Плюсы и минусы в какой-то степени уравнивают друг друга, что дает основание говорить как о целостном феномене, базирующемся на новых технологических решениях,двигающих вперед социальный прогресс.

Таким ранее невозможным технологическим решением стало неопределенная множественность мест базирования электронного текста. В отличие от печатной публикации, экземпляр которой всегда находится в конкретной точке пространства, электронный текст может одновременно находиться в нескольких местах, доступ к нему может быть получен с любых рабочих мест системы. Электронный текст легко копируется, мгновенно движется по системе независимо от расстояния. При этом простое удаление не ведет к его исчезновению из системы – следы соответствующего файла (метаданные и логи) остаются даже в случае его изъятия из системы и ликвидировать их можно только посредством полного форматирования или процедуры очистки жесткого диска. Можно отследить не только все вносимые в файл изменения по датам, все создаваемые версии, но и при наличии достаточно простых программных средств выявить факт обращения к нему, т.е. можно узнать, когда и с какого компьютера он просматривался.

Электронный текст организован так же, как и традиционный. Признаками родства выступают знаковая форма, естественный язык, с соблюдением правил орфографии, синтаксиса, стилистики, вид которого принимают машинные алгоритмы. Он также представляет собой результат интеллектуальной деятельности автора, причем, в электронном производстве

задействованы те же самые авторы, что и ранее. Но есть и существенные отличия.

Их количество растет быстрее, чем традиционных за счет большей дешевизны производства из-за отсутствия некоторых ранее необходимых процессов, таких как тиражирование, доставка и распространение тиража. Кроме того, в Интернете соседствуют разные виды текстов, в том числе и традиционные печатные тексты, переведенные в электронную форму.

Новые технологические возможности передачи, систематизации, визуализации и архивирования текстового материала приводят к обогащению текстовой функциональности и возникновению гибридных текстовых форм. Не отрицая традиционные технологии, сохраняя сущность текста как такового, электронное текстовое производство допускает качественно новые возможности для работы, позволяет использовать инструменты, невиданные ранее. Так, с использованием элементов разметки (HTML, XML, TEJ) и введению в его структуру гиперссылок, связывающих его с другими, дополняющими и расширяющими представление о раскрываемой теме, текст расширяется и становится нелинейным. Благодаря технологии вики появляются возможности добавления всеми желающими в него новых сведений, что развивает исходный материал, обогащает заложенные в нем идеи, позволяет проводить обсуждения в режиме реального времени.

Новую функциональность придает электронному тексту прежде всего гипертекстовая структура. Но она предполагает со стороны автора необходимость выстраивания текста в иной логике, а со стороны читающего – задает иные алгоритмы прочтения, понимания и интерпретации. Читательская аудитория должна быть адаптирована к специфике такой электронной публикации. Ведь необходимо совершенствовать навык читать по «ломаной» траектории, что нарушает привычный ритм движения глаз при чтении, а также предполагает необходимость дополнительных усилий для перехода на другой ресурс.

Характеризуя гипертекст, специалисты подчеркивают его интертекстуальность, т.е. отсутствие завершенности и закрытости, безграничность, внутреннюю неоднородность, а наличие множества цитат и кросс-референтных ссылок свидетельствует о деперсонализации автора.¹ Теоретически он может расширяться до бесконечности, отражая таким образом многоаспектность и многомерность результатов человеческого познания, преодолевая их раздробленность и фрагментарность на пути обеспечения целостности.

Традиционные рукописные и печатные тексты, на протяжении веков эволюционно совершенствуя свою форму подачи, в конце концов достигли некоторого гармонического единства с особенностями человеческой физиологии и психики. Но появившиеся благодаря новым технологиям электронные формы, проходя собственный эволюционный путь, в конце XX в. эту соразмерность нарушили. На протяжении долгих исторических периодов сформировалась безусловная вера написанному слову, стремление к зафиксированному в текстовой форме идеалу, иногда оторванному от реальной жизни. В условиях перехода к электронной публикации эта ценность, редкость как доминанта прежнего мира уходит. Текст возникает на поверхности экрана без глубины, единообразный и стандартизированный.

Если в условиях традиционного текстового производства каждый опубликованный текст был отобран из массы других, предлагаемых к тиражированию, его качество было обусловлено тщательной редакционной работой, то скачкообразное развитие техносферы, опережающее человеческие способности, сломало сложившиеся этические представления о границах дозволенного.

Теперь электронные тексты представляют собой фрагменты всемирного, анонимного, движущегося потока, который принято называть обобщенно «электронный (цифровой, сетевой) контент», а каждая его единица

---

¹ Зиновьева Н. Б. Гиперссылка как современный инструмент организации текста электронного сообщения // Культурная жизнь Юга России. 2019. № 4. С. 105–108.

претендует на статус авторитетного источника, нередко без всяких на то оснований. В сети они теряют свою физическую идентичность, различные виды становятся похожими внешне и равнозначными в качестве авторитетного источника¹.

В результате резкого уменьшения количества барьеров для публикации и в условиях наличия аудитории глобального масштаба в сеть хлынула огромная масса непрофессиональных авторов, публиковавших свои мысли анонимно, под псевдонимом (ником), что, с одной стороны, знаменовало свободу выражения мнений, но с другой, несмотря на этот позитив, привела к распространению недостоверных материалов низкого качества, авторы которых не проявляли должного уровня ответственности. Немаловажную роль в данном процессе сыграли фактическое отсутствие института редакторства (лишь иногда заменявшегося «модерацией») и системы качественного отбора. Все эти факторы привели к смешению и совмещению позиций автора и читателя. Опубликованный материал может подвергаться всем видам редактирования и исправления: читатели могут снабжать его примечаниями, сокращать, заимствовать фрагменты, переписывать и даже становиться, в свою очередь, соавторами. Автор перестает быть единственной фигурой, априори являющейся интеллектуальным лидером. В связи с этим трансформируются, усложняются и плюрализируются модели авторства, возникают и обретают новый облик его формы (коллективное, анонимное, сетевое и др.), и в поисках подобных форм электронные тексты часто публикуются без заглавия и других выходных данных. Так как любой человек может теперь участвовать в коллективном упражнении в написании, сама концепция творчества, до настоящего времени определяемая как единичный и подлинно индивидуальный акт, ставится под сомнение². При этом все перечисленное никак не отменяет концепцию творчества, а лишь заставляет ее эволюционировать, искать новые способы актуализации.

---

¹ Формирование и сохранение культурного наследия в информационном обществе. СПб, 2004. С. 23.

² Там же. С. 22.

Как следствие, в цифровой среде нередко наблюдается хаотичное смешение жанров и нарушение сложившихся норм литературного языка. Чтение их затруднено, особенно длинных и сложных. Эволюционно вырабатываются новые жанровые разновидности единиц электронного контента, требующих совершенно других методик при их составлении и чтении. Они более простые и фрагментарные, со смещением в визуальный ряд.

Легкость текстовых заимствований, повторение уже давно озвученных идей, компиляция фрагментов из разных источников в научных публикациях стали обыденностью. Их стало так много, что появились такие понятия, как «мусорные» публикации, «мусорные журналы». Этому явлению нужно было поставить заслон. Специалисты настаивают: «В отношении доступных общественности и особенно прошедших экспертную оценку текстов статей должны быть представлены гарантии, что они являются точным текстом»¹. Все это свидетельствует о том, что старых инструментов организации и управления потоками и массивами недостаточно. С расширением масштабов производства электронного контента, ростом количества и расширением многообразия форматов появилась необходимость в разработке нового инструментария для управления потоками и массивами в цифровой среде.

Цифровая среда – это качественно новая реальность, со своей структурой и спецификой. Ее определений в современной литературе достаточно много. В методическом пособии «Цифровая образовательная среда электронного обучения» авторы сформулировали такое определение цифровой среды: «Цифровая среда – система условий и возможностей, подразумевающая наличие информационно-коммуникационной инфраструктуры и предоставляющая человеку набор цифровых технологий и ресурсов для самореализации, личностно-профессионального развития, решения различных бытовых и профессиональных задач»². Несмотря на то,

---

¹ Шартъе Р. Письменная культура и общество. М., 2006. С. 240.

² Цифровая образовательная среда электронного обучения : метод. пособ. Курск. 2019. С. 48.

что всех строгих логических правил это определение не выдерживает, но, исходя из задач гуманитарных наук, оно выглядит наиболее приемлемо.

Близкое к этому определение представлено в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы¹. Но оно сделано применительно не к цифровой среде, а к информационному пространству: «информационное пространство – совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры». Этот факт выступает свидетельством того, что терминосистема в информационной сфере динамично меняется, и еще окончательно не сложилась. Но уже в группе терминов этой направленности произошел поворот от прилагательного «информационный» к прилагательному «цифровой». В частности, речь идет о таких терминах, как:

– цифровизация, которая трактуется как «улучшение существующих процессов путем внедрения информационных технологий, оптимизации и реинжиниринга, а также анализа данных для принятия решений»²;

– цифровая трансформация общества – глубокое преобразование с помощью цифровых инструментов всех его сфер, что способствует обретению им качеств принципиально нового уровня. Цифровизация и цифровая трансформация общества рассматривается как определенные этапы в развитии общества, следующие один за другим. Предполагается, что этап цифровизации нами уже практически пройден, а на повестке дня сегодня стоит задача цифровой трансформации, базирующейся на соединении возможностей технологий и традиционной сферы деятельности организаций,

---

¹ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420397755> (дата обращения: 07.04.2025).

² Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / под ред. Е. Г. Потаповой, П. М. Потеева, М. С. Шклярчук. М., 2021. С. 22.

что приводит к появлению новых продуктов и процессов с принципиально иными качествами;

– цифровая зрелость – показатель, актуальность которого возрастает в условиях перехода к цифровой трансформации общества, характеризующий отдельные регионы, отрасли или предприятия с точки зрения достижения ими современного уровня цифровизации в процессах управления и деловой деятельности;

– цифровой след – вся совокупность активных (посты, комментарии) и пассивных (метаданные, данные сенсоров, геолокация) данных, генерируемых пользователем в цифровой среде, а также любая информация о гражданине или организации, содержащаяся в различных базах данных и попавшая в цифровую среду разными путями;

– цифровой профиль пользователя и профессионала, который формируется автоматически посредством агрегации оставляемых ими в сети цифровых следов.

Таким образом, анализ терминосистемы, сопровождающей становление цифровой среды, выявивший появление принципиально новых терминов и понятий, свидетельствует об уровне ее сформированности и внутренней специфике.

Сущность и особенности цифровой среды особенно четко просматриваются в сравнении с естественной средой проживания человека. В естественной среде любой рукотворный объект, нужный для решения возникших на данном этапе развития задач, создается интеллектуальными и физическими усилиями человека. Благодаря этим усилиям она технологически и социально постоянно усложняется.

Цифровая среда, являясь ее продолжением, также выстроена человеком в ответ на значительно возросшие потребности. Сформировавшись внутри естественной среды обитания человека, она территориально располагается в пределах пространства сетевого покрытия стационарной и мобильной связи. Сегодня основные компоненты цифровой среды включают веб-сайты,

облачные сервисы, поисковые системы, социальные сети, мобильные приложения, аудио- и видеоматериалы и другие веб-ресурсы.

Но как бы она не была высокотехнологичной, она неизбежно должна быть ориентирована на особенности человеческой физиологии и психики: на его органы чувств, мелкую моторику рук, возможности восприятия, особенности мышления и т.д. В результате эта цифровая среда неизбежно несет в себе некий отпечаток человеческой сущности – человеческий характер.

На первых этапах ее создания она виделась разработчикам аналогом некоего собрания текстов, наподобие библиотеки, но с новыми технологическими возможностями их загрузки, систематизации, поиска, распространения и других манипуляций с ними. Поэтому первоначально базовыми элементами цифровой среды были текстовые редакторы, поисковые машины, форматы и метаданные электронных публикаций. Она позволяла копировать, пересылать, заимствовать текстовые куски, снимая ограничения по объему, минуя сложные вопросы оформления, также создавать свои текстовые сообщения, выводить их во всеобщее пользование не только адресно, но и эмиссионно – в некое общее хранилище. Таким образом, цифровая среда наполнилась цифровым контентом.

Цифровой контент организован в потоки, которые характеризуются динамикой, измеряемой количеством появляющегося нового контента в единицу времени, и внутренней структурой. В настоящее время большинство потоков организационно оформлены, структурно упорядочены и регулярно пополняются благодаря сайтам, порталам, новостным агрегаторам, каналам, зарегистрированным в качестве СМИ.

Наполняющий потоки контент оседает в массивах, представляющих системно упорядоченные базы данных. В составе массивов первоначально были просто оцифрованные печатные издания, копии исторических источников и редких книг, фотографии, аудиозаписи и фильмы. Вскоре появился контент, изначально создаваемый в электронной форме. Его производили новостные агрегаторы, сетевые издания, электронные средства

обучения и т.д. К ним добавились многочисленные публикации на официальных сайтах учреждений и организаций в разных жанрах и форматах. Таким образом, в цифровой среде сформировались функционально-ориентированные сектора: в сфере культуры и искусства, государственного управления, в банковской сфере и коммерции, СМИ и медиакоммуникации, образования и т.д. В условиях привлечения широких масс пользователей сети различные мессенджеры позволяют формировать самодеятельный контент. В результате их количественный объем значительно увеличился, а число разновидностей существенно обогатилось.

Большую популярность обрели аудио- и видеоресурсы творческого характера. Интернет содержит в себе огромный массив кинофильмов, записей спектаклей, видеоклипов и видеороликов, реконструкций в виртуальной и расширенной реальности, новые интерактивные произведения, произведения сетевой литературы. И сегодня они уже представляют ценность как объекты цифровой культуры. Значительная их часть в интернете производится, распространяется и хранится вне государственных и рыночных каналов, прежде всего, частными лицами, общественными организациями и неформальными коллективами.

В настоящее время процесс наполнения цифровой среды продолжается, в условиях ее принципиальной нестабильности и изменчивости: появляются новые платформы (TikTok, метавселенные) и форматы (короткие вертикальные видео, интерактивные медиа), исчезают устаревшие программные приложения, меняются алгоритмы дистрибуции. Цифровая среда живет полноценной жизнью. Миллионы пользователей ежедневно проводят в ней значительную часть своего свободного и рабочего времени. А формирующееся цифровое пространство сложное, изменчивое и крайне разнообразное. Перечисленные качества цифровой среды формируют новую реальность. Несмотря на ряд принципиально новых технологических решений, ее параметры не всегда объективно отражают реальное положение дел. Как и в реальности, в цифровой среде противоборствуют положительные,

позитивные силы и мошеннические, используются провокационные технологии. Цифровая среда стала питательной почвой различных противоправных действий. Ведь застарелые болезни общества никуда не уходят. Упрощая одни задачи, стоящие перед человечеством, цифровая трансформация ставит новые, в конечном итоге оказывающиеся более сложными для разрешения, несущие в себе массу негативных черт, что заставляет человеческую мысль еще более активно работать над их преодолением.

2.2. Функционал сетевых аналитических инструментов в управлении информационными потоками*

Цифровая среда с момента появления и до настоящего времени прошла сложный и скачкообразный путь. Решая одни задачи, новые технологии ставили перед социумом другие, которые также в кратчайшее время нужно было решать. Наиболее динамичен в этом плане стал Интернет.

Как известно, Интернет был сформирован из военных сетей и сетей научного сообщества. Его прообраз был предназначен для удовлетворения растущих потребностей в коммуникации мирового сообщества ученых, работающих в области физики частиц. В 1989 г. Тим Бернерс Ли из ЦЕРН (Европейская организация по ядерным исследованиям) произвел революционные преобразования в способе производства и обмена информации, создав World Wide Web (WWW). Вскоре Интернет стал общественным достоянием и принял на себя часть сервисных услуг, расширил их число, в том числе распространение информации по открытым и закрытым каналам, почтовые услуги, телефонию, торговлю, финансовые операции. За

---

* При написании параграфа использованы материалы опубликованных исследований соискателя, см.: № 137 в списке использованной литературы.

последующие два десятилетия Интернет из закрытой научно-исследовательской среды превратился в открытый публичный ресурс глобального масштаба.

Несмотря на краткий по историческим меркам период существования в своем развитии Интернет уже прошел несколько этапов. Отражением его пути стала известная периодизация Web 1.0, Web 2.0 и т.д.

Web 1.0 представлял собой по большей части своеобразную электронную библиотеку. Между тем в это время (примерно до 2004 г.) пользователи могли взаимодействовать с контентом – могли переходить по гиперссылкам, заполнять формы (например, для поиска или в гостевых книгах), общаться на форумах и в чатах. С появлением Web 2.0, переходом от статичных веб-страниц к динамичным, совместно используемым и социально ориентированным платформам Интернет изменился. Именно в социальной связанности платформ и в масштабах пользовательской контентогенерации заключаются отличия Web 2.0 от предшествующего этапа развития глобальной сети. В Web 1.0 пользователь был в основном потребителем, в Web 2.0 – активным соавтором.

Веб-сайты предоставили возможность пользователям самим создавать контент и делиться им. В целом система стала приобретать новые очертания и модернизированный облик. Но одновременно эти шаги привнесли и проблемы.

Первые шаги по их устранению были нацелены на поиск моделей упорядочения того хаоса, который наблюдался в информационной сфере в результате ведущихся преобразований. Стали активно использоваться некоторые вспомогательные сетевые инструменты, впоследствии объединенные в два смежных направления – вебометрию (изучение структуры и ссылочных связей внутри глобальной сети в целом) и альтметрию (альтернативная библиометрия – отслеживание пользовательского внимания к научным работам в соцсетях, блогах, СМИ). Сегодня эти направления включают в свой состав целый ряд расчетных методик, позволяющих дать

количественную и качественную оценку электронному контенту. Их можно классифицировать по ряду оснований деления.

1. По объекту – на текстологические и пользовательские. Текстологические – ориентированы на глубокий анализ и характеристику текстов на основе статистических параметров его структурных элементов. Позволяют производить различные манипуляции с текстами: проверку на оригинальность, водность, тошнотность, осуществлять копирайтинг, рерайтинг, редактирование, пересказ, текст-майнинг и т.д. Пользовательские инструменты предоставляют статистику просмотров текстов, их копирование, скачивание, количество оставленных комментариев, лайков и т.д.

2. По характеру расчетных значений – на базовые и расчетные. Базовые предоставляют статистические данные в абсолютных значениях. Например, количество знаков, ключевых слов, просмотров, комментариев и т.д. Сами по себе они особого значения не имеют. На их основе рассчитываются относительные показатели, которые наряду с количественной дают определенную качественную оценку. Например, показатель – средняя продолжительность чтения статьи – рассчитывается с учетом физиологических возможностей и навыков чтения среднего человека.

3. По аналитическому потенциалу они могут быть сравниваемые и нормативные. Например, сравниваемые: один текст набирает больше просмотров, чем другой. Соответственно, можно сделать предварительный вывод, что первый вызывает больший интерес у аудитории. Но в результате интенсивной практики использования за параметром закрепляется некоторое нормативное значение, свидетельствующее о его приемлемом состоянии. Выражается в колебании показателей в определенной амплитуде. Например, процентное значение оригинальных и заимствованных фрагментов в тексте в рамках определенной амплитуды нормативных значений позволяет сделать общий вывод о качестве текста.

4. По сферам применения. Сетевые аналитические инструменты сегодня представляют собой неотъемлемую часть цифровой среды, но

наиболее активно используются в научной и образовательной деятельности, в журналистике и блогосфере, редакционной работе, маркетинге и рекламе, госуправлении, киберпространстве. В каждой из перечисленных сфер они трансформируются в зависимости от решаемых задач, для них рассчитываются нормативные значения. В научной и образовательной деятельности в первую очередь они ставят заслон неправомерным заимствованиям, а также по факту цитирований высчитывается рейтинг научных журналов и определяется положение отдельных ученых в соответствии с их научным потенциалом (индекс цитирования, индекс Хирша и т.д.) В журналистике и блогосфере большее значение имеют пользовательские инструменты, показывающие масштаб охвата читательской аудитории, а также используются для сбора социологических данных. В редакционной работе более активно используются текстологические инструменты. В маркетинге и рекламе с помощью текстологических инструментов проверяются рекламные тексты (копирайтинг) на соответствие заданным параметрам, а с помощью пользовательских определяется их результативность. В госуправлении эти инструменты стали использоваться недавно, поэтому пока их применение ограничено анализом активности обратной связи с подписчиками в социальных сетях. В киберпространстве аналитические инструменты используются многосторонне, в том числе в позитивных целях для анализа производителей контента и пользовательской аудитории, а также в негативных – для шпионажа и компьютерной слежки за деятельностью граждан.

5. По времени возникновения все сетевые аналитические инструменты могут быть подразделены на соответствие технологиям Web 2.0 (SEO-оптимизация, просмотры, скачивания, репост, лайки и комментарии); Web 3.0 (большие данные); Web 4.0 (искусственный интеллект, текст-майнинг).

6. По выполняемым функциям. Все сетевые аналитические инструменты создавались с целью упорядочения контента в цифровой среде, но каждый из них более детально ориентирован на выполнение своей

функции. Каждая функция нацелена на выправление некоторого создавшего дисбаланса в цифровой среде, соответственно, это предполагает у того или иного инструмента наличие управленческого потенциала. Но решая одну проблему, одновременно, как следствие – возникает дисбаланс в другой сфере, что оказывает на общество дисфункциональный эффект. Отсюда следует неоднозначная культурологическая оценка.

Сетевые аналитические инструменты вкпе с их функциями, управленческим потенциалом и культурологической оценкой сгруппированы в таблице № 1.

№ п/п	Аналитический инструмент	Функция	Управленческий потенциал	Культурологическая оценка
1.	Число прочтений – пользовательский; – базовый; – используется в журналистике и блогосфере, маркетинге и рекламе, госуправлении; – Web 2.0.	Знакомство с текстом, косвенно – подтверждает интерес к теме. Рейтинг по числу прочтений.	Тексты, выстроенные в рейтинг по числу прочтений, организуют и упорядочивают поток. Лидирующие в рейтинге тексты могут использоваться для рекомендации читателям и для размещения рекламы.	Оценка неоднозначная. Рейтинг текстов по числу прочтений демонстрирует доминирующие интересы и настроения в обществе. Это может оцениваться положительно, в воспитательных целях. Но рейтинги также используются и для манипуляции общественным мнением.
2.	Средняя продолжительность чтения – пользовательский; – расчетный; – используется в журналистике и блогосфере, маркетинге и рекламе, редакционной работе; – Web 2.0.	Ориентирует читателя по затратам времени.	Потенциал пока не ясен. В перспективе в результате сравнения со средним числом прочтений будет определен предпочтительный объем текста, что позволит унифицировать тексты по затратам времени на прочтение.	Оценка неоднозначная. Унификация текстов по затратам времени может стимулировать авторов к использованию определенного объема, что снизит степень разнообразия и оттолкнет какую-то часть аудитории.
3.	Перечисление структурных частей текста и его пересказ, в том числе – устный – текстологический;	Ориентирует читателя в содержании и структуре текста.	Элемент упорядочения самих текстов и их места в потоке.	Оценка неоднозначная. Упрощает и ускоряет процесс знакомства с текстом. Дает возможность ознакомиться без глубокого погружения.

	<ul style="list-style-type: none"> – в СМИ, в редакционной работе; – Web 4.0. 			При пересказе возможна потеря тонких нюансов, иронии, сарказма, не распознаваемых по ключевым словам. Чтение – более трудоемкий процесс, нежели прослушивание, в перспективе при широком распространении может привести к утрате навыков чтения и структурного разбора больших текстов.
4.	Число скачиваний <ul style="list-style-type: none"> – пользовательский; – базовый; – в СМИ; – Web 2.0. 	Повторное прочтение, косвенно – подтверждает ценность текста для читающего.	Как такового потенциала для управления потоком не имеет.	Оценка положительная. Формирование собственной электронной коллекции нужных текстов.
5.	Репост <ul style="list-style-type: none"> – пользовательский; – базовый; – в СМИ; – Web 2.0. 	Неформальный канал распространения текстов	Как такового потенциала для управления потоком не имеет.	Оценка неоднозначная. Образование некоего клуба по интересам. Возможно «навязывание» текста к прочтению со стороны.
6.	Определение % доли заимствований <ul style="list-style-type: none"> – текстологический; – расчетный; – в научной и образовательной сферах, редакционной работе, рекламе; – Web 2.0. 	Показатель качества, определяющий оригинальность текста	Исключение из оборота неоригинальных текстов, преграда в борьбе с плагиатом	Оценка неоднозначная. Воспитание уважения к авторскому тексту, культуры цитирования. Но, с другой стороны, нарушается главный принцип культурного развития – преемственность.
7.	Определение водности текста <ul style="list-style-type: none"> – текстологический; – расчетный; – в редакционной работе, рекламе; – Web 2.0. 	Показатель качества, определяющий точность и компактность изложения смысла текста.	Упорядочение внутренней структуры текстов за счет повышения плотности.	Оценка положительная. Помощь автору в редакционной работе над текстом.
8.	Рейтинг <ul style="list-style-type: none"> – текстологический; – расчетный; – в СМИ, редакционной работе, рекламе; – Web 2.0. 	Редакция текста с целью повышения оригинальности и устранения водности.	С одной стороны, помогает наполнять поток оригинальными текстами, но с другой стороны, их оригинальность – это фикция.	Оценка неоднозначная. Устраняет необходимость собственных усилий автора над повышением оригинальности текста. В перспективе может снизить интеллектуальный

				уровень авторов, понизить их квалификацию.
9.	Число цитирований – текстологический; – базовый; – в научной и образовательной сферах, в редакционной работе; – Web 2.0.	Определение рейтинга статьи, ее автора и места в системе научных журналов.	Ранжирование научных журналов с целью отбраковки «мусорных», неавторитетных.	Оценка неоднозначная. Повышается степень доверия к излагаемому материалу благодаря авторитету автора и месту журнала в системе иерархии. Но возможна «накрутка» показателей.
10.	Куки – пользовательский; – базовый; – в киберпространстве, СМИ, маркетинге и рекламе; – Web 3.0.	Сбор данных об IP-адресах, обращающихся к ресурсам в сети	Массив собранных данных позволяет структурировать пользователей сети по интересам	Оценка неоднозначная. С одной стороны, позволяет адресно обслуживать пользователей информацией, более соответствующей их интересам, но с другой стороны – навязывать им таргетированную рекламу.
11.	DOI (Digital Object Identifier) – цифровой идентификатор, присваиваемый научным статьям – текстологический; – базовый; – в научной сфере; – Web-3.0.	Поисковый признак для идентификации научных статей.	Упорядочивает поток научных статей. Позволяет по присвоенному цифровому коду найти статью в сети.	Оценка положительная. В перспективе может заменить другие поисковые признаки.
12.	ORCID (Open Researcher and Contributor Identifier) – идентификатор авторов научных статей – текстологический; – базовый; – в научной сфере; – Web-3.0.	Поисковый признак для идентификации авторов научных статей.	Упорядочивает поток научных статей. Позволяет по присвоенному цифровому коду найти все статьи автора в сети.	Оценка неоднозначная. С одной стороны, идентификатор способствует упорядочению потока. С другой стороны, позволяет собрать информацию заинтересованным лицам о направленности научной деятельности ученого.
13.	Большие данные (Big Data) – пользовательский; – расчетный; – в киберпространстве, маркетинге, рекламе; – Web 3.0.	Интегрирует данные о пользователях сети, собранные из разных источников, включая куки	Массив собранных данных позволяет структурировать пользователей сети по разным параметрам: возрасту, образованию, интересам, социальной позиции, финансовому	Оценка неоднозначная. С одной стороны, позволяет адресно обслуживать информацией, соответствующей его положению и интересам, а с другой стороны, манипулировать, использовать эти данные в

			положению, законопослушности и т.д.	противоправной деятельности.
14.	Искусственный интеллект – текстологический; – расчетный; – теоретически во всех сферах; – Web 4.0.	Пока все функции не определены. Синтезирует в себе множество возможностей, в том числе создание оригинальных текстов, редакцию, систематизацию, упорядочение потоков и т.д.	Способен заменить человеческое участие в управлении информационными потоками.	Оценка неоднозначная. С одной стороны, освобождает человека от трудоемких действий, в том числе в области интеллектуального труда, но с другой стороны – таит в себе опасность полного управления социумом. Возможны манипуляции, подтасовки, действия, направленные во вред отдельным людям и всему обществу в целом.

Каждый из указанных в таблице аналитических инструментов выполняет определенные функции, которые могут также выполняться или дополняться другими инструментами. Так, общими функциями для ряда инструментов являются:

- упорядочения сетевого контента (DOI, ORCID);
- ранжирования сетевого контента (число прочтений, число скачиваний, число цитирований, репост, лайки и комментарии);
- управления поведением пользователей сети (большие данные, искусственный интеллект, куки, репост, число прочтений, число скачиваний, средняя продолжительность чтения, перечисление структурных частей текста и его пересказ, в том числе – устный);
- содействие повышению качества текста (определение % доли заимствований, определение водности текста, средняя продолжительность чтения, перечисление структурных частей текста и его пересказ, искусственный интеллект);
- содействия правовой защите и соответствию требованиям научной этики (определение % доли заимствований, число цитирований, рерайт).

В организации совокупности инструментов для анализа электронного контента прослеживается опосредованная преемственная связь с методиками

расчета библиометрических и текстологических показателей, используемыми ранее для традиционных печатных изданий, но не в прежнем громоздком и трудоемком виде, а значительно видоизмененными. В частности, статистические библиометрические методики приобрели свой аналог в цифровой среде – методику подсчета просмотров, обсуждений, сохранений, цитирований, в которой «просмотр» является базовой единицей, своеобразным «атомом» взаимодействия, неравнозначным «цитированию». Опосредованная связь прослеживается также между академической текстологией и SEO-оптимизацией (меры по повышению видимости сайта в поисковой выдаче, включающие технические, контентные и ссылочные аспекты). Таким образом, новые инструменты, как и прежде, разделились на две группы в зависимости от объекта количественного подсчета. Рассмотрим их подробнее.

Сетевой аналитический инструмент под названием SEO-оптимизация (Search Engine Optimization) решает сразу несколько задач. Прежде всего, путем сравнения исследуемого текста с другими в сети, выделения фрагментов буквального и перефразированного совпадения этот инструмент в настоящее время служит заслоном неправомерным заимствованиям. Но его функционал более разнообразен, в частности, с его помощью обеспечивается автоматизированный поиск в текстах грамматических и стилистических ошибок, осуществляется его редактирование. SEO-оптимизация работает на основе программы, использующей тезаурусы – списки слов, терминов и устойчивых выражений. Исследуя какой-либо текст, такая программа позволяет выделить эти слова и связать их семантическими связями.

Механизм его действия следующий: путем подсчета слов и расположения их в порядке частоты убывания распознается семантика текста, вычленяются слова, несущие основной смысл, и слова-связки. Математическими методами производится их расчет. Таким образом, методика SEO позволяет детально рассмотреть любой текст, не только

определяя и выделяя заимствования, но и общее количество знаков, вводных слов, терминов, словосочетаний и т.д.

Подсчет количества знаков – вспомогательный, самостоятельного значения не имеет, но он важен для дальнейшего расчета. У Г. Г. Воробьева¹, концепция которого рассмотрена в предыдущей главе (параграф 1.2), он обозначен как информационный объем текста. Термин «тошнотность» был введен для обозначения количества употреблений ключевых слов относительно всего текста. Классическая «тошнота» рассматривается как корень квадратный от общего количества употреблений слова в тексте. Академическая тошнота – отношение часто употребленных слов ко всему объему работы. Тошнота – это и есть информационная плотность, по Г. Г. Воробьеву. Используемый же в методике SEO показатель водности – это тот же показатель плотности по Г. Г. Воробьеву, только с противоположным знаком. Если у Г. Г. Воробьева плотность считается по количеству дескрипторов – ключевых слов, несущих основной смысл на единицу физического объема, то водность – это соотношение между стоп-словами и всеми словами текста. Стоп-слова понимаются как неинформативные речевые обороты, вводные конструкции, утяжеляющие восприятие информации.

За бортом методики SEO оказалась информативность. У Г. Г. Воробьева она двух видов – простая и ассоциативная. А эта характеристика ключевая. Именно она определяет содержательные аспекты, аккумулирует в себе востребованность, свидетельствует о понимании текста. Предполагаем, что разработчики понимают ее значимость. Чтобы как-то преодолеть создавшееся противоречие разработчики недавно предложили ввести новый показатель, назвав его «естественность текста». Предполагаем, что это аналог информативности по Г. Г. Воробьеву, позволяющий в какой-то степени оценить его содержательные аспекты.

Но потенциал методики SEO, в сравнении с прежними текстологическими методиками, оказался более масштабным. Ведь путем

---

¹ Воробьев Г. Г. Документ: информационный анализ. М., 1973. 254 с.

количественного подсчета используемых в тексте ключевых слов и их ранжирования по частоте встречаемости программа дает представление о содержании контента. Сегодня этот метод широко используется в рекламе и маркетинговых исследованиях. С его помощью исследуются запросы пользователей, которые те адресуют сетевому пространству. Программы по текстовым совпадениям позволяют состыковать их с соответствующими рекламными предложениями. Так работает, к примеру, анализ семантики запроса пользователей. На запрос любого пользователя сетевое пространство откликается массой релевантных его запросу рекламных предложений.

Более того, компьютерная программа, анализируя огромный массив таких запросов, проранжировав их, способна сгенерировать тот контент, который потенциально востребован большинством – это так называемый текст-майнинг. Также путем машинного анализа семантического наполнения публикаций распространение некоторых из них, содержащих, к примеру, агрессивные и провокационные высказывания, пропаганду запрещенных законом действий, обсценную лексику и т.д., ограничивается в сетевом пространстве.

Таким образом, определились основные сферы применения методики SEO: это научная и образовательная деятельность, защита интеллектуальных прав, маркетинг и реклама, а также сфера противодействия социокультурным, техногенным и криминальным угрозам в сетевой среде.

Следует также отметить, что современные поисковые алгоритмы (Google BERT, RankBrain) используют нейросети для понимания контекста и смысла, не ограничиваясь «классическим» подсчетом и ранжированием ключевых слов.

Второе направление анализа контента ориентировано на разработку методик подсчета просмотров, обсуждений, сохранений, цитирований электронных текстов. С 2004–2007 гг. стали отслеживаться и подвергаться регулированию в сети с помощью встроенных в ресурс автоматических счетчиков. Стало возможным просчитать, как часто просматривается та или

иная публикация, сколько времени в среднем читатели на это затрачивают. Эти данные, а также количество комментариев (обсуждений), подсчет того, сколько раз страница была сохранена или добавлена в закладки, рекомендована другим (репост) теперь рассматривается как потенциальное влияние опубликованной работы на ее читателей. Эти аналитические показатели призваны путем идентификации семантических объектов в языковых текстовых потоках выявлять частотные характеристики и на их основе определять предпочтения пользователей.

Применение технологий селекции контента позволяет выстраивать индивидуальную траекторию ознакомления пользователей с цифровыми объектами, формируя социальные общности по интересам.

Но возможности алгоритма этим не исчерпываются. Среднее время, которое провели пользователи на странице, характеризует контент со стороны досматриваемости публикации. Если среднее время невелико, контент просто пролистывается читателями, то это говорит о неглубоком прочтении. Ведь оцениваемый текст может не соответствовать интересам пользователей. Он может быть слишком сложным для большинства из них, и они покидают страницу, не дочитав ее. Или, наоборот, он может быть слишком простым, понятным, дублирующим уже известные истины. Рост же среднего времени, проведенного пользователями на странице, в определенном соотношении с объемом текста, жанром и целью публикации, выступает свидетельством наличия общественного интереса к тексту.

Второй такой показатель, определяющий качество представленной в сети публикации, – это среднее количество страниц, которое просматривает пользователь за одно посещение. Он характеризует уже не сам контент, а пользовательский контингент этого ресурса, который различается возрастом, профессиональной принадлежностью, образованием, читательскими навыками, уровнем медиаактивности и другими характеристиками.

Безусловно, тот или иной контент может привлечь разных пользователей. А этот процесс отражается в подписке на ресурс, ее динамике,

количественном росте. Это еще один показатель, который подвергается анализу. По результатам выстраиваются рейтинги текстов, что характеризует новый подход к структурированию и управлению информационно-смысловыми потоками в сети и свидетельствует о переходе на новый этап развития сетевого аналитического инструментария.

Этот инструмент получил широкое распространение во многих сферах деятельности. Поскольку в этот период начинают завоевывать популярность социальные сети, в которые также интегрированы счетчики, то не только граждане, но и учреждения обращают внимание на его потенциал. Публикуя свой контент, производственные и коммерческие предприятия информируя аудиторию о производимой продукции и предлагаемых услугах, получают обратную связь в форме просмотров, лайков и комментариев, а следовательно, могут оценить заинтересованность пользователей. Даже система государственного управления активно осваивает это новое поле деятельности. В частности, в целях улучшения взаимодействия с пользователями, оперативного реагирования на потребности своей аудитории распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2022 г. № 2523-р государственным органам, органам местного самоуправления, а также подведомственным им организациям предписано организовать и вести официальные в социальных сетях свои аккаунты¹.

Государственные учреждения сегодня должны выходить в сетевое пространство, позиционировать свой потенциал, продвигать услуги, общаться с гражданами-потребителями услуг в режиме онлайн. Эти новые направления деятельности требуют концептуального обоснования используемых методик, с опорой на научно разработанные показатели результативности, и прежде

---

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.09.2022 г. № 2523-р // Правительство Российской Федерации [Сайт]. – URL : <http://static.government.ru/media/files/wgbDv4rX5oA3gDs9ldVUEMOZtuLcd3yW.pdf> (дата обращения: 16.09.2023).

всего комплексный показатель медиаактивности.¹ Это сложносоставной показатель, в составе которого фигурируют некие индикаторы:

- количество подписчиков одной странички в социальных сетях;
- количество публикуемых материалов на одной страничке в определенный промежуток времени (день, месяц, год);
- количество просмотров пользователями публикуемых материалов на одной страничке в определенный промежуток времени (день, месяц, год);
- количество лайков и комментариев, сопровождающих просмотры материалов в определенный промежуток времени (день, месяц, год).

Расчет этих данных не представляет особой сложности, поскольку их предоставляет сама социальная сеть. Но в количественном плане они значительно различаются в зависимости от типа учреждения, места его расположения, целевой аудитории, количества проживающего населения и не могут быть сравнимы в силу разных условий. Таким образом, они составляют базовую основу для расчета косвенных показателей. Косвенные индикаторы более корректны для сравнения. Это такие индикаторы, как:

- процент подписчиков на страничку от общего количества населения региона (населенного пункта).
- отношение количества просмотров контента к общему количеству населения региона (населенного пункта);
- среднее количество просмотров одной публикации, а также полученных лайков и комментариев, за один день.
- отношение количества лайков и комментариев к количеству публикаций и т.д.

Первые два из названных показателей свидетельствуют о степени интереса жителей региона к деятельности учреждений. Среднее число просмотров каждой публикации показывает, сколько человек в день прочли опубликованное сообщение, что дает представление об общей

---

¹ Горлова И. И., Зиновьева Н. Б., Костина Н. А. Целевые индикаторы для оценки реализации государственных программ культурного развития регионов // Обсерватория культуры. 2023. Т. 20. № 4. С. 340–350.

прочитываемости контента. Отношение количества лайков и комментариев к количеству публикаций показывает, насколько в целом актуальными и злободневными были представленные в социальной сети материалы. Кроме того, среднее число просмотров в день можно сравнить с числом подписчиков и выяснить, какой процент от числа просмотров в день составляет число подписчиков. Этот индикатор позволяет оценить состав читающих, выяснить – какую долю занимают подписчики, т.е. постоянные читатели, и отсеять тем самым случайных посетителей.

Полученные в результате расчетов цифры могут иметь сезонные колебания, нести в себе региональную специфику, а также востребованность пользователями во многом зависит от качества и актуальности публикаций.

Наибольший импульс на втором этапе развития сетевого аналитического инструментария получили научные коммуникации. Частота цитирования или просто упоминания ФИО или работы того или иного автора стала позиционироваться как признак, по которому определяется место научной публикации в их иерархии. Прежние традиционные методики, развиваемые в рамках наукометрии и библиометрии, значительно видоизменились и трансформировались в некие расчетные методики, которые абсолютный показатель факта цитирования или упоминания той или иной работы интегрировали в сложные формулы. Таким образом были сформированы импакт-фактор, индекс Хирша, нормированные индексы цитирования и др. В частности, для конкретного журнала этот показатель рассчитывается как количество ссылок в определенном году на опубликованные в нем статьи за предшествующие три года (базовая разновидность методики расчета). Высокий уровень импакт-фактора – в какой-то мере показывает степень авторитетности журнала. Наряду с трехлетней методикой расчета импакт-фактора используют и пятилетнюю методику расчета импакт-фактора, а также Immediacy Index, время полужизни и Eigenfactor Metrics. Пятилетний импакт-фактор лучше отражает различия между журналами в областях с традиционно низким цитированием,

связанным со сравнительно короткими списками цитируемой литературы в статьях и, соответственно, недостаточно достоверной статистикой, набираемой за период, используемый для расчета традиционного импакт-фактора.

Immediacy Index рассчитывается по цитированию статей, вышедших в журнале в том же году, в котором они процитированы. Таким образом, он отражает динамику, показывает, насколько быстро начинают цитироваться опубликованные в журнале статьи. По этому показателю преимущество имеют журналы, выходящие чаще.

Динамику цитирования отражает также и показатель, названный «время полужизни», показывающий, через какой период времени статьи, опубликованные в журнале, набирают максимальное количество цитирований, после чего их цитирование идет на убыль.

Последняя из упоминавшихся методик – Eigenfactor Metrics. При расчете этого показателя учитывается не только количество цитирований (в данном случае это пятилетнее окно цитирований), но и источник цитирования, при этом самоцитирования (т. е. ссылки в конкретном журнале на статьи в этом же журнале) не учитываются. С помощью этих данных можно провести сравнительный анализ по цитируемости статей отдельного ученого или организации в конкретной области знаний с ориентацией на среднестатистические данные, можно оценить уровень ученого или организации в конкретной научной области по сравнению с мировыми данными или данными по стране.

В настоящее время широкое распространение получил так называемый индекс Хирша. Для определения индекса Хирша статьи автора, ссылки на которые введены в базу в автоматическом режиме, располагаются в убывающем порядке по суммарному числу ссылок на каждую из них. В начале списка идут наиболее цитируемые статьи, в конце списка – наименее цитируемые. Интерес представляют не те статьи, которые больше всего цитируются, и не те, которые – в меньшей степени, а та одна, порядковый

номер которой совпадает с числом цитирований на нее. К примеру, четвертая статья по списку получила шесть цитирований, пятая – пять, а шестая – три. Так вот, когда порядковое число совпадает с числом цитирований, а в приведенном примере это число пять, то это и будет составлять индекс Хирша данного автора.

Но для осуществления расчетов были необходимы базы публикаций в электронном виде, которые бы служили источником поиска заимствований, другими словами – текстовых совпадений. Примерами таких баз-накопителей со встроенным инструментарием для определения места публикации по результатам ее упоминания сегодня выступают широко известные Scopus, Web of Science, РИНЦ. Но и попасть в такую базу текст может, только пройдя через процедуру SEO-анализа.

Но в то же время их полезность для оценки вклада отдельного ученого или учреждения является спорной. Исследования вводят такое понятие, как «онлайн-шум», который может значительно исказить интерпретацию результатов. Они отмечают, что популярность в Интернете той или иной работы может не отражать адекватно ее научный потенциал. А некоторые популярные онлайн-цитаты могут быть поверхностны, в то время как другие глубокие и сложные работы, имеющие большое научное значение, – быть изолированы в Интернете. Кроме того, возможно «дружеское» цитирование и другие механизмы для усиления результатов подсчетов. Специалисты напоминают при этом, что наиболее популярный контент в сети зачастую ориентирован на любопытную или забавную информацию, на рекомендации для здоровья или информацию о катастрофах. Это говорит о том, что сетевой аналитический инструментарий не идеален, а результаты расчетов следует тщательно интерпретировать, чтобы преодолеть предвзятость и неоднозначность методик.

2.3. Цифровой след, большие данные и искусственный интеллект: ключевые тренды цифровой среды*

В 2007 г. специалисты заговорили о переходе компьютерных технологий к Web 3.0, функционал которого должен решить основные проблемы своего предшественника. Прежде всего, дать авторам контроль над своим контентом, а пользователям – над своими данными. Все ключевые технологии этого поколения Интернета должны быть построены на блокчейне, который обеспечивает децентрализованность Сети, а значит ее независимость. Сетевой аналитический инструментарий в результате этого перехода обогатился новыми инструментами, базирующимися на цифровом следе и Больших данных.

Цифровой след. Концептом, обретающим в настоящее время большую значимость и провоцирующим большие проблемы, выступает «цифровой след». Именно он лежит в основе формирования цифрового профиля, цифровой идентичности и других понятий. Это обстоятельство предполагает необходимость более пристального рассмотрения источника его происхождения, типовидовых особенностей и социокультурных последствий использования в цифровой среде.

Погружение в проблематику цифровой среды позволило установить, что она организована по принципу поля, и в этом поле множеством пользователей оставлены следы их пребывания – «цифровые следы». По сути, это закодированные в «цифру» электромагнитные импульсы.

Сам термин «цифровой след» получил официальный статус не сразу. На протяжении десятка лет использовались разные варианты. Так, в исследованиях по трасологии (криминалистике) применялось словосочетание «virtual traces» («виртуальные следы») ¹, это явление называли также

---

* При написании параграфа использованы материалы опубликованных исследований соискателя, см.: №№ 132, 134 в списке использованной литературы.

¹ Зайцева С. А., Смирнов В. А. Аксиологический подход к понятию цифрового следа // Ноосферные исследования. 2021. № 3. С. 79–87.

цифровым отпечатком, цифровой тенью, кибер-тенью и пр.¹. И только в последние годы в научной лексике окончательно закрепился термин «цифровой след».

Цифровые следы различаются по своим параметрам, и это дает возможность использовать их по отдельности и в определенных структурированных наборах для решения разных задач.

Но самое главное качество «цифрового следа» – он опосредованно несет в себе качественные характеристики оставившей его в цифровой среде человеческой личности, что позволяет идентифицировать субъекта, выявить его интересы, вкусы, отследить поведение, социальные связи и т.д. Поэтому он может рассматриваться сегодня как некий социокультурный феномен, появившийся в социальной практике не так давно, но уже активно интегрированный в социум. И в этом качестве он вызывает повышенный научный интерес.

Если первоначально его изучение было прерогативой специалистов в области компьютерных наук, в частности, в сфере кибербезопасности, то в последние годы по мере раскрытия своего потенциала цифровой след становится предметом исследования разных научных направлений. Он исследуется в философском плане как многослойное явление, обладающее многогранными особенностями, проявляющимися в различных сферах жизни индивида и социума. (Е. В. Листвина, Р. В. Пеннер, С. И. Платонова, А. М. Кондаков, А. А. Костылева, С. А. Зайцева, В. А. Смирнов, И. М. Дзялошинский и др.).

Активно разрабатывается проблематика цифрового следа в контексте процессов цифровизации и медиатизации культуры. Так, цифровой след, рассматриваемый как атрибут культуры цифрового общества, стал предметом исследования Ю. А. Чернавина и Г. В. Бариновой. В работах Д. А. Потапова описывается влияние цифрового профиля в социальной сети на статус

---

¹ Листвина Е. В. Цифровое общество: социокультурный анализ цифрового следа // Аспирантский вестник Поволжья. 2020. № 7–8. С. 14–18.

человека. Д. С. Ботнарь и Е. Ю. Сизганова рассматривали влияние цифрового следа на формирование цифровой репутации гражданского служащего¹. С. В. Тихонова и Д. С. Артамонов в своих работах подчеркивали роль цифрового следа в формировании исторической памяти, накапливаемой в социальных медиа². В статье Д. А. Деткиной и В. В. Королева проводится анализ влияния цифрового следа на составление психологического портрета личности, используемого для проверки данных резюме соискателя³. Особенности использования цифрового следа в условиях цифровизации образования исследуются в работах И. Н. Гостевой, С. С. Бражникова, С. А. Храпова, Л. В. Басовой и т.д. Такое активное внимание исследователей свидетельствует о том, что данная тема находится в фокусе научного дискурса, а проблематика цифрового следа еще не исчерпана.

Для рассмотрения природы цифрового следа в качестве методологической базы исследования нами использована теория информации, в частности, одна из концепций, рассматривающих понятие информации как отраженное разнообразие окружающего мира⁴. В этой концепции источником возникновения информации выступает взаимодействие отражаемого объекта, отражающей его субстанции и обязательно наличие стороннего субъекта, который, оценивая характер отражения, делает определенные выводы.

Каждый из участников этого процесса обладает своими характеристиками. Так, отражаемый объект имеет физические параметры, которые должна запечатлеть в своей структуре отражающая субстанция. Он может также воздействовать на нее с разной степенью активности, силы давления, множественностью контактов, интенсивностью во временном аспекте и т.д.

---

¹ Ботнарь Д. С., Сизганова Е. Ю. Формирование позитивной цифровой репутации органов государственной и муниципальной власти // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2020. № 4. С. 92–99.

² Тихонова С. В., Артамонов Д. С. Историческая память в социальных сетях. СПб., 2021. 265 с.

³ Деткина Д. А., Королева В. В. Цифровой след – современное портфолио конкурентоспособного работника // Электронное информационное пространство для науки, образования, культуры. Орел, 2020. С. 83–88.

⁴ Урсул А. Д. Отражение и информация. М., 1973. 231 с.

Отражающая же субстанция воспроизводит объект с такими ограничениями, которые обусловлены ее природой, что неизбежно вносит коррективы в оставляемый в ней след. Разные отражающие возможности субстанций можно рассмотреть на примере фотопленки и мокрого песка на пляже. Они, так или иначе, несут в себе след отраженного в них объекта, но результаты различаются степенью детализации его характерных сторон и черт.

И самый главный участник этого процесса – это наблюдающий со стороны субъект. Оставленный кем-то и когда-то след должен попасть в фокус его внимания. Иначе он затеряется и постепенно исчезнет.

А зачем наблюдателю он нужен? Вот тут-то и проявляется социальный потенциал этого феномена. След, оставленный объектом, может быть физическим и социальным, прямым и опосредованным, имеющим значимые последствия и таковых не имеющим. Он разный и зачастую с непредсказуемыми последствиями. Так, след от ботинка преступника может помочь в расследовании преступления. А след от мокрой обуви на полу вызовет лишь недовольство хозяйки. И чем сложнее проблема и шире аудитория, для которой этот след оказывается значимым, тем больше ему оказывается внимания в социуме. С этой точки зрения вся история человечества и его культура предстают как совокупность множественных следов, оставленных ранее жившими и создающими поколениями людей.

Посмотрим с этих позиций на цифровой след, который оставляет человек в сетевой среде, обусловивший появление новых сюжетов в жизни человека, актуализирующих идентификационную проблематику. Он может быть рассмотрен в широком и узком значениях. Как уже указывалось выше, в узком смысле данный термин обозначает всю совокупность активных и пассивных данных, генерируемых пользователем в цифровой среде. В широком же значении в объем этого понятия попадает любая информация о гражданине или организации, содержащаяся в различных базах данных и попавшая в цифровую среду разными путями.

По сути, цифровой след представляет собой зафиксированный факт активного или пассивного присутствия пользователя в сети. Активный след пользователь оставляет намеренно, публикуя в сети свои персональные данные, размещая фотографии, публичные и личные сообщения, делая поисковые запросы и т.д. Пассивный след оставляют граждане, не ведая об этом, просто заходом на тот или иной ресурс.

И та, и другая разновидность могут быть рассмотрены с правовой точки зрения. Данные могут быть собраны с ведома и согласия их владельца, как, к примеру, в ситуации с куки, так и незаконно, без согласия владельца или путем распространения противозаконного контента. Можно также классифицировать цифровой след как общедоступный и с ограниченным доступом. Последний представляет возможность получить данные о пользователе только определенному кругу лиц, наделенными соответствующими полномочиями.

Цифровой след в широком смысле с содержательной точки зрения может характеризовать пользователя многообразно. Прежде всего, базовую основу цифрового следа составляют элементы, представляющие человека *как гражданина*. В различных базах государственных структур содержатся сведения о нем, в частности, реквизиты паспортных данных, номера ИНН, СНИЛС, ОМС, данные об образовании, о гражданском состоянии и т.д. Дополняют эту совокупность данные, полученные с помощью биометрии, например, с камер наблюдения.

Сбор и систематизация таких сведений приобретает особую актуальность в связи с задачами, поставленными в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», которая предполагает, в частности, разработку цифрового профиля гражданина. Такая работа ведется, и в перспективе будут собраны: все виды регистрации, выданные удостоверения, информация о владении недвижимостью, перемещения по стране и за границей и многое другое. Задача этой платформы – обеспечить

через портал госуслуг доступ к данным о гражданине или юридическом лице, содержащимся в других государственных информационных системах¹.

Вторая группа элементов, составляющих цифровой след, характеризует человека с точки зрения его финансового положения и как потребителя товаров и услуг. Для формирования этой совокупности данных учитываются сделанные в сети покупки, их товарный ассортимент, ценовая категория, форма оплаты, интерес, проявленный к рекламе товаров и услуг, а также «кредитная история», оплаченные и неоплаченные штрафы и т.д.

Цифровой след характеризует человека с точки зрения его перемещения в пространстве. В различных базах данных содержатся данные о законном пересечении государственной границы через таможенные пункты. Камеры слежения фиксируют факты присутствия человека в том или ином месте. Дополнением к этому служат факты оплаты, произведенной безналичным способом в разных точках пространства (например, на автозаправках), фиксация номера автомобиля, запечатленного камерой слежения в том или ином месте и т.д.

Цифровой след характеризует человека с точки зрения его социальных связей, интересов, направленности взглядов и гражданской позиции. Накоплению этих данных способствуют ведение собственной странички в социальных сетях, размещение своих фотографий, текстов, содержание которых может по-разному трактоваться, содержать какие-либо высказывания, некорректные с точки зрения законодательства и/или моральных норм, а также комментирование чужого контента со своего устройства, его оценка, проставленная в виде лайка.

Цифровой след характеризует человека с точки зрения его здоровья. В лечебных учреждениях ведутся базы данных с медицинскими картами граждан в электронной форме, электронно заполняются больничные листы и

---

¹ Кондаков А. М., Костылева А. А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Информатизация образования. 2019. Т. 16. № 3. С. 207–218.

фиксируются назначения отдельных видов лекарственных средств, подлежащих учету.

Собранный таким образом материал представляет собой рабочий массив: из множества оставленных следов создается цифровой портрет сетевого пользователя. Его первый уровень составляют те данные, которые субъект производит своими действиями. Второй уровень – это данные из электронных баз, которые содержат идентифицирующую субъекта информацию, например, о его регистрации. Также компьютерные алгоритмы отслеживают контент, который был им просмотрен, время, потраченное на его чтение, динамику нажатия клавиш, скорость набора текста и направление движения пальцев на экране. А если к этому добавляются еще и биометрические данные, то цифровой портрет достаточно полно и достоверно способен отобразить и идентифицировать субъекта.

Далее собранные данные анализируются различными компьютерными алгоритмами и сравниваются с данными других пользователей для выявления значимых статистических корреляций. Получается множество, сгруппированное в большие данные (Big Data), которые мгновенно просчитываются и структурируются по разным основаниям, и могут быть многократно использованы в разных целях.

Кого интересуют эти данные? В технологии активного сбора данных о пользователях в первую очередь заинтересованы органы государственного управления, правовая сфера и работники спецслужб. Такая информация ценна для банковской отрасли, а также для любых иных организаций сферы услуг: торговли, туризма, медицины, рекламной сферы. Очень заинтересованы в них журналисты. А также – хакеры, способные скачать и продать эти данные, жулики разного рода. Поскольку в сетевое пространство вовлекаются финансовые потоки, то интерес криминальных структур к этому сектору очень велик. Множество оставленных субъектом следов, собранные в цифровой профиль, используются для управляемого воздействия на потребителя в

разных целях: рекламных, идеологических, воспитательных, для решения производственных задач и т.д.

Культурологический смысл этого феномена также заключается в изменении повседневных практик, в новых возможностях, открывшихся сетевым пользователям в отношении идентификации себя в сети. Они теперь могут, оперируя своими следами, насыщая их конкретикой, конструировать желаемый цифровой профиль. Е. В. Листвина отмечает, что это происходит благодаря извечному желанию человека «оставить след после себя, продолжиться во времени». Она считает, что такова особенность европейской культуры, «где каждый стремится зафиксировать свое специфическое, индивидуальное бытие, отметив свои значимые моменты и достижения, иначе человеку грозит опасность полного растворения в безымянных миллионах предшественников»¹.

Но нередко пользователи намеренно выставляют на первый план несоответствующие реальным возможностям и личностным качествам следы. В результате получается образ, в котором правдивые и объективные характеристики перемежаются с воображаемыми и искусственно сконструированными. Такая самопрезентация имеет целью создание субъектом в цифровой среде фрагмента своего личного пространства, которое он обустроивает и демонстрирует другим. И это подразумевает активный интерес других субъектов, но с другой мотивацией, по-своему интерпретирующими его намерения и действия. Таким образом формируется виртуальный мир человеческих взаимоотношений².

Если в отношении реальной жизни выработаны правовые нормы поведения, то цифровая среда пока крайне уязвима в отношении всякого рода нарушений прав личности. Цифровой след может быть опасным, когда он выходит в публичное пространство и становится инструментом,

---

¹ Листвина Е. В. Цифровое общество: социокультурный анализ цифрового следа // Аспирантский вестник Поволжья. 2020. № 7–8. С. 15.

² Конева А. В. «Подвижное сознание» в эпоху культуры различия // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2010. Т. 189. С. 53–58.

используемым в неблагоприятных целях. И если рядовые граждане-пользователи сети, возможно, не так интересны журналистам, хакерам и жуликам, то известные личности практически оказываются «под стеклом». Исчезает приватность, тайна, так необходимая каждому человеку для осмысления своих действий, работы над сделанными ранее ошибками. Поэтому психологи предупреждают, что желание поделиться деталями личной жизни, размещение в публичное пространство неоднозначных фотографий, высказываний могут помешать выстроить благополучную карьеру в будущем.

Но революционные преобразования текста в цифровой среде продолжают. Более продвинутое технологические решения сегодня опираются на большие данные.

Большие данные (Big Data). Феномен больших данных, ворвавшийся в нашу жизнь не так давно, стремительно меняет окружающую реальность. Теперь многие решения в области планирования и управления финансовыми институтами, торговыми и рекламными фирмами, руководством средств массовой информации и др. принимаются на основе выводов, сделанных с помощью этой технологии. Она позволяет собирать и обрабатывать ежесекундно в режиме реального времени огромную массу сведений из множества источников.

Если на предыдущих этапах большая часть информации в сети Интернет была произведена людьми, то в современных условиях ее также продуцируют различные датчики, камеры слежения, мобильные устройства. Они общаются между собой, способны анализировать и диагностировать проблемы, выдавать рекомендации по оптимизации процессов, приводить их в действие без вмешательства человека. Собираемые повсеместно обрывки информации стекаются в базы данных, связывающие их воедино. Полученные результаты используются в различных исследованиях, позволяют делать различные прогнозы, выявлять скрытые желания человека, о которых он и сам не знает.

Такая идея повторного использования положена в основу феномена больших данных и персонализированного контента.

Большие данные как феномен, создающий новую реальность, изучается с позиции разных научных направлений. Безусловно, технологический подход к его исследованию и методическим аспектам использования превалирует. Об этом свидетельствует целый ряд опубликованных книг таких авторов, как Р. В. Зыков, Д. Грас, А. Ын и К. Су, Дж. Кеххелер и Б. Тирни, Д. Морроу, Д. Силен, А. Мейсман, М. Али и других¹. Одной из трудно разрешимых проблем активного использования больших данных выступает их правовой аспект, послуживший предметом исследования в работах И. Л. Бачило, А. И. Савельева, Д. А. Пашенцева, Т. Я. Хабриевой² и т.д. Большое практическое влияние на стремительную модернизацию экономики, маркетинговых технологий, рекламной деятельности, медицины, СМИ и даже политических процессов, свидетельствует о многомерности этого феномена, его многоаспектности, глубине проникновения в социум. Обладающий собственной спецификой, сложной и разветвленной структурой, множеством разновидностей, этот социальный феномен стал предметом многостороннего осмысления в рамках философской концепции Четвертой промышленной революции (Е. В. Балацкий, А. Н. Бурлуцкий, В. В. Лушников, Л. П. Мокрова, Г. Г. Небратенко, О. А. Романова и др.)³.

---

¹ Зыков Р. В. Роман с Data Science: как монетизировать большие данные. СПб., 2022. 318 с.; Грас Д. Data Science. Наука о данных с нуля. СПб., 2021. 416 с.; Ын, А., Су К. Теоретический минимум по Big Data: все, что нужно знать о больших данных. СПб., 2022. 205 с.; Келлехер Дж., Тирни Б. Наука о данных: базовый курс. М., 2020. 220 с.; Морроу Дж. Как вытащить из данных максимум: навыки аналитики для неспециалистов. М., 2022. 255 с.; Силен Д., Мейсман А., Али М. Основы Data Science и Big Data. Python и наука о данных. СПб., 2017. 366 с.

² Бачило И. Л. Право как явление и феномен познания и практики (информационно-коммуникационный аспект) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2012. № 5. С. 175–190; Пашенцев Д. А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности // Журнал российского права. 2020. No 8. С. 5–13; Хабриева Т. Я. Право в условиях цифровизации. СПб., 2019. 36 с.

³ Балацкий Е. В. Глобальные вызовы четвертой промышленной революции // Terra Economicus. 2019. № 2. С. 6–22; Лушников В. В. Проявления и последствия четвертой промышленной революции // Образование и проблемы развития общества. 2019. № 2. С. 46–50; Мокрова Л. П. Индустриальная революция Кем быть? Каким быть? // Business Strategies. 2019. № 12. С. 7–14. Небратенко Г. Г., Бурлуцкий А. Н. Четвертая промышленная революция как предмет социальной философии: критический анализ // Философия права. 2020. № 1. С. 116–119; Романова О. А. Приоритеты промышленной политики России в контексте вызовов четвертой промышленной революции // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 2. С. 420–432; № 3. С. 806–819.

Попытки дать определение большим данным предпринимались неоднократно, но, как и любому неоднозначному феномену, дать исчерпывающее по своим характеристикам определение довольно сложно. Мы согласны с одним из определений, представленным в работе А. И. Савельева, рассматривавшего термин «большие данные» как совокупность инструментов и методов обработки структурированных и неструктурированных данных огромных объемов из различных источников, подверженных постоянным обновлениям, в целях повышения качества принятия управленческих решений, создания новых продуктов и повышения конкурентоспособности¹.

Большие данные образуются посредством цифровых следов, оставленных в сети как непосредственно пользователями, так и подключенными к ней устройствами. В этом процессе участвуют также социальные сети, GPS и ГЛОНАСС, данные с датчиков и камер слежения, умные дома и холодильники, часы со специальными устройствами и т.д. Смартфоны, планшеты, ноутбуки, телевизоры и даже часы становятся все более взаимосвязанными. Огромные массивы разнообразной информации оставляют пользователи форумов и социальных сетей, они же размещают видеозаписи, текстовые документы, оставляют лайки и свои комментарии. С другой стороны, подключенные к сети устройства генерируют данные о трафике, о соединениях абонентов, об обращениях к тем или иным ресурсам.

Собираемые повсеместно обрывки информации стекаются в базы данных, связывающие их воедино. Первоначально в них хранятся необработанные данные – «сырые», которые в данный момент времени не представляют ценности. Но ценность значительно возрастает впоследствии в результате объединения одного набора данных с другим, даже, на первый взгляд, с ним никак не связанным. Это осуществляется помощью специальных

---

¹ Савельев А. И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 43–66.

алгоритмов, называемых «мэшапами» (от англ. mash-up), которые по-новому объединяют несколько источников данных.

Большие данные бывают разными: структурированными, слабоструктурированными и неструктурированными. Структурированные уже размечены по нескольким параметрам, в том числе по источникам получения, тематике, формату, времени, объему и т.д. Частичная структуризация данных заключается в разметке по одному какому-либо параметру. Неструктурированные данные говорят сами за себя и хранятся «про запас».

Фактор времени дает основание разделить данные на «быстрые» и «медленные». Быстрые данные поступают каждую секунду в режиме реального времени, а медленные попадают в базы по свершению факта, завершения действия, события или мероприятия. Архивирование медленных данных впоследствии их делает «длинными».

Степень полезности данных подразделяет их на «горячие» и «холодные». Горячие – более актуальны и востребованы, а ценность холодных может проявиться гораздо позже.

По принципу достоверности выделяются «грязные» и «ответственные» данные. Грязные данные либо ошибочны, неполны и непоследовательны, либо намеренно содержат необъективную и ложную информацию, на них нельзя опираться в прогнозах. Ответственные данные опираются только на достоверную информацию, которая берется из проверенных источников, хранится и передается с соблюдением строгих мер безопасности.

Собранный таким образом массив может быть структурирован по разным параметрам для удобства решения множества задач. Но его использование осуществляется по двум сценариям. Первый заключается в анализе социального поведения большой, но при этом обезличенной, массы людей. Обработанные большие данные позволяют на основе расчета статистически значимых корреляций выявить доминирующие тенденции, тренды в потребительском поведении, вкусы, предпочтения и социальные

настроения граждан. К примеру, сетевые торговые организации, используя большие данные, выясняют, какие товары, какой ценовой категории пользуются наибольшим спросом, ориентируются в своей торговой стратегии на трафик и пиковые нагрузки, знают сумму, которую готов оставить в магазине среднестатистический покупатель. Это позволяет оптимизировать организацию деятельности, а в социуме формируется гибкая среда, которая в режиме реального времени подстраивается под человека, его нужды, интересы, возможности.

Второй сценарий – анализ данных об отдельном индивиде. Собирая из разных источников информацию, большие данные могут сформировать цифровой портрет конкретного человека. В его составе могут быть собраны и подвергнуты анализу данные:

- идентифицирующие личность, включая персональные данные, сведения об образовании и послужном списке, его фото и биометрические параметры (в случаях, если он в каких-то ситуациях их предоставлял), медицинские заключения и т.д.;

- свидетельствующие о его местоположении в пространстве и передвижениях, о чем посылают сигналы используемые им мобильные устройства, камеры слежения, информация об оплате банковскими картами в тех или иных торговых точках и т.д.

- предоставляющие сведения о его финансовом состоянии. К примеру, кредитная история, поступления и расходы финансовых средств, ценовая категория приобретаемых товаров, просроченные платежи по кредитам и задолженности по алиментам и т.д.;

- информирующие о его законопослушности, включая сведения о судимости, административных штрафах и т.д.;

- свидетельствующие о его цифровой активности, аккаунтах и круге общения в социальных сетях, о публикуемом и прочитываемом контенте, о времени, которое он проводит в медиапространстве.

Собранные данные позволяют составить психологический портрет индивида, охарактеризовать его поведение, социальный статус, выявить его возможности и скрытые желания. Говоря иными словами, некто со стороны с неясными целями вторгается в личное пространство гражданина, следит за ним, может интерпретировать его действия и прогнозировать намерения.

Определенные проблемы эта технология создает для защиты персональных данных от несанкционированного использования. А. И. Савельев пишет: «Беспрецедентные масштабы циркулирующей в цифровой форме информации об индивидах повлекли появление за рубежом новых игроков на рынке информации: информационных брокеров, которые на основе стекающейся к ним из различных Интернет-сервисов данных составляют детальные профайлы граждан и предоставляют доступ к ним заинтересованным лицам»¹.

Специалисты находятся в поиске ответных мер предотвращения этих угроз. Одна из них – это обезличивание в накапливаемых базах персональных данных о субъектах – их владельцах. Для этого применяются различные методы, такие как: введение идентификаторов, изменение состава или семантики, декомпозиция, перемешивание и т.д. Но этот вариант технически несовершенен, так как уже существуют программы по деобезличиванию, т.е. восстановлению стертых ранее персональных данных. Наиболее просто эти программы реализуются в отношении лиц, активно пользующихся социальными сетями. Так называемый «социальный граф» позволяет отследить дружеские связи между пользователями и идентифицировать их. Кроме того, обезличивание лишает рассматриваемую технологию многих преимуществ, которые она способна предоставить. Второй вариант защиты персональных данных – это информированное согласие на их обработку, которое владелец предоставляет, заходя на тот или иной ресурс. Но даже такое информированное согласие, снимающее остроту проблемы в текущий момент,

---

¹ Савельев А. И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 43–66.

не может предотвратить риск возможных в будущем последствий этого шага. Заранее неизвестно, как единичный поисковый запрос либо данные GPS об одной поездке могут впоследствии отразиться на частной жизни пользователя.

Обсуждающие такой вариант вмешательства в личное пространство граждан с более точной интерпретацией их намерений и действий вводят в оборот понятие цифрового концлагеря, считая, что такой подход не только лишает приватности, но и права человека на ошибку. Примером этого может служить социальный эксперимент, который планируется провести в Китае. Суть его заключается в том, что каждому участнику эксперимента изначально начисляют равное количество баллов. За каждый негативный проступок, выявленный с помощью цифрового следа, баллы будут автоматически сниматься. А за некие добрые дела – добавляться. Их оставшееся количество будет характеризовать статус человека. И в зависимости от него он может пользоваться некоторым перечнем социальных благ – получать кредит, претендовать на высокооплачиваемую должность, избираться в какие-то органы власти и т.д.

Таким образом, большие данные задают в мире глобальный тренд компьютерного слежения за человеком. В результате выстраивается новая реальность, в которой место человека качественно меняется. По сути, мы двигаемся в направлении, заданном оруэлловским сценарием, когда каждый наш шаг может быть отслежен: «Большой брат наблюдает за тобой».

Но изменит ли цифровой концлагерь натуру человека? Станет ли это мотивацией к искоренению дурных наклонностей или породит еще одну ветвь криминальной деятельности в сети по «оздоровлению» цифрового следа? Ведь если можно будет «оздоровить» свой след, значит, можно будет и очернить «след» кого-то другого. Методы одни и те же. Таким образом, предоставляется большое поле для такой деятельности.

Поэтому можно констатировать новый этап обострения противоречия между технологическим прогрессом, давшим человечеству новый инструмент с внушительным арсеналом возможностей, и неготовностью социума оградить

себя от его негативных последствий. Выработать меры противодействия можно только в рамках новой культуры сетевого общества.

Но технологии не стоят на месте. С активным развитием искусственного интеллекта, в том числе нейросетей, эксперты заговорили о следующем переходе – к Web 4.0. Его декларируемыми целями провозглашены¹:

- расширение прав и возможностей людей в цифровом секторе путем доступа к достоверной информации;
- цифровизация государственных услуг и поддержка общественного прогресса;
- формирование глобальных стандартов для новых технологий;
- широкое использование искусственного интеллекта для анализа и обработки данных, а также персонализации контента.

Расширение технологических возможностей дает новый импульс в развитии сетевому аналитическому инструментарию.

Глобальный тренд задает в настоящее время искусственный интеллект. Его возможности «взорвали» всю информационную сферу, что сказалось и на продуцировании текстов. Технологии искусственного интеллекта могут многое из того, что ранее под силу было только человеческому интеллекту. На базе анализа сетевого контента программы могут не только давать ответы на поставленные вопросы и поддерживать беседы на разные темы, но и генерировать оригинальные тексты, как научные, так и литературные, писать музыку, создавать статичные изображения и «оживлять» фотографии, снимать игровые фильмы без участия в них настоящих актеров и т.д. Путем цифровой обработки фото- и видеоизображений, а также выявления по разным источникам особенностей мимики, жестов, походки, голоса и других характеристик того или иного субъекта, программы искусственного интеллекта позволяют создать его цифрового двойника и обучить его действиям.

---

¹ Соломенцева, П. Что такое Web 3.0 и когда придет эпоха Web 4.0: интернет будущего // РБК. Тренды [Сайт]. URL : <https://trends.rbc.ru/trends/industry/664eeae59a7947103334cc75?from=copy> (дата обращения : 02.08.2025).

Таким образом, технологии искусственного интеллекта кардинально меняют труд творческих деятелей и в целом создают качественно иную ситуацию в деле создания и распространения электронных текстов. В частности, они позволяют из большого текстового объема автоматически сгенерировать маленький с сохранением основного смысла. Причем, в соответствии с поставленными пользователем задачами может быть применена простая замена слов и углубленная, с добавлением новой оригинальной информации, самостоятельно добавленной машиной. Это явление попадает под определение «глубокого рерайта», уровень которого пользователь в зависимости от стоящих перед ним задач может установить самостоятельно.

Современные нейросети могут работать не только с уже известной и введенной в сеть информацией, но и продуцировать оригинальные идеи. Более того, текст может быть перестроен с учетом возможностей восприятия целевой аудитории: сложный текст, насыщенный специальной терминологией, может быть упрощен, сделан более читабельным и интересным. Также искусственный интеллект может пересказать видеоролик, причем, результатом этих действий будет структурированный текст, сопровождаемый так называемым таймингом, который отсылает на конкретный временной отрезок в видеоролике.

Но искусственный интеллект ставит перед социумом новые проблемы. Одна из них заключается в чрезмерной открытости проекта, неавторитетности используемых источников и ненадежности излагаемой информации в генерируемом контенте. Кроме того, соответствующим образом настроенный компьютерный алгоритм может, ограничивая свободу выбора, исподволь продвигать контент неизвестного происхождения и с неясными целями. Очень болезненна проблема скрытой рекламы коммерческих продуктов. И в целом, бесконтрольное распространение этих технологий неизбежно провоцирует недоверие ко всему, что транслируется в информационном пространстве, а это вызывает смещение в иерархии ценностей, что в конечном итоге приведет к

кризису культурной идентичности, потребует выработки новых защитных стереотипов мышления, новых моделей поведения.

Перманентная революция в цифровой среде, осуществляемая благодаря появлению более совершенных технологических решений, побуждает сетевое общество к выработке принципиально новых культурных форм и практик. Ведь каждый новый технологический скачок требует от огромной массы пользователей менять не только приемы и способы работы в сети, но и модели поведения, ценностные предпочтения, образ жизни.

Сегодня искусственный интеллект дает сжатый ответ на все вопросы, не нужно больше читать тексты. Он делает выжимки. Это хорошо в условиях, когда нужно быстро что-то прояснить. Но это неглубоко и создает иллюзию правильного, одномерного и неполного ответа. Создается иллюзия простых решений, в которой нет мест поиска истины, дискуссии, спорам.

Политолог С. А. Михеев говорит: «...к сожалению, все восторги по поводу ИИ закрывают очевидные, серьезные проблемы, которых становится все больше. ИИ погружает мир в состояние тотальной лжи, когда нормальный, обычный человек не сможет отличить обман от правды. Даже последствия от этого трудно предугадать! Я уже не говорю про мошенников: огромное количество людей становятся банкротами, их разоряют! Так как мы живем в реальном мире, то за любым удобством следуют издержки».¹

* * *

Таким образом, подводя итоги главы, следует отметить, что электронный текст является целостным феноменом, базирующемся на новых технологических решениях,двигающих вперед социальный прогресс. Он организован так же, как и традиционный, но есть и существенные отличия, свидетельствующие об обогащении текстовой функциональности и возникновении ряда гибридных текстовых форм. А электронные тексты

---

¹ Михеев С. А. Не надо быть Сэмом Альтманом, чтобы это предвидеть! Я об этом говорил и год, и два назад // Дзен [Сайт]. URL: <https://dzen.ru/a/alfSrt5bgngZVobd> (дата обращения: 02.08.2025).

представляют собой фрагменты всемирного, анонимного, движущегося потока, который принято называть обобщенно «электронный (цифровой, сетевой) контент». Цифровой контент организован в потоки, которые характеризуются динамикой, измеряемой количеством появляющегося нового контента в единицу времени, и внутренней структурой. Они, в свою очередь, выступают структурным элементом цифровой среды, создающей качественно новую реальность, со своей структурой и спецификой.

С появлением Web 2.0 стремительные преобразования дестабилизировали цифровую среду. Для ее упорядочения стали активно использоваться вспомогательные сетевые инструменты, впоследствии объединенные в отдельное направление – альтметрия (или вебометрия). Сегодня это объединение включает в свой состав целый ряд расчетных методик, позволяющих дать количественную и качественную оценку электронному контенту. С переходом к технологиям Web 3.0 и особенно Web 4.0 усиливается вмешательство в личное пространство граждан с более точной интерпретацией их намерений и действий, что обусловило новый этап обострения противоречия между технологическим прогрессом, давшим человечеству новый инструмент с внушительным арсеналом возможностей, и неготовностью социума оградить себя от его негативных последствий.

Каждый сетевой аналитический инструмент нацелен на выправление некоторого создавшего дисбаланса в цифровой среде, соответственно, это предполагает наличие управленческого потенциала. Но решая одну проблему, одновременно, как следствие – возникает дисбаланс в другой сфере, что оказывает на общество дисфункциональный эффект и, как следствие, обретает неоднозначную культурологическую оценку. В результате анализа из 14 рассмотренных инструментов применительно к 11 установлена неоднозначная культурологическая оценка, которая может существенно повлиять на дальнейшее стабильное развитие общества.

Инструментами, провоцирующими наиболее опасные социальные последствия, выступают «цифровой след», большие данные и искусственный

интеллект. Собранные с помощью оставленных пользователями «следов» данные анализируются различными компьютерными алгоритмами и сравниваются для выявления значимых статистических корреляций и могут быть многократно использованы в разных целях, в том числе – создавать проблемы в области авторского права, защиты интеллектуальной собственности, персональных данных, границ личного пространства, формировать потребительское поведение в сети, навязывая противоправный и на грани моральных норм контент. Путем цифровой обработки фото- и видеоизображений, а также выявления по разным источникам особенностей мимики, жестов, походки, голоса и других характеристик того или иного субъекта, программы искусственного интеллекта позволяют создать его цифрового двойника и запускать в сетевое пространство дип-фейки.

Таким образом, бесконтрольное распространение этих технологий неизбежно провоцирует недоверие ко всему, что транслируется в информационном пространстве, а это вызывает смещение в иерархии ценностей, что в конечном итоге приведет к кризису культурной идентичности, потребует выработки новых защитных стереотипов мышления, новых моделей поведения. Выработать меры противодействия можно только в рамках новой культуры сетевого общества.

Глава 3.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ СЕТЕВЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ

3.1. Опыт использования сетевых аналитических инструментов в цифровых проектах в сфере культуры*

Для того, чтобы исследовать степень воздействия сетевых аналитических инструментов на формирование новых трендов в культурном пространстве, выявить степень их влияния на трансформацию социальных взаимоотношений, нами проведено пилотное исследование.

Объектом исследования стали сетевые ресурсы, организующие потоки электронного контента, а конкретнее – инструменты, используемые в них для управления потоками электронного контента.

Цель исследования: проследить потенциал и характер использования сетевых аналитических инструментов, их оценку пользователями сети, чтобы выявить степень их влияния на трансформацию социальных взаимоотношений. Исследование было проведено в два этапа, каждый из которых решал свою часть задач.

На первом этапе решались следующие задачи:

– выбор для анализа ряда электронных ресурсов, применяющих сетевые аналитические инструменты для организации потоков своего контента;

– характеристика видового разнообразия, интенсивности и потенциала используемого ими сетевого аналитического инструментария;

---

* При написании параграфа использованы материалы опубликованных исследований соискателя, см.: № 142 в списке использованной литературы.

– оценка эффективности и выявление проблем в использовании сетевых аналитических инструментов управления потоками в сетевых ресурсах.

В качестве эмпирической базы для обследования нами были отобраны наиболее популярные электронные библиотеки и ресурсы ряда крупных агрегаторов, аккумулирующих публикации разных жанров, разного целевого и читательского предназначения. Новостные ресурсы, официальные сайты учреждений и организаций, непрофессиональные публикации, размещаемые блогерами на своих страничках в социальных сетях, торговые площадки и маркетплейсы остались за рамками нашего исследования.

Для анализа нами были отобраны следующие открытые электронные библиотеки, СМИ и агрегаторы:

- Национальная электронная библиотека (НЭБ);
- электронная научная библиотека eLibrary;
- агрегатор научных публикаций КиберЛенинка;
- справочный электронный агрегатор «Рувики»;
- электронная платформа «Дзен».

Исследуемые электронные ресурсы имеют разное функциональное предназначение, по-разному структурно организованы. Электронная библиотека представляет собой отобранную в соответствии с профилем комплектования, упорядоченную коллекцию разнородных электронных изданий (как правило, подготовленных профессиональными авторами, прошедших редакционно-издательскую обработку выпущенных официальными издательствами), снабженную средствами навигации и поиска. Фонд электронной библиотеки может состоять из оцифрованных печатных изданий и электронных изданий, не имеющих печатного аналога: монографий, учебников, сборников материалов научных конференций и т.д. Сама электронная библиотека может входить в состав традиционной библиотеки, какого-либо учреждения, учебного заведения, а также может функционировать самостоятельно.

Функционально агрегатор в чем-то схож с электронной библиотекой. Термином «агрегатор», который произошел от латинского слова *aggregatio*, что означает «присоединение», сегодня принято называть накопители электронных текстов. Агрегатор – это тот, кто выполняет действия по сбору, накоплению, объединению, т.е. активный субъект этого процесса. В качестве агрегатора могут выступать физические, юридические лица, а также компьютерная программа или сервис, специально созданные для решения подобных задач. В зависимости от специфики объектов сбора такие агрегаторы могут называться по-разному. Например, внутри сайта может быть предусмотрена новостная лента с подборкой новостей, которая называется новостной агрегатор. Агрегаторы работают в социальных сетях, соответственно, их принято называть агрегаторами социальных сетей. Но чаще в сетевом сообществе агрегатором называют организационно оформленную фирму, структуру, которая занимается сбором разнообразного контента в сети. Это известны RSS-агрегаторы, которые, исследуя различные сайты, новостные каналы, аккумулируют информацию из них в самостоятельный источник. Они собирают и предоставляют пользователям в открытом доступе информационные сообщения, публицистические и научные статьи, рецензии на публикации, заявки, отзывы о товарах, услуги и т.д.

Электронное средство массовой информации организовано по-другому. Оно, во-первых, должно позиционироваться в этом качестве. В соответствии с действующей редакцией закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»¹ любой желающий может зарегистрировать свой сайт в федеральном реестре в качестве средства массовой информации с формой периодического распространения «сетевое издание». Но публикуемые в нем сообщения должны проходить редакционно-издательскую обработку, само издание должно иметь выходные сведения, оно должно действовать в правовом поле и нести ответственность за

---

¹ Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 (с изменениями на 23.07.2025) «О средствах массовой информации» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Сайт]. URL : <https://docs.cntd.ru/document/9003299> (дата обращения: 07.04.2025).

распространение недостоверной информации. Соответственно и новостные агрегаторы должны собирать и отображать в своих подборках информационные сообщения только с тех сайтов, которые зарегистрированы в качестве СМИ. Электронные СМИ публикуют статьи только своих штатных авторов, могут функционировать на базе традиционных газет и журналов как их аналоги, а могут и самостоятельно, без печатного варианта.

Электронная платформа – широкое понятие, которое интегрирует в себе возможности и агрегатора, и электронного СМИ. Как агрегатор – платформа собирает контент из различных ресурсов, включая информационные агентства, электронные СМИ, мессенджеры, видеохостинги, маркетплейсы, а также привлекает контент независимых авторов. Как СМИ – платформа работает на базе редакционно-издательской политики, модерирует на основе своих критериев отбора. Платформы могут быть предназначены для разных целей и иметь разный профиль и выполнять различные функции. Особенностью платформы является встроенный алгоритм, который для каждого постоянного пользователя, анализируя его интерес посредством оставленных им ранее цифровых следов, составляет индивидуальную подборку для прочтения.

Рассмотрим каждый ресурс из вышеприведенного перечня подробнее, акцентировав внимание на сетевых аналитических инструментах, которые ими используются.

Национальная электронная библиотека (НЭБ) – позиционирует себя как проект Министерства культуры Российской Федерации, предоставляющий открытый доступ к оцифрованным единицам фондов российских библиотек, музеев и архивов. На официальном сайте в разделе «Фонды» представлен перечень организаций, передавших цифровые копии содержащихся в фондах изданий. Ссылки на них кликабельны, отсылают к полным текстам. В отношении каждого такого учреждения все переданные цифровые копии сгруппированы в два раздела. Первый – «Подборки», где они представлены по тематическому, типовидовому и иному принципу. Второй

«Популярные издания». Если с первым разделом понятно, в нем представлены все переданные копии, то как определяются популярные издания – непонятно. Статистики нет, читательской оценки тоже нет.

На сайте НЭБ был просмотрен этот раздел «Популярные издания» в рубрике РГБ (Российская государственная библиотека). Безусловно, эта крупнейшая в стране библиотека активно работает над оцифровкой своих фондов, и именно они составляют основу всего фонда НЭБ. Рейтинг популярных оцифрованных изданий возглавляет издание 1866 года Ф. М. Достоевского «Игрок», за ним на втором месте М. Твен «Том Сойер», издание 1935 года. На третьем же месте по популярности находится малоизвестное учебное пособие выпуска 2005 года С. В. Криворучко «Современные платежные системы», и такое расположение выглядит несколько нелогичным на фоне двух предшествующих ему достаточно популярных произведений. При этом, алгоритм, работающий на основе статистики обращений, был корректен по своим внутренним правилам, однако явно нуждается в совершенствовании, поскольку результат его работы явно расходится с установками человеческой логики.

Электронная научная библиотека eLibrary – интегрированная с Российским индексом научного цитирования (РИНЦ), комплектуется научными публикациями, представляющими впоследствии базу для проведения измерений публикационной активности ученых, научных организаций и высших учебных заведений, а также для оценки уровня научных журналов. Механизм работы РИНЦ заключается в сборе базы данных о научных публикациях, информация из которой автоматически может быть переструктурирована по тематике, ключевым словам и классификационным индексам. Далее эта информация разносится по разным личным кабинетам: отдельных ученых, организаций, в которых они трудятся, журналам. Кроме того, учитываются цитаты и ссылки, которые привязываются к цитируемым публикациям и также рассчитываются. Число ссылок показывает значимость публикаций, позволяет выстроить рейтинги по числу цитирования как самих

публикаций и их авторов, рассчитывается импакт-фактор научных журналов. Полученные данные помогают определить уровень развития того или иного тематического направления исследований, с учетом роста количества публикаций и их хронологического распределения установить его пиковые значения.

Но в научной сфере к наукометрическим показателям отношение неоднозначное. Такие инструменты широко используются при стратегическом планировании науки, для принятия решений о выделении финансирования конкретных проектов и организаций. Но, тем не менее, отмечаются существенные недостатки¹:

– индекс цитирования не учитывает личный вклад автора (при подсчете все равно писались ли статья десятью авторами или автор был один). Для широкого круга ученых, которые преимущественно публикуются в соавторстве (зачастую в многочисленном), этот показатель практически бесполезен для оценки их деятельности;

– в стандартной схеме расчета не учитываются ссылки на монографии авторов, которые обычно являются итогом многолетней работы, куда помимо обзора существующих публикаций авторы часто включают ряд новых результатов, не опубликованных в других источниках;

– в индексе цитирования учитываются даже те ссылки, где статьи автора подвергаются серьезной критике и результаты считаются ошибочными или просто недостоверными (например, с подтасованными экспериментальными данными);

– некоторые пионерские работы незаслуженно забываются, а цитируются вторичные работы, опубликованные много позже, когда появляются различные приложения;

– если работа важная, но достаточно сложная для понимания, то ее цитирование может откладываться на многие годы;

---

¹ Зиновьева Н. Б. Библиотека в системе современных научных коммуникаций: научно-практическое пособие. М., 2015. С. 104.

– цитирование часто зависит от личных отношений и других случайных факторов. Существуют различные способы искусственного наращивания индекса (например, друзья и коллеги договариваются о взаимных цитированиях результатов друг друга и др.).

Особой критике подвергается методика расчета индекса Хирша. К примеру, два человека с одинаковыми индексами Хирша могут иметь цитируемость, отличающуюся в десятки раз. К примеру, индекс может совпадать у авторов с двумя-тремя сотнями публикаций и тех, у кого их насчитывается десяток-другой, а иногда у последних индекс может быть и выше. Поэтому сопоставление ученых по индексу Хирша может приводить к совершенно абсурдным результатам.

Индекс Хирша существенно различается в зависимости от области исследований. Например, в математике он объективно существенно ниже, чем в физике, а в физике – ниже, чем в биохимии и медицине. В этом плане сопоставление также некорректно. Индекс Хирша невозможно корректно высчитать, если статьи автора имеют одинаковую цитируемость. Такой подход допустим, только когда все статьи имеют разную цитируемость. У большинства авторов, находящихся в продуктивном возрасте, большое количество научных работ опубликовано в докомпьютерную эпоху. В ручном режиме выявить все цитирования за срок 30–40 лет невозможно¹.

Кроме того, возможны ошибки алгоритма. Наиболее часто они возникают, если авторы статей – полные тезки или совпадает аббревиатура наименований учреждений.

Агрегатор научных статей «КиберЛенинка» позиционирует себя на своем официальном сайте как научная электронная библиотека, построенная на парадигме открытой науки (Open Science). Своими задачами она считает популяризацию науки и научной деятельности, общественный контроль качества научных публикаций, развитие междисциплинарных исследований, современного института научной рецензии, повышение цитируемости

---

¹ Зиновьева Н. Б. Библиотека в системе современных научных коммуникаций. М., 2015. С. 105.

русской науки и построение инфраструктуры знаний. При этом КиберЛенинка комплекзует свои фонды несколько по-иному, чем большинство электронных библиотеки. К примеру, НЭБ заключает письменное соглашение с учреждениями, передающими свои оцифрованные единицы фонда, а КиберЛенинка, также вступая в переговорные отношения с организациями-участниками, в автоматическом режиме собирает с их сайтов научные публикации, представленные в открытом доступе, выполняя функцию агрегатора.

На заглавной странице официального сайта КиберЛенинки, после общей справки о ресурсе, также следует рейтинг популярных статей. Он ведется по двум параметрам – по числу прочтений и числу скачиваний. В списке наиболее популярных статей на момент обращения к ресурсу было представлено 9 наименований, все кликабельны, отправляют на полный текст. Но обращаясь к полным текстам, выясняется совсем другое число и прочтений, и скачиваний. Кроме того, полный текст статьи еще и предполагает ее оценку читателями. Так вот, статья, возглавляющая рейтинг, получает оценку от 10 читателей положительную, а от 12 – отрицательную. Следующая статья в рейтинге: 3 – получают положительную оценку, 10 – отрицательную. Большинство последующих публикаций в списке из 9 наименований наиболее популярных статей получили нулевую оценку от читателей. Можно сделать вывод, что и в этом ресурсе альтметрический инструментарий без должного внимания со стороны человека дает сбой.

Справочный электронный агрегатор «Рувики» – это открытый справочный ресурс, базирующийся на технологии wiki – одной из разновидностей сервисов Web 2.0. Эта технология дает возможность одному человеку или группе людей, находящихся на расстоянии друг от друга, работать над созданием единого текста, внося в него изменения и дополнения. Применительно к справочному ресурсу – он предоставляет возможность коллективной разработки справочных статей, их редактирования, дополнения, связывания гиперссылками, а также позволяет сохранить все изменения,

произошедшие со всеми wiki-статьями с момента их создания. При этом среди разработчиков возможны разногласия, и они должны работать конструктивно, стремясь достичь консенсуса.

Разработчики этого справочного ресурса опираются на предыдущий опыт Википедии, аналогичного мирового ресурса, успешно работавшего с 2001 г., но который, несмотря на позиционирование себя как объективного и непредвзятого информационного ресурса, впоследствии стал ненадежным в научном и идеологическом планах, а некоторые статьи и вовсе носят русофобский оттенок. Поскольку модераторы и администраторы этой энциклопедии не допускают российских пользователей к корректировкам многих и заведомо лживых фактов, было принято решение о создании российского аналога.

«Рувики» декларировала принципы, лежащие в основе работы этого ресурса. Среди них:

- достоверность и открытость в предоставлении информации;
- гуманистический подход в подборе информации, приоритет общечеловеческих ценностей;
- соблюдение авторских прав;
- обеспечение культурно-просветительской, познавательной функций;
- осуществление деятельности в целях удовлетворения общественных потребностей читателей;
- обеспечение высокого содержательного, научного, художественного профессионального уровня публикаций и др.¹.

«Рувики» широко использует сетевой аналитический инструментарий. Для подтверждения достоверности излагаемых сведений используется инструмент гиперссылок на авторитетные источники. Статьи, связанные единой темой или по другим признакам, также содержат взаимные отсылки.

---

¹ Редакционные ценности // Рувики: интернет-энциклопедия [Сайт]. – URL : https://meta.ruwiki.ru/wiki/Редакционные_ценности (дата обращения: 07.04.2025).

Ресурс привлекает независимых авторов для написания и редактирования статей. Для авторов на официальном сайте ресурса есть разделы «Править статью», «Написать статью», «Добавить изображение». У каждой статьи есть страница обсуждения, на которой обсуждаются возможные улучшения содержания и пути повышения качества статьи. Но при этом статьи никак не оцениваются читателями, и статистика просмотров не предоставляется в открытом доступе. Есть сервис «Поделиться».

Для пользователей ресурса на заглавной странице есть разделы «Популярное» и «Интересное для вас». Первый из указанных разделов построен по принципу новостной ленты, в которой перемежаются разные инкорпорированные из других ресурсов статьи, вперемежку с рекламой. По какому принципу произведен отбор материалов в этот раздел – непонятно. Перечень популярных статей весьма хаотичен. Раздел «Интересное для вас» на момент просмотра почему-то рекомендовал статью «Банковское дело во Львове».

Медиаплатформа «Дзен» работает на основе искусственного интеллекта и представляет собой бесконечную ленту публикаций, в которой представлены новостные информационные сообщения, публикации СМИ, реклама, а также материалы, представленные независимыми авторами. Встроенный алгоритм анализирует регулярно просматриваемые ресурсы конкретным пользователем и другие особенности его информационного поведения (выставленные оценки и комментарии) и на этой основе формирует модель его предпочтений. С увеличением объема данных о пользователе алгоритм эту модель уточняет и начинает предлагать все более релевантные публикации, в том числе и из незнакомых источников. Таким образом лента выстраивается индивидуально, в зависимости от интересов читателя, на основе анализа посещаемых ресурсов. Дзен также практикует так называемые технологии рекомендаций, выставляя в зависимости от выявленных алгоритмом предпочтений топ музыкальных произведений,

рекламных, подкастов. Это сервисы «Яндекс.Музыка», «Яндекс.Радио», «Яндекс.Маркет».

Организует поток контента прежде всего алгоритм, работающий на основе сетевого аналитического инструментария, но также предполагается и человеческое участие. В большей мере человеческое участие регулирует публикационную деятельность на площадке так называемых независимых авторов. Организация собственного канала и публикация статей независимого автора допускаются лишь при достаточном количестве подписчиков и определенном числе пользователей, потенциально заинтересованных в теме, развиваемой автором. Учитываются прежние публикационные достижения авторов, которые оцениваются алгоритмом, такие как: число выставленных в неделю публикаций, число прочтений, число дочитываний, комментариев и выставленных оценок. Человеческое участие в этом процессе предполагает следующее: к независимым авторам прикрепляется персональный менеджер, в задачи которого входит информировать автора о допущенных им нарушениях, давать советы по поводу тем и формы подачи.

Платформа очень выборочно подходит к организации собственных авторских каналов и показу в ленте публикаций. Практикуется безусловный запрет на показ материалов, нарушающих российское законодательство, а кроме того, сформулированы собственные требования, касающиеся нескольких аспектов социальной жизни. В частности, не приветствуются статьи остросоциальной тематики. Так, Дзен ограничивает показы статей, которые, по мнению модераторов, провоцируют в обществе поляризацию мнений. Они могут присутствовать в ленте, но показываются меньшему числу пользователей, а их авторы не получают от этого доход. Могут быть ограничены в показах статьи, в которых присутствуют детальные описания трагических происшествий, шокирующий или откровенный контент, жаргонные выражения. Ряд материалов, например публикации из рубрики «Для взрослых», доступны только подписчикам. Ставятся препятствия действиям авторам, искусственно завышающих показатели и свершающих

иные мошеннические действия, как например попытки выдать себя за третье лицо, с целью увеличить доходы, ведется борьба с кликбейтными заголовками. Не приветствуются информационные мистификации, публикации, содержащие недостоверные факты, особенно в сфере медицины и фармацевтики, пропагандирующие недоказанные методы лечения, азартные игры и онлайн-казино. Если же автор пытается опубликовать запрещенный контент, его канал блокируется.

Нарушения в таком большом объеме контента выявляются с помощью сетевого аналитического инструментария, а именно – анализа по ключевым словам, но при последующем просмотре модераторами, уточняющими эти нарушения и поясняющими их авторам. Безусловно, возможности субъективной оценки при этом присутствуют, и авторы жалуются на алгоритм и действия модераторов, с их точки зрения неправомерные. Но пример платформы «Дзен» показывает, что реализуемый в автоматическом режиме инструментарий сам по себе несовершенен. И нужен реальный диалог, в котором бы стороны могли прийти к взаимному соглашению.

Таким образом, рассмотренные сетевые ресурсы активно используют сетевые аналитические инструменты для решения своих задач. Разные задачи подразумевают использование разных инструментов. Так, наиболее сложный и масштабный комплекс задач решает eLibrary, соответственно, инструменты, которые она привлекает, самые разнообразные: автоматически выбираются ссылки на научные публикации, в результате их подсчета формируются индексы цитирования научных журналов, индекс Хирша для отдельных авторов и организаций. Результаты применения позволяют не только управлять потоками научных публикаций, но и в целом принимать решения в области управления наукой. При этом eLibrary – частично закрытый ресурс, узконаправленный, не предполагает привлечения широких читательских масс и популяризацию контента.

Перед другими электронными ресурсами стоят качественно иные задачи. Так, платформа Дзен – коммерческий продукт, зависит от объема

рекламы, соответственно, заинтересована в вовлечении максимально большого числа, как читателей, так и производителей контента. Она ориентирована на разный читательский контингент и поэтому использует практически все аналитические инструменты, включая большие данные и искусственный интеллект. В деятельности НЭБ и Киберленинки сетевые аналитические инструменты в реализации задач играют менее заметную роль. Представляя читательскую оценку, они делают попытки в какой-то степени управлять читательским выбором.

Но при этом, анализ показал, что использование формализованных методик без человеческого участия не всегда достигает положительных результатов. В каждом из рассмотренных примеров обнаружены ошибки и несоответствия, вызванные неспособностью машины распознать реальную картину.

3.2. Восприятие сетевых аналитических инструментов пользователями: социологический анализ

Второй этап эмпирического исследования был посвящен анализу отношения пользователей к сетевым аналитическим инструментам, используемым применительно к сетевому контенту. Основными задачами этого этапа стали:

- анализ доминирующих моделей информационного поведения читателей в цифровой среде;
- выявление влияния сетевых аналитических инструментов на мотивацию пользователей при выборе сетевого контента;
- анализ отношения читателей к сетевым аналитическим инструментам.

Исследование проводилось в онлайн-формате с помощью сервиса «Яндекс» методом фокусного интервью в двух возрастных группах: компактной студенческой группе от 18 до 20 лет численностью 29 человек и смешанной разновозрастной группе от 27 до 60 лет численностью 25 человек, позиционирующих себя активными сетевыми пользователями. Было задано 14 вопросов.

Ответы представителей этих двух групп различаются. Так, на первый вопрос интервью: «Обращаете ли вы внимание при выборе контента в сетевых ресурсах на количество просмотров?» в студенческой группе положительно ответили 68,9 % опрошенных, а в смешанной разновозрастной – 44 %. Респондентам было предложено уточнить, как они считают, о чем это свидетельствует: о важности излагаемого материала или о сиюминутном интересе читателей, но, по сути, это ничего не значит? Только 12 % опрошенных среди смешанной разновозрастной группы считают, что количество просмотров как-то связано с важностью излагаемого материала, подавляющее большинство связывает этот показатель с сиюминутным интересом. Мнение студентов разделилось. Почти половина из опрошенных (44,8 %) считают, что просмотры указывают на важность излагаемого материала.

Аналогичные результаты показали ответы на второй вопрос интервью: «При выборе контента для просмотра обращаете ли вы внимание на его оценку, выставленную другими читающими ранее?». Среди представителей смешанной разновозрастной группы на оценку, выставляемую другими пользователями, обращают внимание 56 % респондентов, остальные более независимы от каких-либо оценок, полагаясь исключительно на свое мнение. Студенты продемонстрировали большую зависимость от оценок: 68,9 % полагаются на мнение других людей. Для уточнения мотивации, которой руководствуются пользователи, выставляя ту или иную оценку прочитанному контенту, были предложены варианты:

– публикация просто интересная и любопытная;

- позиция автора публикации понятна, близка эмоционально и интеллектуально;
- публикация содержит что-то полезное, важное для читающего;
- публикация написана хорошим литературным языком, хорошо иллюстрирована;
- автор авторитетный и известен по своим ранним публикациям;
- автор попросил его поддержать;
- руководство или авторитетные люди попросили поддержать ту или иную публикацию;
- публикация не нравится, содержит некорректные высказывания, мысли автора эмоционально не созвучны.

По количеству ответов победила мотивация «публикация просто интересная и любопытная». На нее указали 56 % представителей смешанной разновозрастной группы и 41,3 % студентов. На втором месте оказалась мотивация «публикация содержит что-то полезное, важное для читающего» – 56 % и 31 % соответственно. Для представителей смешанной разновозрастной группы важным оказалась, чтобы «публикация была написана хорошим литературным языком, хорошо иллюстрирована». Это отметили 20 % опрошенных, в отличие от 3,3 % студентов (1 человек). При этом 36 % представителей этой группы могут дать и негативную оценку публикации, если она не нравится, содержит некорректные высказывания, мысли автора эмоционально не созвучны. Среди студентов таковых оказалось только 6,9 % (2 человека).

Следующий вопрос звучал так: «При прочтении представленной в сетевом пространстве публикации считаете ли вы нужным поддержать автора или указать ему на недостатки?» Большинство респондентов из смешанной разновозрастной группы (84 %) не считает нужным это делать, в отличие от студентов (58,6 %). На уточняющий вопрос: «Как часто вы даете оценку прочитанным публикациям?» ответы по двум группам распределились так:

- делаю это часто – 0 % и 0 %;

- время от времени – 36% (взрослые) и 55,2 % (студенты);
- никогда этого не делаю – 44 % (взрослые) и 34,5 % (студенты).

На вопрос «Как вы оцениваете публикации в сетевом пространстве?»:

- я чаще позитивно оцениваю публикации – 28 % (взрослые) и 93 % (студенты);
- я чаще негативно оцениваю публикации – 28 % (взрослые) и 6,9 % (студенты). Около половины взрослых респондентов на этот вопрос предпочли не отвечать.

На вопрос, при оценке сетевой публикации обращают ли респонденты внимание на то, как ее оценили прочитавшие ранее, отрицательно ответили 56 % представителей смешанной разновозрастной группы (остальные не стали на него отвечать) и 89,6 % студентов.

В диалог с автором в форме комментариев респонденты практически не вступают – об этом заявили 100 % представителей смешанной разновозрастной группы и 75,8 % опрошенных студентов. Среди тех студентов, кто подтвердил факт вступления в диалог с автором сетевой публикации, руководствовались при этом мотивацией:

- хочу поддержать автора и пожелать ему успехов – 10,3%;
- хочу дополнить тему теми или иными фактами, подтверждающими мысли автора – 6,9 %;
- хочу указать автору на ошибочные суждения – 6,9 %.

В вопросах интервью было обращено внимание респондентов на то, что многие электронные ресурсы на заглавной странице публикуют контент в разделах «Популярное», «Топ публикаций», «Рекомендуем» и т.п. Среди взрослых обращаются к этому контенту 44 %, не обращаются 56 %. Среди студентов, соответственно, 44,8 % и 55,1 %. Респондентам было предложено уточнить мотивацию такого обращения. Среди ответов фигурировали следующие варианты:

- этот контент соответствует/не соответствует моим интересам;

– этот контент выставляет алгоритм по заложенным в него параметрам, и это означает/не означает его важность и значимость;

– не люблю, когда моим выбором пытаются управлять извне с неясными целями / в принципе не возражаю, если материал хороший.

Интересными были ответы респондентов на вопрос об отношении к современной подаче публикаций в электронных ресурсах в форме ленты. Среди респондентов смешанной разновозрастной группы 44 % опрошенных отметили, что относятся в принципе хорошо. Лента предоставляет большой спектр информационных сообщений разной тематики. 20 % опрошенных относятся не очень хорошо, аргументируя тем, что в ленте одна публикация следует за другой, трудно оторваться, формируется зависимость. При этом 36 % относятся плохо, отмечая, что в ленте много рекламы и материалов, рассчитанных на массовое потребление. При этом у студентов отношение к ленте несколько отличается: 58,6 % относятся хорошо. 41,4 % – не очень хорошо. И только 6,9 % (1 человек) заявил о негативном отношении.

На вопрос: «подстраивается ли лента под ваши интересы?» – ответили «да» 8 % взрослых сетевых пользователей и 31,7 % студентов, «нет» – соответственно 8 % и 10,3 %, частично – 64 % и 58,6 %.

Таким образом, из проведенного эмпирического исследования можно сделать следующие выводы. Отношение к сетевым ресурсам, инструментам, их организующим у пользователей сети неоднозначное, а модели пользовательского поведения у представителей студенческой молодежи и более возрастных групп пользователей отличается. Представители возрастных групп пользователей сети демонстрируют более критическое отношение к сетевому контенту и методам, которым его продвигают в цифровой среде. Студенты более доверчивы и открыты. Более половины из них верят в то, что количество просмотров указывает на важность излагаемого материала, в то время как представители старших возрастных групп склоняются к тому, что это свидетельствует о сиюминутном интересе, не более того. Студенты чаще всего позитивно оценивают публикации.

Интересным выглядят ответы на вопрос о вступлении респондентов в дискуссии с авторами публикаций. Для старшей возрастной группы эта форма является непривычной. Комментарии они читают, но сами вступать в диалог не считают нужным. Студенческая молодежь не так скована в этом направлении. Отдельные ее представители активно включаются в обсуждения разных тем.

К рекомендациям сети в отношении продвигаемых ею публикаций отношение в двух группах примерно одинаковое – половина на половину. Многие пользователи воспринимают рекомендации как подсказку. Сравнительно небольшой процент тех, кто считает – его выбором пытаются управлять извне с неясными целями.

Сетевой контент в формате ленты читают и те, и другие представители исследуемых групп. Примерно половина пользователей этим форматом довольна. А вот некоторую зависимость от постоянно обновляющейся ленты больше испытывают молодые люди. Старшие же возрастные группы больше раздражает реклама и низкопробный контент. В вопросе, подстраивается ли лента под интересы читателей, представители обеих групп сошлись во мнении – частично.

3.3. Сетевые аналитические инструменты в проблемном поле цифровой среды*

Рассмотренные сетевые аналитические инструменты каждый своим функционалом призваны в первую очередь способствовать отделению качественных и полезных для социума электронных публикации от некачественных и вредных. И в какой-то мере они эту миссию выполняют.

---

* При написании параграфа использованы материалы опубликованных исследований соискателя, см.: №№ 133, 135, 139 в списке использованной литературы.

При этом следует обратить внимание также на системный эффект, который достигнут с их помощью.

Прежде всего, они участвуют в создании нового качества жизни, которое обусловлено простотой и высокой скоростью осуществления многих процессов, ранее весьма затратных по времени и трудоемких с точки зрения свершаемых действий. На базе инновационных решений формируется новый язык выразительных средств, устраняется информационный дефицит, а применение технологий автоматической селекции контента позволяет пользователям выстраивать индивидуальную траекторию ознакомления с цифровыми объектами, формируя новые социальные общности по интересам.

В силу трансграничности информационно-коммуникационных технологий национальные и языковые границы легче преодолеваются, вовлекая огромное число пользователей в процессы диалога культур. Реальная и виртуальная действительность переплетаются и взаимодействуют, а культуру теперь нужно понимать в терминах «виртуального присутствия», в котором физический контекст существования человека одновременно «удваивается» и распространяется в виртуальной реальности с отражением в «реальном» мире¹.

Следует подчеркнуть роль новых коммуникаций в преобразовании и развитии самых разных культуротворческих процессов. «Те формы культуротворчества, которые оставались относительно стабильными в течение многих столетий, сегодня претерпевают существенные изменения. Под влиянием информационных технологий искусство, литература, обыденные коммуникации превращаются в медиа или, как минимум, выполняют их функцию, что не может в свою очередь не отражаться на изначально медийных сферах культуры. Происходит стирание границ между различными форматами культуротворчества, а рождающиеся интегративные

---

¹ Прокудин Д. Е., Толстикова И. И. Взаимодействие культур в виртуальном пространстве // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. № 2. С. 288–298.

междисциплинарные сферы ставят перед учеными-культурологами все новые и новые исследовательские задачи»¹.

Эти новые атрибуты решительно вторгаются в нашу жизнь, не оставляя нам времени для того, чтобы к ним психологически подготовиться. Они во многом изменяют наши представления о качестве жизни, пространстве и времени, а также наши привычки, стереотипы поведения, культурные потребности, запросы и ценности ². Сегодня можно говорить о принципиально новой социокультурной ситуации, выражающейся в изменении общественных отношений, ценностных установок, позиции личности в результате внедрения в нашу жизнь новых информационных технологий. Можно выделить ряд наиболее важных проблем в социуме, создаваемых современными сетевыми аналитическими инструментами.

3.3.1. Социокультурные эффекты SEO-оптимизации

Как новый феномен, активно позиционирующий себя в социуме, методики SEO имеют определенный культурологический потенциал, который можно охарактеризовать с нескольких сторон, определив не только позитивные стороны, предоставляющие обществу новые возможности, но также создающие проблемы, а иногда и новые угрозы.

Прежде всего, культурологический потенциал рассматриваемых сетевых аналитических инструментов заключается в определенном спектре возможностей, которые посредством организации цифровой среды, ее структурирования и ранжирования способны оказывать серьезное влияние на социум. С этой точки зрения позитивные стороны методик SEO бесспорны – это высокая скорость, простота использования, доступность, бесплатность или

---

¹ Сугрובה Ю. Ю. Информационные технологии в аспекте современного культуротворчества // Науки о человеке: гуманитарные исследования. 2014. № 2. С. 183–190.

² Колин К. К., Урсул А. Д. Информация и культура. Введение в информационную культурологию. М., 2015. С. 269.

сравнительно небольшая плата, высокая результативность в решении поставленных задач. Эти плюсы отмечены во всех сферах, которые используют этот механизм.

Также следует отметить – повышается культура написания текстов. Программы заменяют работу корректора и в какой-то степени даже редактора, оперативно выявляя спам, излишнюю водность, опечатки, грамматические и стилистические ошибки. Требование оригинальности расширяет лексическое поле, вносит разнообразие в используемый язык, избавляет от уже надоевших штампов, способствует его обогащению и развитию. Такая работа полезна для мозговой деятельности, стимулируя гибкость мышления авторов, их способность изящно и с малыми потерями для смысла изложить суть рассматриваемой темы или проблемы, при этом обойти сложные и неоднозначные требования программы.

Создаются новые жанры такого рода текстовых форм, чем также обогащается интеллектуальное пространство социума. У читателей складывается опыт знакомства с такими упорядоченными текстами, его накопление формирует соответствующие ожидания, умение читать, не прочитывая каждую фразу, при этом адекватно постигая смыслы.

Работа с большими массивами информации в сетевом пространстве без этого инструмента уже невозможна. Он выступает как непосредственный регулятор, устанавливающий некоторый порядок в хаотизированной информационной среде. Как бы ни был он несовершенен, но с его помощью устанавливаются правила. Они достаточно жесткие, отменить их невозможно, поскольку решения принимает не человек, а компьютерный алгоритм. И поэтому возникает большой соблазн их обойти. Начинается поиск вариантов – как обмануть машину, каким образом так выстроить текст, чтобы алгоритм не заметил содержащиеся в нем изъяды или запрещенные послылы и беспрепятственно пропустил его в сетевое пространство. Отсюда и неоднозначные последствия применения рассматриваемых методик.

С момента появления аналитических инструментов и активного продвижения их в практику написания текстов параллельно разрабатываются и внедряются методы и способы преодоления создаваемых ими заслонов. Первыми стали попытки обойти технологии проверки текстов на оригинальность. Первоначальные попытки были грубыми и несовершенными: это мог быть перевод отдельных букв на латиницу, вкрапление невидимых глазу символов, разделение слогов знаками препинания и т.д. Пройдя через череду попыток обмануть алгоритм, постепенно стала складываться иная структура текстов. Они уменьшились в объеме, стали более насыщены вспомогательными элементами, графиками, таблицами, схемами, изображениями и фото, которые ранее принято было выносить в приложения. В научной сфере поменялась веками формируемая схема опоры на методологически значимые тексты и цитирование, поскольку теперь это снижает степень оригинальности. Авторы учатся перефразированию текстов, зачастую известных, не содержащих ничего нового и ценного.

В сфере образования, публицистики, маркетинга и рекламы этот процесс можно наглядно увидеть на примере копирайтинга-рерайтинга. Копирайтингом сегодня называется интеллектуальная деятельность по созданию различного рода электронных текстов, прежде всего в сфере рекламы и маркетинга. Но не только, различные организации заказывают копирайтерам тексты для их размещения на официальных сайтах в рамках проведения юбилейных мероприятий, различных акций, кампаний и т.д. В образовании, к сожалению, эта деятельность также присутствует. Все тексты проходят проверку в обязательном порядке.

Но в ответ на копирайтинг возник рерайтинг. Выявленные в ходе проверки недостатки устраняют уже с помощью специальных программ, в которые интегрирован арсенал языковых средств перефразирования, перечень синонимов различных слов и выражений. В сети появилось множество контор, предлагающих свои услуги для такой обработки текста.

Неоднозначными выступают последствия и дальнейшего продвижения таких текстов. Пользователи формируют запрос. Путем анализа и ранжирования ключевых слов в запросах и наличия совпадений с ними в исследуемых текстах роботы-поисковики формируют ответ – список релевантных материалов. Зная это, для скорейшего нахождения и выставления в первых рядах своего контента авторы и редакторы соответствующим образом организуют тексты, учитывая все указанные моменты. Более того, некоторые тексты в сети Интернет вообще генерируются роботами, и они идеально вписываются в нормы этой системы. Для научных и публицистических текстов это большая проблема, поскольку правильно организованные рекламные материалы (спам) серьезные работы «забывают», отодвигая далеко назад в ранжированном списке. Таким образом, влияние этого инструмента заключается в продвижении в цифровой среде определенных ценностных установок, в навязывании средствами рекламы определенных норм, вариантов потребительского поведения в отношении информационных продуктов и услуг, в организации к ним доступа большой массы пользователей. Тем самым в сознании пользователей закладываются определенные шаблоны, представляющие собой заранее спланированное отношение к информационным источникам.

В сфере противодействия социокультурным, техногенным и криминальным угрозам в сетевой среде последствия применения методик SEO также неоднозначны. Используемые для этих целей программы содержат некий перечень ключевых слов, по присутствию в тексте которых роботами в сетевом потоке опознается нежелательный контент. В ответ на это в цифровой среде активно формируется так называемый «эзопов» язык – когда автор закладывает в создаваемый им текст некий неодобряемый алгоритмом смысл в выразительные единицы, пребывающие между собой в более сложных семантических связях, нелинейных и неформальных, когда вещи не называются своими именами. Для выражения смыслов используются образы, цитаты из фильмов и книг, отсылки к известным событиям, сарказм, ирония,

иносказание, словосокращения, умышленно неправильный порядок слов, т.е. те приемы, машинными технологиями пока не опознаваемые, а расшифровать которые могут только «посвященные». Безусловно, с расширением круга посвященных и с закостеневанием используемых словосочетаний все приемы будут учтены, выражения будут вводиться в словарь и отслеживаться. Но пока на базе вышеуказанных решений формируется новый язык выразительных средств. А эти новые образы и выражения создают новую реальность, участвуют в мыследеятельности, выступая инструментом влияния на личность.

Таким образом, в результате таких манипуляций формальные требования в рамках методик SEO соблюдаются, а по сути, ничего не меняется. С морально-этической точки зрения – это все-таки обман, который обществом не осуждается, законом не запрещается, хорошо оплачивается и даже признается в качестве нормы. Получается, что рассматриваемый инструмент, несмотря на то что потенциально содержит в себе новые решения проблемы массовой информатизации, несет в себе и некоторые новые угрозы.

3.3.2. Авторство электронного контента: проблема идентификации

Несмотря на множество дошедших из глубины веков текстов, институт авторства сложился не сразу. Самые ранние из дошедших до нас текстов не имели конкретного автора, что позволяло современникам беспрепятственно их копировать и достаточно вольно обращаться с содержанием. Литературные или научные сочинения заинтересованные читатели часто переписывали для себя, они распространялись в сотнях списков, поскольку законодательно это было не регламентировано.

С ростом количества текстов, с появлением технологий тиражирования, книжного рынка указание авторства стало неотъемлемой частью издания. Речь шла при этом не только о том, что издание стало объектом объект товарно-

денежных отношений, но и о сохранении подлинного, неискаженного текста, поскольку небрежные, работавшие на свой страх и риск, без всякого контроля копиисты нередко деформировали текст, переписывая его с большими ошибками.

Создавая свое произведение, автор тем самым берет на себя ответственность и рискует своей репутацией. Ведь текст отражает его видение проблемы. Читающие могут разделять или не разделять его взгляды, и между ними складывается опосредованный диалог. «За каждым словом автора мы начинаем теперь слышать его голос, догадываться о его мыслях, подозревать его поведение»¹.

Начиная с XVIII в. его стало защищать авторское право. В Российской Федерации эта сфера регламентируется четвертой частью Гражданского кодекса², в соответствии с которым подлежат охране объекты, созданные интеллектуальным трудом автора(ов), в том числе существующие в текстовой форме - произведения в области науки, литературы и искусства, объекты как результат информационных и промышленных технологий. Если объект интеллектуального права используется без согласия правообладателя, это является незаконным и влечет за собой ответственность. В ст. 1274 Гражданского кодекса Российской Федерации перечислены возможные варианты свободного использования произведений в информационных, научных, учебных или культурных целях без согласия автора (правообладателя), но с обязательным указанием его имени и источника заимствования. Разрешается цитирование в объеме, оправданном его целью, использование в качестве иллюстраций, воспроизведение в периодическом печатном издании публично произнесенных политических речей, обращений, докладов. На эти положения опираются правила корректного заимствования.

---

¹ Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты. М., 1989. С. 470.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (с изменениями на 23.07.2025) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Сайт]. URL : <https://docs.cntd.ru/document/902019731> (дата обращения: 07.04.2025).

Но появившиеся благодаря компьютерным технологиям электронные тексты сломали сложившиеся этические представления о границах дозволенного. В условиях трансформации института авторства и в поисках новых форм представления электронных текстов, их в ряде случаев стали публиковать без заглавия и других выходных данных, у пользователей появилась возможность их копировать и выдавать за свои, появились непрофессиональные авторы, публиковавшие свои тексты анонимно – все это нельзя в полной мере назвать системной практикой, но само наличие таких фактов стало весьма заметным явлением. Проблем добавил и так называемый рерайт, т.е. автоматическое переложение ранее опубликованного текста (его фрагментов) в якобы оригинальный с целью повышения его уникальности. Если на предыдущих этапах большая часть информации в сети Интернет была произведена людьми, то в современных условиях ее также продуцируют различные датчики, камеры слежения, мобильные устройства. Они общаются между собой, способны анализировать и диагностировать проблемы, выдавать рекомендации по оптимизации процессов, приводить их в действие без вмешательства человека. Технологии искусственного интеллекта могут не только давать ответы на поставленные вопросы и поддерживать беседы на разные темы, но и генерировать оригинальные тексты, из большого объема автоматически сделать маленький, упростить сложный текст, пересказать видеоролик и т.д. И все это вынесено в публичное пространство. Но кто возьмет на себя ответственность за содержание? Кто будет считаться автором?

Судьбоносным технологическим решением последних лет стал «дип-фейк». Термин «дип-фейк» образован путем соединения двух понятий: с одной стороны, словосочетание «deep learning» означает глубокое обучение нейросетей, а с другой стороны, «fake» – это подделка, фальшивка, фальсификат. Т.е., путем цифровой обработки фото- и видеоизображений, а также выявления по разным источникам особенностей мимики, жестов, походки, голоса и других характеристик того или иного субъекта, программа позволяет создать его цифрового двойника и обучить его действиям. В

результате получается некий медиаконтент, в котором этот цифровой двойник будет двигаться, говорить, совершать какие-либо телодвижения и при этом будет невозможно или очень трудно отличить его от реального человека – его прототипа.

Эта технология представляет собой инструмент, который может быть использован как во благо, так и во вред, что предполагает необходимость более серьезного отношения к этому явлению, изучения его потенциала и социальных последствий, которые в будущем могут проявиться.

Из позитивного – технология предоставляет новые возможности для разработки оригинальных творческих проектов. К примеру, с использованием этой технологии возможно «оживление» портретных изображений исторических личностей прошлых веков, что можно использовать в просветительских целях, для пропаганды их научного или творческого наследия, или разработка нового медиаконтента с интегрированием в него любимившихся зрителям, но уже ушедших в мир иной артистов. Широкое применение эта технология, несомненно, обретет в рекламе и т.д.

Но это пока перспективы, а свой негативный потенциал она уже продемонстрировала в полной мере. Возможность выдать себя за кого-то другого, подтверждая это визуальным обликом и голосом, взяли на вооружение в первую очередь мошенники, а также специалисты служб по дезинформации, работающие в области черного пиара, создающие поддельный контент для создания негативного мнения о каком-либо лице, а также решающие задачи, связанные с фальсификацией культурных ценностей россиян.

В условиях, когда вирусный контент распространяется в социальных сетях с мгновенной скоростью, ответ вопрос, действительно ли это является реальным или созданным намеренно фактом, дается с определенным опозданием. И это может существенно повлиять на общественные настроения. Кроме того, в обществе неизбежно возникнут проблемы в области авторского права, защиты интеллектуальной собственности, персональных данных,

границ личного пространства. Дальнейшее бесконтрольное распространение дип-фейковых технологий неизбежно спровоцирует недоверие ко всему, что транслируется в информационном пространстве, а это вызовет смещение в иерархии ценностей, будет способствовать выработке новых защитных стереотипов мышления, новых моделей поведения, и в конечном итоге приведет к кризису культурной идентичности. Будет также значительно затруднено практическое решение проблемы архивирования цифрового культурного наследия, поскольку трудно ответить на вопрос: созданные на основе этой технологии продукты медиаконтента являются оригинальными или это поддельный контент?

Рассматривая ситуацию в теоретическом аспекте, в контексте эволюции электронных текстов, следует отметить упорно повторяющуюся закономерность: опять на новом цивилизационном витке теряется авторство, вновь остро ставятся вопросы об ответственности, достоверности и правомочности распространения информации. А это позволяет сделать вывод о том, что сложная самоорганизуемая система, какой предстает совокупность электронных текстов, проходит в своем развитии закономерные этапы, связанные с ее становлением, структурным заполнением лакун, выработкой общих требований качества, становлением института авторства – некоего собрания общественности, заинтересованных в ее развитии. В целях сохранения баланса, социальной стабильности появление таких новых инструментов должно сопровождаться разработкой соответствующих критериев и правил, а также введением новелл в информационное законодательство, соблюдение которых будет способствовать снижению негативных последствий бесконтрольного применения этой технологии.

Это выступает свидетельством формирования принципиально новой социокультурной ситуации, которая заключается в приспособлении коммуникативных средств к повышенной динамике социокультурных процессов, выражается поиском сохранить определенную устойчивость и стабильность формы текста на конкретный момент времени.

3.3.3. Рейтингование электронного контента

В аналитический инструментарий в большинстве вариантов встроены счетчики, которые выстраивают рейтинги публикаций, и должны в глазах общественного мнения свидетельствовать об их ценности. Но так ли это?

Рейтинг по своей сути отражает характерное для живой природы в целом и для человечества, в частности, – стремление к совершенству. Объекты живой природы бесконечно стремятся превзойти друг друга в объеме контролируемой территории, ее насыщенности ценными предметами, получении всяческих благ, степени влияния на другие объекты, скорости передвижения, красоте, интеллекте и т.д. Но место, которое, в конечном счете, занимает субъект, важность или значимость предопределяемой роли тому или иному предмету в естественном ходе событий, не видна, заслонена множеством других явлений или объектов. А факт обращения множества людей к этому объекту или явлению косвенно дает ему оценку, указывает на степень востребованности. Таким образом, смысл выстраивания различных рейтингов заключается в определении важности чего-либо, что может быть подтверждено количественно.

Визуально рейтинг представляет собой числовой или порядковый показатель, приписывающий определенное место рассматриваемому объекту в некоторой совокупности аналогичных объектов в соответствии с его значимостью, популярностью, востребованностью, достигнутыми успехами и т.д. Показатели располагаются в порядке возрастания или убывания степени полезности для данной системы.

Достоинство рейтинга как метода определения значимости заключается в возможности сравнения с другими объектами или явлениями, близкими по характеристикам и находящимися со сравниваемым в одном ряду. Но выстроенный единожды рейтинг не статичен, изменяется в динамике. Это связано со сменой ориентиров, социальных условий, появлением нововведений, в связи с новыми открывшимися фактами и т.д.

В контексте культурологического осмысления феномен рейтинга в целом отражает стремление к высшему идеалу, а конкретно рейтинг публикаций – их качество, высокую оценку читательской аудитории. Но при этом имеет значение, по каким признакам осуществляется их определение в общем потоке. Ведь признаки, по которым ранжируются публикации, имеют историческую природу и выражают характерные черты эпохи. Сменяется эпохи – меняются и ориентиры, сбрасываются с пьедестала бывшие лидеры, на смену им приходят другие, пропагандирующие иные идеи, чем заражают общественное мнение. Соответственно, высшие места в рейтинге информационных трендов и поводов занимают другие авторы и источники.

Различаются виды рейтингов и методы их построения. В отношении публикаций рейтинг может быть применен как к самой публикации как к объекту, так и к их совокупности, объединенной содержательными, ценностными, идейными и другими характеристиками.

Рейтинг может строиться по традиционным методикам, путем учета статистических и иных цифровых показателей, а также с использованием сетевых инструментов. Сегодня во многие сетевые ресурсы встроены так называемые счетчики, которые подсчитывают заходы пользователей на ресурс, прочтения той или иной публикации, время, затраченное на чтение, количество скачиваний, репостов, комментариев и т.д. И они автоматически выводят публикации на те или иные места в рейтингах. Но место в рейтинге еще не определяет качество публикаций, поскольку рейтинг может быть фактический и формируемый. Если тренды массового сознания формируются стихийно, то в последние годы продвижение тех или иных публикаций осуществляется целенаправленно, путем формирования так называемой актуальной повестки. Есть большое число выгодоприобретателей результатов таких формируемых рейтингов. Среди них: научные журналы, авторы научных статей, заинтересованные в повышении индекса Хирша, сетевые агрегаторы и средства массовой информации, которые борются за читателей и

т.д. Часто это завязано на коммерческий интерес, поскольку новые тренды, воплощенные в товар, хорошо продаются.

Методы формирования такого нужного рейтинга разные. Например, рейтинг можно выстроить не по тем основаниям, которые важны для данного вида объектов. Например, рейтинг одной и той же публикации будет различаться путем опроса целевой и нецелевой аудитории, среди специалистов и широкой публики. Кроме того, замечены в использовании такие приемы, как:

- задействование административного ресурса, когда сотрудникам того или иного учреждения настойчиво рекомендуют регулярно заходить на тот или иной ресурс, допустим, вышестоящего учреждения, оставлять комментарии и ставить лайки;

- в общем подсчете учитывается не только положительная, но и негативная оценка, которая рассматривается как просто обращение к ресурсу, а это повышает его место в рейтинге;

- техническая накрутка позитивных показателей или необоснованное удаление нежелательных;

- устранение из списка номинантов на первые места и другие методы, широко эксплуатируемые в рамках пиара.

Культурологический потенциал рейтинга неоднозначен: с одной стороны с его помощью явственно проступают доминирующие тенденции, а с другой стороны – на первый план этот метод выводит те мысли, идеи, образцы, которые широко распространены в массовом сознании. В отношении публикаций рейтинг не настолько объективно отражает ситуацию, выдвигая на первые места простые и примитивные тексты, поскольку сложные предполагают высокую квалификацию читающих, их соответствующий уровень образования, необходимость предпринять усилия, затратить время на прочтение и осмысление, достичь некоторого понимания позиции автора.

Кроме того, большинство не всегда право. Известно, в сети лидирует по количеству обращений не самый лучший контент. Поэтому ответ на

вопрос: что важнее для производителя контента – следовать за массовым сознанием или развивать его, исподволь продвигая более осмысленные и важные с точки зрения прогресса мысли – оказывается не столь однозначным. Ведь культура, в отличие от массовых трендов, всегда выше, лучше, совершеннее, что оказывается сложно для понимания, экономически затратно и многим в интеллектуальном плане недоступно.

Кроме того, человеческий социум в отличие от других природных сообществ в своем цивилизационном движении опирается на этические принципы. Культура не отвергает рейтинги, но ставит на пути беспринципной гонки некие преграды. Прежде чем учитывать результаты рейтинга, следует задать вопрос: какими способами достигнуто высокое место в рейтинге? Насколько эти способы законны, этичны, не нарушают ли используемые средства права менее защищенных членов социума? Это универсальное правило имеет отношение и к миру публикаций. Общество пытается регламентировать эти стороны, но сетевой мир пока напоминает джунгли, где выживает сильнейший.

Пока правила не выстроены, рейтинги могут быть как функциональны, так и дисфункциональны. Дисфункциональность рейтингов заключается в нарушении этических норм, позволяя объектам, в общем-то, не имея на это достойных оснований, занимать высокие места. Поэтому важно грамотно применять этот инструмент.

3.3.4. Лента как инструмент информирования и средство влияния

Сегодня многие электронные ресурсы формируют так называемую ленту – дискретный поток сообщений разного содержательного наполнения в заданном формате, следуемых одно за другим. Время от времени лента автоматически обновляется: свежие материалы вытесняют с первых мест бывшие ранее в топе, и те постепенно уходят.

Знакомство с лентой позволяет читателям находиться в курсе сегодняшних актуальных новостей, а модераторы лент сегодня выступают властителями умов. Они ищут способы втиснуть среди нужных и полезных материалов те, которые, во-первых, проплачены рекламой, а во-вторых, те, которые способны привлечь массовый интерес. Лента работает на основе алгоритма, подсчитывающего просмотры, а, следовательно, грубо и прямолинейно. Она не учитывает всю сложность человеческого восприятия, динамику интересов в зависимости от времени суток, от степени загруженности работой, от настроения. Что интересовало вчера, сегодня уже может быть неактуальным.

Но человек – существо любознательное и любопытное, а это заставляет его отвлекаться на самые ему ненужные, но сенсационные новости, что автоматически выводит их в топ наиболее часто просматриваемых. Наряду с действительно важной информацией в области науки, политики, экономики, культурной жизни и т.д. зачастую в первые ряды ленты выходят новости, не соизмеримые с ней по значимости, мелкие, скандальные и низкопробные: информация из жизни «звезд» и других лидеров общественного мнения, их ссоры, склоки, вырванные из контекста неудачные высказывания, обсуждения внешнего вида и поступков. Ориентируясь на количество просмотров, лента загружает большое число читателей ненужной и неинтересной информацией.

Можно выделить несколько разновидностей способов влияния этого сетевого аналитического инструмента на выбор читателя по разным основаниям деления.

По степени проявления:

– мягкое влияние – когда между прочим материалом время от времени ненавязчиво повторяется рекомендуемый контент;

– жесткое влияние – когда изымается или блокируется материал, содержащий желаемый контент, а в ленте остается только тот, который загружен модераторами.

По направленности:

- прямое влияние – формируется перечень рекомендуемых материалов и выставляется на видное место;

- косвенное влияние – путем привлечения внимания к рекомендуемому контенту яркой картинкой, броским кликабельным заголовком, упоминанием лидеров общественного мнения и т.д.

По степени индивидуализации:

- контент подается в расчете на массовый интерес, без какой-либо его дифференциации по возрастным, профессиональным, интеллектуальным предпочтениям;

- персонализированное влияние – когда, заметив интерес читателя к той или иной теме, лента начинает ему предлагать аналогичный материал.

Лента оценивается многими читателями позитивно, поскольку:

- позволяет легко и просто ознакомиться с текущими новостями, быть в курсе событий;

- доступна в любое время суток в режиме постоянного обновления;

- информация подается в упрощенном формате, который доступен людям с разным уровнем образования и профессиональной подготовки.

Но в долгосрочной перспективе в культурологическом плане лента может иметь ряд негативных последствий:

- не предполагая каких-либо значимых усилий для поиска нужной информации, создает масштабную иллюзию всезнайства, отягченную поверхностностью суждений;

- простой и примитивный формат подачи контента в ленте в конечном итоге отучает от чтения структурно сложных и глубоких по содержанию текстов;

- декларируемая объективность ленты на самом деле вовсе не объективна. Каждое сообщение имеет свой весовой коэффициент, свою значимость, свое место в информационном потоке и, в конечном счете, – в истории. Их беспорядочное смешение, калейдоскоп новостей разного

содержания провоцирует такую же сумбурность и бессистемность мышления, разбалансирует фокус внимания;

– снижается критичность восприятия, люди не замечают, что их вниманием управляют, его направляют в нужное русло модераторы;

– бесконечность ленты стимулирует к попытке прочтения всего, что предлагается, а это убивает время, которое можно потратить на что-то более продуктивное;

– ежедневный просмотр ленты может вызывать привыкание, а в некоторых случаях, когда это по каким-либо причинам невозможно, появляется навязчивое состояние тревоги и в конечном итоге формируется зависимость;

– лента – это инструмент, который может быть использован для продвижения ценностей, несовместимых с позитивными задачами социального развития.

Человеческая психика весьма подвижна и пластична. Можно прогнозировать в скором времени спонтанную выработку новых практик управления таким децентрализованным вниманием, критериев и приемов отбора материалов в ленте для снижения уровня проявления перечисленных негативных следствий.

3.3.5. Сетевые инструменты в отборе и сохранении цифрового культурного наследия

В настоящее время мы являемся свидетелями того, как многие продукты интеллектуального и культурного производства сразу, минуя предметную форму носителя, создаются в цифровой среде. В большинстве случаев это текстовый контент, но также и художественные изображения, фото-кино-видеокадры, фрагменты звукозаписи и др. Таким образом создается новое направление цифровой культуры.

Могут ли в будущем эти цифровые продукты творческой деятельности стать объектами культурного наследия? Сегодня это неочевидно. Но ведь многие из бережно охраняемых сегодня объектов в момент создания тоже культурным наследием не считались. Лишь пройдя через века, будучи зримыми свидетельствами фактов и событий прошедшей эпохи, обрстая символическими значениями и глубинными общечеловеческими смыслами, они получили такой статус.

Формируемая в настоящее время в цифровой среде новая культура динамична, демонстрирует высочайшие темпы количественного роста контента, структурно усложняется и качественно видоизменяется. При этом, в ней совмещаются и пересекаются пласты профессионального и любительского, академического и площадного, сиюминутного и бессрочного, создавая разнородное мозаичное пространство. И все это внезапно появляется в сети и так же может внезапно исчезнуть. Интернет представляет собой среду существования потоков данных, характеризующихся кратковременностью существования. Web проявляет исключительную неустойчивость, когда речь идет о его содержании: уже в конце 90-х гг. нормой была ситуация, когда 70 % страниц Web существовали не более 4-х месяцев и только 10 % всех сайтов оставались стабильными более одного месяца¹. С того времени динамика глобальной сети сильно изменилась, и сейчас, по всей видимости, срок жизни интернет-страниц еще сильнее сократился, хотя для проверки данного тезиса необходимы дополнительные масштабные исследования.

Решение проблемы такой нестабильности содержания должно быть найдено в ближайшем будущем, ибо через 50 или 100 лет, когда историки будут оценивать наше время как эпоху триумфа информационных и компьютерных технологий, весьма вероятно, столкнутся с огромной цифровой ямой. В этой яме могут исчезнуть миллионы единиц информации,

---

¹ Формирование информационного общества в XXI веке / сост. Е. И. Кузьмин, В. Р. Фирсов. СПб., 2006. С. 416.

представляющей значительную научную, культурную, историческую и социологическую ценность.

Поэтому необходимы критерии, по которым их следует отбирать и оценивать. Но в цифровой среде из-за несоизмеримости количества публикуемого контента и физической невозможности произвести его оценку человеческими силами обострилась проблема отбора. Решение этой задачи сегодня возложено на компьютерные алгоритмы. Речь идет о таких сетевых аналитических инструментах, как методики SEO, большие данные, майнинг-дата и др. Применяются также алгоритмы оценки текстов в соответствии со встроенными в программу тезаурусами, а их популярность определяется количеством подписчиков ресурса, просмотров, скачиваний, лайков. Тексты, соответствующие установленным требованиям, популярные в аудитории, продвигаются и оказываются в числе первых ранжированного списка. Так создается новая реальность, в которой судьбу текстов определяет компьютерный алгоритм.

Возникает вопрос: подходит ли вся эта продукция для того, чтобы быть наследием? А если подходит, то какой путь она должна пройти, какой обработке подвергнуться, чтобы быть отнесенной к области наследия? Надо ли ее просто оставить такой как есть, положившись на технический прогресс и на надежность тех инструментов, с помощью которых она создавалась? И где гарантия продолжительности ее существования или это должен быть целенаправленный, управляемый процесс сохранения наследия?

Цифровые данные, произведенные или собраны, становятся наследием только в том случае, если обеспечена их устойчивость, аутентичность, если они снабжены ссылками и сохраняется их доступность в рамках системы постоянного архивирования¹. Но в сети цельность документа теряется из-за наличия гиперссылок, а поток выступает вместо законченного объекта, в силу чего традиционные методы коллекционирования неприемлемы. Во многих

---

¹ Формирование информационного общества в XXI веке / сост. Е. И. Кузьмин, В. Р. Фирсов. СПб., 2006. С. 390.

странах для сбора электронного контента применяются некие автоматические устройства коллекционирования, основанные на программах дескрипторного анализа, условно называемые «сборщиками урожая» (harvester). Роботы-поисковики целенаправленно обходят сеть, отбирая нужные записи¹. Эта работа осуществляется в соответствии с интегрированным в программу тезаурусом и планом поиска, что делает возможным отбирать для записи только те страницы, которые подлежат сохранению. Другие организации, в частности, национальные библиотеки, работающие в области сбора культурного наследия, используют стратегии выбора, основанные на четко определенных критериях: либо – тема, либо – форма, либо – национальный язык. Иногда выбор осуществляется на адрес доменного имени, что соответствует созданию подгрупп по географическому принципу. Такова, например, практика Королевской библиотеки Швеции, которая собирает сайты, создаваемые шведскими доменами². Поэтому ответственность должна лечь на плечи институтов социальной памяти, наделенных соответствующими полномочиями по сбору, упорядочению и сохранению электронной информации, представляющей общественный интерес.

Таким образом, можно сделать следующие выводы из анализа культурологического потенциала сетевых аналитических инструментов. Мы сталкиваемся с неоднозначными последствиями их применения. Желая добиться одних результатов, позитивно окрашенных, получаем на выходе ряд незапланированных со знаком минус, что приводит к необходимости формирования новой модели социальных взаимоотношений и требует своего культурологического осмысления.

* * *

Таким образом, подводя итоги главы, следует отметить, что анализ опыта использования сетевого аналитического инструментария в цифровой

---

¹ Там же. С. 388.

² Формирование информационного общества в XXI веке / сост. Е. И. Кузьмин, В. Р. Фирсов. СПб., 2006. С. 388–389.

среде, проведенный на базе ряда электронных ресурсов разного функционального предназначения, показал неоднозначные результаты. Но это позволило охарактеризовать его потенциал и выявить ряд проблем. В частности, анализ показал, что использование формализованных методик, без человеческого участия, не всегда достигает положительных результатов. В каждом из обследованных ресурсов обнаружены ошибки и несоответствия, вызванные неспособностью машины распознать реальную картину. Социологический срез также показал неоднозначное отношение пользователей: более критичное у возрастных респондентов и открытое и доверчивое – у студенческой молодежи. Это не может не тревожить, поскольку развитие цифровой среды осуществляется спонтанно, хаотично, с перекосами и дисбалансами. А инструменты, созданные для того, чтобы устранить дисбалансы, еще больше их усиливают.

Наиболее проблемными социокультурными последствиями обладают ряд из них. Это, прежде всего, методики SEO – выявленные в текстах недостатки уже зачастую устраняются не интеллектуальным трудом авторов, а с помощью рерайта – специальных программ по перефразированию. А в ответ на блокирование нежелательного контента по ключевым словам в цифровой среде активно формируется так называемый «эзопов» язык.

Неоднозначны социокультурные последствия и у выстраивания рейтингов публикаций в сети. Мало того, что рейтинги выводят на первые позиции простые и примитивные тексты, они сами могут формироваться манипулятивными приемами. А это, в свою очередь, создает проблемы в области разработки критериев сохранения цифрового культурного наследия, которое также отбирается с применением методик рейтинга.

Целый ряд проблем в социокультурной сфере создают большие данные и искусственный интеллект, которые способны не только создавать проблемы в области авторского права, защиты интеллектуальной собственности, персональных данных, границ личного пространства, но и формировать потребительское поведение в сети, навязывая контент, запускать в сетевое

пространство дип-фейки и т.д. Таким образом, альметрические инструменты провоцируют неоднозначные социокультурные последствия. Желая добиться одних результатов, позитивно окрашенных, получаем на выходе ряд незапланированных со знаком минус, что приводит к необходимости формирования новой модели социальных взаимоотношений и требует своего культурологического осмысления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня современные информационные технологии настолько глубоко проникли в жизнь людей, выросли в ее повседневность, что уже невозможно рассматривать их как артефакты, исключительно принадлежащие миру техники. Они встроены в социальное пространство и увеличили сложность среды человеческого обитания. Но одновременно они привнесли в общество новые образы, идеи, символы и ценности, анализ которых позволяет обнаружить определенные направления трансформации современной культуры и появление нового направления – информационной культурологии.

Истоки формирования информационной культурологии берут свое начало во второй половине XX в., когда закрепилось понимание культуры как особой информационной системы, со своей позиции характеризующей сущность человеческой цивилизации. Но в первой четверти XXI в. информационные технологии стали стремительно совершенствоваться. Каждый шаг на пути их развития в рамках технологий Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0 и в настоящее время Web 4.0 представляет собой качественный скачок, усложняющий цифровую среду, а также среду обитания человечества. Параллельно с этими процессами трансформируется культура в целом и ее отдельные ветви: в структуре информационной культуры выделилась электронная культура, а сейчас идет бурное развитие сетевой культуры. Разработка этой проблематики дополняет и расширяет исследовательское поле информационной культурологии.

При всех происходящих изменениях, тем не менее, главным артефактом культуры был и остается текст, выступающий результатом и маркером социального и культурного развития. Несмотря на то, что тексты в настоящее время обрели электронную форму, двигаются в сетевых потоках, они все равно базируются на устоявшихся ранее технологиях знакового письма, ориентируются на традиционные процессы текстового производства, сохраняют преемственность в функциональном предназначении. Но проблема

заключается в том, что традиционные рукописные и печатные тексты, на протяжении веков эволюционно совершенствуя свою форму подачи, в конце концов достигли некоторого гармонического единства с особенностями человеческой физиологии и психики. А вот новый спектр возможностей и на несколько порядков увеличившаяся интенсивность электронного текстового производства, организация сетевого их движения эту соразмерность нарушили. Несоизмеримость количества производимого контента из-за большой динамики наполнения сети привела к невозможности произвести их оценку человеческими силами. В результате крайне обострилась проблема отбора и качественной оценки, что потребовало принципиально иных инструментов организации цифровой среды.

Новые сетевые аналитические инструменты посредством автоматического структурирования, поиска и ранжирования контента оперативно решают эти проблемы. Каждый из них функционально обусловлен, нацелен на выправление некоторого создавшего дисбаланса в цифровой среде. Но в то же время все они имеют некий предел положительных значений, выходя за рамки которого провоцируют дисбаланс в сфере социальных взаимоотношений, вызывают дисфункциональный эффект разной степени опасности.

Так, заслоны на пути некачественных текстов, выстраиваемые с помощью методик SEO-оптимизации, начинают преодолеваются не столько интеллектуальным трудом, сколько специальными программами по перефразированию, создавая видимость оригинальности. Используемый «эзопов» язык позволяет в текстах обходить законодательно закрепленные нормы и транслировать смыслы разной степени разрушительности. Невозможность определить автора провоцирует вбрасывать много низкокачественного материала с ненормативной лексикой, что провоцирует в сетевой среде безответственность. Рейтинг публикаций по частоте обращений пользователей не выправляет ситуацию. С одной стороны с его помощью более четко проступают доминирующие тенденции, но с другой – на первый

план выводятся те мысли, идеи, образцы, которые широко распространены в массовом сознании, тем самым продвигаются простые и примитивные тексты. Особенно четко это проявляется в ленте, которая работает на основе алгоритма, подсчитывающего просмотры, а, следовательно, грубо и прямолинейно, не учитывая всю сложность человеческого восприятия, динамику интересов. В результате на первый план выходят новости, не соизмеримые по значимости, мелкие, скандальные и низкопробные. И это станет в ближайшем будущем большой проблемой в попытке отбора электронного контента для сохранения цифрового культурного наследия.

При этом эти инструменты вовсе не так эффективны, как это позиционируют их разработчики. Анализ сайтов наиболее популярных электронных библиотек и крупных агрегаторов, показал, что использование формализованных методик, без человеческого участия, не всегда достигает положительных результатов. В каждом из обследованных ресурсов обнаружены ошибки и несоответствия, вызванные неспособностью формальных алгоритмов распознать реальную картину. Отношение пользователей к сетевым аналитическим инструментам в цифровой среде также неоднозначное.

Сетевые аналитические инструменты, провоцирующие наиболее опасные социальные последствия, активно заявили о себе в условиях Web 4.0. Это – цифровой след, большие данные и искусственный интеллект. Появившись по историческим меркам совсем недавно, они уже создают проблемы в области авторского права, защиты интеллектуальной собственности, персональных данных, границ личного пространства, провоцируют потребительское поведение в сети, навязывают противоправный и на грани моральных норм контент. Глубокое обучение нейросетей позволяет создавать дип-фейки.

Таким образом, на новом цивилизационном витке ломается веками складывавшаяся система текстового производства, а новые инструменты организации цифровой среды остро ставят вопросы об ответственности,

достоверности и правомочности распространения информации. Бесконтрольное распространение этих технологий неизбежно приведет к недоверию ко всему, что транслируется в информационном пространстве, а это вызывает смещение в иерархии ценностей, что в конечном итоге – к кризису культурной идентичности, потребует выработки новых защитных стереотипов мышления, новых моделей поведения. Это выступает свидетельством формирования принципиально новой социокультурной ситуации, которая заключается в приспособлении коммуникативных средств к повышенной динамике социокультурных процессов, но одновременно – в попытках сохранить определенную устойчивость и стабильность социума.

В первую очередь важно сформировать общественное мнение. Для того, чтобы оно выполняло свою регулятивную функцию в Интернет, необходимо убрать анонимность, усилить степень персонифицированности и социальной ответственности, тем самым поднять уровень общественного контроля. Это возможно путем разработки эффективных средств контроля, специальных центров, позволяющих отследить поведение пользователя в информационной сфере. Вторым направлением как методом раскрытия всей сложности информационных процессов выступает информационное просвещение, которое должно быть представлено в форме специальной государственной программы, нацеленной на разъяснение информационного законодательства, профилактику правонарушений в информационной сфере. Занятия должны быть нацелены на разъяснение пагубности правонарушений в информационной сфере, разъяснение последствий необдуманных действий в сети, что в итоге должно поднять уровень ответственности подростков, понимание ими необходимости соблюдать рациональные правила. Третье направление – это информационное воспитание, тесно граничащее с эстетическим, нравственным и правовым воспитанием личности. Один из методов – отработка эталонной формы информационного поведения в сегодняшних условиях и ее пропаганда в СМИ. Нужна особая политика, социальный заказ СМИ и учреждениям культуры и искусства. В эту систему,

наряду с учреждениями и организациями, должны входить агенты культуры в лице малых и больших социальных групп, а также вкладчики культуры, т.е. люди, способствующие позитивным изменениям культурного свойства в информационной сфере.

Культура опирается на систему запретов с одновременным сохранением и продвижением всего того, что представляет ценность для социума. Цифровая среда порождена социумом, несет в себе родовые черты социума и отражает как в зеркале все процессы, протекающие в его структурах. Но эта среда – молодая, с большими амбициями и масштабной амплитудой возможностей. Ее стремительная динамика, активное инкорпорирование во все сферы и социальные структуры, внутренняя их перестройка по своим лекалам приводит к множественным дисбалансам в социуме. Динамика технических и технологических новшеств «подталкивает» общество в его развитии и вводит его в такие проблемные ситуации, с которыми в предыдущие эпохи люди не сталкивались, не имеют опыта, традиций их разрешения. И если технологические новшества увеличивают степень информационной свободы и несвободы объективно, то вот границы ответственности еще не промаркированы.

Как ни утопично это звучит, единственным противовесом в такой ситуации может быть культура как вечный поиск гармонии, гармонии внутреннего мироощущения и внешнего окружения. Именно культура во все века облагораживала общество и сглаживала все противоречия. Только гармонизируя внутреннее состояние членов общества, вызывая чувство сопереживания, эмпатии, идентичности эмоциональной реакции можно добиться позитивных сдвигов в сторону стабилизации. Любое действие имеет определенные последствия, человек должен осознавать возможные результаты собственных действий, представлять различные варианты поведения и сознательно делать наиболее подходящий выбор в расчете на будущее. Для выживания в искусственно созданном человеком мире должна быть разработана система правил и ограничений осуществления деятельности.

Нужно вводить ограничения, чтобы уменьшить угрозы обществу. Должен быть выработан внутренний механизм формирования этических норм и правил поведения в сети.

Таким образом, задачи, поставленные в диссертационном исследовании, выполнены. Дано философско-культурологическое обоснование предпосылкам функционирования современной цифровой среды. Проанализирована и показана преемственная связь и различия между инструментами управления информационными потоками и массивами в отношении традиционных изданий и сетевого электронного контента. Охарактеризованы современные сетевые аналитические инструменты, используемые для организации цифровой среды; разработана оригинальная их классификация по разным основаниям деления. Аналитические инструменты распределены по группам, которые соотнесены с периодизацией становления цифровой среды – Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0. В их совокупность были включены и рассмотрены новейшие инструменты, такие как: большие данные и искусственный интеллект – продукты Web 4.0. Дана оценка эффективности использования сетевых аналитических инструментов на примере ряда цифровых проектов в сфере культуры, таких как: Национальная электронная библиотека (НЭБ), электронная научная библиотека eLibrary, агрегатор научных публикаций Киберленинка, справочный электронный агрегатор «Рувики», электронная платформа «Дзен». Впервые проанализировано пользовательское отношение к результатам применения современных аналитических инструментов, которое продемонстрировало также свою неоднозначность. Было установлено, что большое число пользователей тревожит активное проникновение в реальную жизнь формализованных методик ранжирования электронного контента, продвижение выбора большинства.

В научный оборот информационной культурологии введены исследовательские сюжеты, спровоцированные использованием методик SEO-оптимизации, построением рейтингов, возможностью анонимного и

неопределенного авторства, предоставлением пользователям контента, собранного в ленту в зависимости от проявленного пользовательского интереса, автоматизированными методиками отбора цифрового культурного наследия.

Таким образом, цель диссертационного исследования, которая заключалась в исследовании сетевых аналитических инструментов, осуществляющих управление потоками и массивами в цифровой среде, и степени их воздействия на трансформацию социальных взаимоотношений в культурном пространстве, выполнена полностью. Но за рамками диссертационной работы осталось множество проблем. Ведь цифровая среда бурно развивается. Попытки же обуздать цифровую стихию запретами извне наталкиваются на некоторое противодействие. Среда возмущается этими вводимыми ограничениями свободы, переструктурируется, пытливые умы находят некие нестандартные решения, которые позволяют обойти ограничения. Таким образом, на каждое внешнее регулирующее воздействие цифровое сообщество дает свой ответ – новое технологическое решение, нивелирующее ранее введенные ограничения. И заранее предусмотреть, в какую сторону будет развиваться ситуация, невозможно. Ведь никто не знает, как на тот или иной запрет отреагирует цифровое сообщество и как это в конечном итоге повлияет на общественные устои и в целом на культуру общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:**Источники:**

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Сайт]. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/420397755> (дата обращения: 07.04.2025).
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Сайт]. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/352246667> (дата обращения: 07.04.2025).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (с изменениями на 23 июля 2025 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Сайт]. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/902019731> (дата обращения: 01.08.2025).
4. Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 (с изменениями на 23.07.2025) «О средствах массовой информации» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Сайт]. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/9003299> (дата обращения: 07.10.2025).
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (с изменениями на 24.07.2025) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Сайт]. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/901990051> (дата обращения: 07.10.2025).
6. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (с изменениями на

29.12.2025) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Сайт]. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/902254151> (дата обращения: 30.12.2025).

7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.09.2022 г. № 2523-п // Правительство Российской Федерации [Сайт]. – URL : <http://static.government.ru/media/files/wgbDv4rX5oA3gDs9ldVUEMOZtuLcd3yW.pdf> (дата обращения: 07.04.2025).

8. Дзен : медиаплатформа [Сайт]. – URL : <https://dzen.ru/about> (дата обращения: 07.04.2025).

9. КиберЛенинка : научная электронная библиотека [Сайт]. – URL : <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 07.04.2025).

10. Национальная электронная библиотека : федеральная государственная информационная система [Сайт]. – URL : <https://rusneb.ru> (дата обращения: 07.04.2025).

11. Рувики : интернет-энциклопедия [Сайт]. – URL : https://ru.ruwiki.ru/wiki/Заглавная_страница (дата обращения: 07.04.2025).

12. eLibrary : электронная научная библиотека [Сайт]. – URL : https://elibrary.ru/elibrary_about.asp (дата обращения: 07.04.2025).

Научная литература:

13. Абдеев, Р. Ф. Философия информационной цивилизации / Р. Ф. Абдеев. – Москва : ВЛАДОС, 1994. – 336 с.

14. Абрамов, М. Г. Этика Интернета: насущная необходимость и трудности роста / М. Г. Абрамов // Человек. – 2012. – № 3. – С. 76–82.

15. Авдонин, В. С. Российские журналы по политической науке сквозь призму библиометрических показателей / В. С. Авдонин, Е. Ю. Мелешкина // Полис. Политические исследования. – 2025. – № 1. – С. 173–191. – DOI : 10.17976/jpps/2025.01.13.

16. Алекперова, И. Я. О некоторых подходах к анализу информационного влияния пользователей в социальных сетях / И. Я. Алекперова // Информационное общество. – 2012. – № 3. – С. 31–38.
17. Альтюссер, Л. За Маркса / Л. Альтюссер; пер. с франц. яз. А. В. Денежкина. – Москва : Праксис, 2006. – 392 с.
18. Аскарлова, В. Я. Чтение, молодежь и цифровые технологии: «Приоритет-2030» / В. Я. Аскарлова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2021. – № 3. – С. 185–200. – DOI : 10.24412/1997-0803-2021-3101-185-200.
19. Астафьева, О. Н. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития / О. Н. Астафьева, Е. В. Никонорова, О. В. Шлыкова // Обсерватория культуры. – 2018. – Т. 15. – № 5. – С. 516–531. – DOI : 10.25281/2072-3156-2018-15-5-516-531.
20. Астафьева, О. Н. Развитие информационно-семиотической теории культуры в методологии культурологического знания / О. Н. Астафьева, Х. Г. Тхагапсоев // Верхневолжский филологический вестник. – 2024. – № 4. – С. 224–233. – DOI : 10.20323/2499-9679-2024-4-39-224.
21. Афанасьев В. Г. Социальная информация / В. Г. Афанасьев. – Москва : Наука, 1994. – 200 с.
22. Афанасьев, В. Г. Социальная информация и управление обществом / В. Г. Афанасьев. – Москва : URSS, 2005. – 408 с.
23. Балацкий, Е. В. Глобальные вызовы четвертой промышленной революции / Е. В. Балацкий // Terra Economicus. – 2019. – № 2. – С. 6–22. – DOI : 10.23683/2073-6606-201917-2-6-22.
24. Бахтин, М. М. Проблема текста / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : В 7-ми т. – Москва : Русское слово, 1996. Т. 5. С. 306–328
25. Бачило, И. Л. Право как явление и феномен познания и практики (информационно-коммуникационный аспект) / И. Л. Бачило // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2012. – № 5. – С. 175–190.

26. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл ; пер. с англ. яз. – Москва : Academia, 2004. – 783 с.

27. Босина, Л. В. Зарубежные научные ресурсы открытого доступа и навигатор SciGuide / Л. В. Босина // Научно-техническая информация. Сер. 1 : Организация и методика информационной работы. – 2011. – № 10. – С. 14–19.

28. Ботнарь, Д. С. Формирование позитивной цифровой репутации органов государственной и муниципальной власти / Д. С. Ботнарь, Е. Ю. Сизганова // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2020. – № 4. – С. 92–99.

29. Василенко, Л. А. Социология цифрового общества / Л. А. Василенко, Н. Н. Мещерякова. – Томск : Томский политехнич. ун-т, 2021. – 226 с.

30. Воеводина, Л. Н. Визуальный поворот и новые культурные практики / Л. Н. Воеводина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – № 3. – С. 97–104. – DOI : 10.24412/1997-0803-2023-3113-97-103.

31. Войскунский, А. В. Психологические исследования деятельности человека в Интернет / А. В. Войскунский // Информационное общество. – 2005. – № 1. – С. 36–42.

32. Воробьёв, Г. Г. Документ: информационный анализ / Г. Г. Воробьёв. – Москва : Наука, 1973. – 254 с.

33. Воробьев, Г. Г. Твоя информационная культура / Г. Г. Воробьев. – Москва : Молодая гвардия, 1988. – 303 с.

34. Вохрышева, М. Г. Культурологический вектор исследований в документно-коммуникационных науках: возможности и перспективы / М. Г. Вохрышева // Сфера культуры. – 2023. – № 2. – С. 73–84. – DOI : 10.48164/2713-301X_2023_12_73.

35. Гендина, Н. Н. Концепция формирования информационной культуры личности: опыт разработки и реализации / Н. Н. Гендина // Библиосфера. – 2005. – №1. – С. 55–62.
36. Голицын, Г. А. Информация – поведение – творчество / Г. А. Голицын, В. М. Петров. – Москва : Наука, 1991. – 221 с.
37. Голицын, Г. А. Информация. Поведение. Язык. Творчество / Г. А. Голицын, В. М. Петров. – Изд. 3-е. – Москва : URSS, 2017. – 221 с.
38. Горлова, И. И. Информационная культура и проблемы информационной политики / И. И. Горлова // Проблемы информационной культуры. Вып. 1 : сб. науч. ст. – Москва : Московский гос. ун-т культуры, 1994. – С. 90–101.
39. Горлова, И. И. Концептуализация и институционализация понятия «цифровое культурное наследие» / И. И. Горлова, А. Л. Зорин, А. В. Крюков // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 449. – С. 102–108. – DOI : 10.17223/15617793/449/13.
40. Горлова, И. И. Целевые индикаторы для оценки реализации государственных программ культурного развития регионов / И. И. Горлова, Н. Б. Зиновьева, Н. А. Костина // Обсерватория культуры. – 2023. – Т. 20. – № 4. – С. 340–350. – DOI : 10.25281/2072-3156-2023-20-4-340-350.
41. Горлова, И. И. Цифровая культура в информационном обществе / И. И. Горлова, А. Л. Зорин // Культурное наследие России. – 2020. – № 2. – С. 3–9. – DOI : 10.34685/NI.2020.29.2.001.
42. Горлова, И. И. Цифровизация как мегатренд развития современного общества и ее влияние на сферу культуры / И. И. Горлова, А. Л. Зорин, А. В. Крюков // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2020. – № 40. – С. 20–37. – DOI : 10.17223/22220836/40/2.
43. Горохов, В. Ф. Техника как ценность культуры / В. Ф. Горохов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 10-5. – С. 127–132.

44. Гостева, И. Н. Анализ цифрового следа обучающихся с использованием технологий больших данных / И. Н. Гостева, С. С. Бражникова // Информатизация образования и методика электронного обучения: цифровые технологии в образовании : матер. IV междунар. науч. конфер. : в 2-х ч. (Красноярск, 6–9 октября 2020 г.). – Красноярск : Сибирский федер. ун-т, 2020. – Ч. 2. – С. 409–413.

45. Грас, Д. Data Science. Наука о данных с нуля / Д. Грас ; пер. с англ. яз. [Андрея Логунова]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург : БХВ-Петербург, 2021. – 416 с.

46. Григоришин, С. В. Онтология цифры / С. В. Григоришин, А. М. Петров, А. Н. Попов. – Москва : ИНФРА-М, 2024. – 141 с.

47. Гудова, М. Ю. Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ : дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / Гудова Маргарита Юрьевна ; [Место защиты: Ур. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина]. – Екатеринбург, 2015. – 328 с.

48. Гуськов, А. Е. Наукометрический анализ научного сотрудничества в регионах Сибирского федерального округа / А. Е. Гуськов, А. А. Ермаков, А. В. Малышева, И. В. Селиванова // Научные и технические библиотеки. – 2025. – № 3. – С. 83–110. – DOI : 10.33186/1027-3689-2025-3-83-110.

49. Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт ; пер. с англ. яз. ; общ. ред. и вступ. ст. Н. Н. Иноземцева, С. М. Меньшикова, А. Г. Милейковского. – Москва : Прогресс, 1969. – 479 с.

50. Данилова, Л. Н. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей / Л. Н. Данилова // Вестник Костромского государственного университета. – 2020. – № 26. – С. 5–11. – DOI : 10.34216/2073-1426-2020-26-2-5-12.

51. Деткина, Д. А. Цифровой след — современное портфолио конкурентоспособного работника / Д. А. Деткина, В. В. Королева // Электронное информационное пространство для науки, образования,

культуры : матер. VII всерос. науч.-практ. конфер. (Орёл, 16 декабря 2020 г.). – Орёл : Орловский гос. ин-т культуры, 2020. – С. 83–88.

52. Дзялошинский, И. М. Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакоммуникаций / И. М. Дзялошинский. – Челябинск : Изд. центр Южно-Уральского гос. ун-та, 2020. – 551 с.

53. Добров, Г. М. Наука о науке: начала науковедения / Г. М. Добров. – 3-е изд. – Киев : Наукова думка, 1989. – 301 с.

54. Дулатова, А. Н. Информационная культура личности: учеб.-метод. пособ. / А. Н. Дулатова, Н. Б. Зиновьева. – Москва : Литера, 2007. – 176 с.

55. Елькина, Е. Е. Автотрофный проект – ответ на вызовы и глобальные риски цифровой эпохи / Е. Е. Елькина // Мысль: журнал Петербургского философского общества. – 2020. – № 22. – С. 57–70.

56. Емелин, В. А. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве Интернета / В. А. Емелин // Вопросы философии. – 2013. – №1. – С. 74–84.

57. Жижина, М. В. Медиапсихология: исторический экскурс в становление научной дисциплины / М. В. Жижина // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2016. – № 4. – С. 10–19.

58. Зайцева, С. А. Аксиологический подход к понятию цифрового следа / С. А. Зайцева, В. А. Смирнов // Ноосферные исследования. – 2021. – № 3. – С. 79–87.

59. Зиновьева, Н. Б. Библиометрические и текстологические показатели качества научного текста и направления их трансформации в современной научной среде / Н. Б. Зиновьева, А. В. Мельникова // Инновационные процессы в информационно-коммуникационной сфере : сб. матер. III всерос. науч. конфер. (Краснодар, 19 марта 2020 г.). – Краснодар : Краснодарский гос. ин-т культуры, 2020. – С. 12–16.

60. Зиновьева, Н. Б. Библиотека в системе современных научных коммуникаций : науч.-практ. пособ. / Н. Б. Зиновьева. – Москва : Литера, 2015. – 136 с.

61. Зиновьева, Н. Б. Гиперссылка как современный инструмент организации текста электронного сообщения / Н. Б. Зиновьева // Культурная жизнь Юга России. – 2019. – № 4. – С. 105–108.
62. Зорин, А. Л. Цифровое культурное наследие и его социальные функции / А. Л. Зорин // Культура и время перемен. – 2020. – № 3. – С. 27.
63. Зубов, Ю. С. Интеграция духовного мира личности и общества как задача информационного мировоззрения / Ю. С. Зубов, В. М. Петров // Проблемы информационной культуры. Вып. 3 : сб. науч. ст. – Москва : Московский гос. ун-т культуры, 1996. – С. 13–24.
64. Зубов, Ю. С. Информатизация и информационная культура / Ю. С. Зубов // Проблемы информационной культуры. Вып. 1 : сб. науч. ст. – Москва : Московский гос. ун-т культуры, 1994. – С. 5–11.
65. Зубов, Ю. С. На пути становления методологических и организационных основ информационной культурологии / Ю. С. Зубов // Методология и организация информационно-культурологических исследований. Вып. 6. : сб. науч. ст. – Москва : Российская гос. библиотека, 1997. – С. 3–9.
66. Зыков, Р. В. Роман с Data Science: как монетизировать большие данные / Р. В. Зыков. – Санкт-Петербург : Питер, 2022. – 318 с.
67. Зыховская, Н. Л. Традиции прошлого как цифровые форматы будущего: практики информационной вовлеченности аудитории / Н. Л. Зыховская, И. Д. Тузовский // Челябинский гуманитарий. – 2022. – № 2. – С. 29–33. – DOI : 10.47475/1999-5407-2022-10205.
68. Иванов, Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и теории культуры : В 2-х тт. М., 1999.
69. Иванов, Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и теории культуры. Т. I : Знаковые системы. Кино. Поэтика / Вяч. Вс. Иванов. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 911 с.
70. Информатика как наука об информации: информационный, документальный, технологический, экономический, социальный и

организационный аспекты / ред. Р. С. Гиляровский. – Москва : Гранд ; Фаир-пресс, 2006. – 592 с.

71. Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования / Н. Б. Кириллова, Л. Б. Зубанова, С. Б. Синецкий [и др.]. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2019. – 292 с.

72. Ипполитов, С. С. Деструкция цифрового наследия: искусственный интеллект в культуре и образовании / С. С. Ипполитов // Художественное наследие. Исследования. Реставрация. Хранение. – 2025. – № 1. – С. 21–36.

73. Ипполитов, С. С. Искусственный интеллект как деструктивный фактор в гуманитарном образовании, исторической науке и творческих индустриях: к постановке проблемы / С. С. Ипполитов // Новый исторический вестник. – 2024. – № 3. – С. 215–228. – DOI : 10.54770/20729286_2024_3_215.

74. История информатики и философия информационной реальности / под ред. Р. М. Юсупова, В. П. Котенко. – Москва : Академический проект, 2007. – 430 с.

75. Капустина, А. Г. Минные поля социальных сетей / А. Г. Капустина // Защита информации INSIDE. – 2011. – № 4. – С. 21–23.

76. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс ; [пер. с англ. яз. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой]. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – 327 с.

77. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. яз. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – Москва : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

78. Келлехер, Дж. Наука о данных: базовый курс / Дж. Келлехер, Б. Тирни ; пер. с англ. яз. Михаил Белоголовский. – Москва : Альпина Паблишер, 2020. – 220 с.

79. Кириллова, Н. Б. «Виртуальная реальность» и «виртуализация культуры» как концепты современной культурологии / Н. Б. Кириллова // Обсерватория культуры. – 2017. – Т. 14. – № 5. – С. 524–531. – DOI : 10.25281/2072-3156-2017-14-5-524-531.

80. Кириллова, Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну / Н. Б. Кириллова. – Москва : Академический проект, 2006. – 448 с.

81. Кириллова, Н. Б. Новые тренды культурологии в системе современного гуманитарного образования / Н. Б. Кириллова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2024. – Т. 30. – № 1. – С. 235–240. – DOI : 10.15826/izv1.2024.30.1.021.

82. Кириллова, Н. Б. Цифровая культура как новая социально-антропологическая реальность и проблемы идентичности / Н. Б. Кириллова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. : Познание. – 2023. – № 7. – С. 13–18. – DOI : 10.37882/2500-3682.2023.07.04.

83. Коваленко, Т. В. Цифровая инфраструктура учреждений культуры и задачи культурной политики в современной России: этапы и специфика формирования / Т. В. Коваленко, Е. Г. Саркисова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2024. – Т. 30. – № 4. – С. 151–163. – DOI : 10.15826/izv1.2024.30.4.071.

84. Козырьков, В. П. Социология культуры в цифровом обществе / В. П. Козырьков, М. В. Придатченко, Н. В. Шалютина. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2022. – 378 с.

85. Колин К. К. Информационная культурология: структура и содержание предметной области новой науки // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2011. – № 1. – С. 7–13.

86. Колин, К. К. Информация и культура: введение в информационную культурологию. / К. К. Колин, А. Д. Урсул. – Москва : Стратегические приоритеты, 2015. – 288 с.

87. Колин, К. К. Теоретические проблемы информатики. Актуальные философские проблемы информатики / К. К. Колин. – Москва : КОС ИНФ, 2009. – Т. 1. – 222 с.

88. Кондаков, А. М. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы / А. М. Кондаков, А. А. Костылева // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. : Информатизация образования. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 207–218.

89. Конева, А. В. «Подиумное сознание» в эпоху культуры различия / А. В. Конева // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2010. – Т. 189. – С. 53–58.

90. Кравченко, С. А. Социология цифровизации / С. А. Кравченко. – Москва : ЮРАЙТ, 2021. – 236 с.

91. Красных, С. С. Социокультурные риски цифровой трансформации полиэтнических регионов / С. С. Красных // Информационное общество. – 2025. – № 6. – С. 2–11. – DOI : 10.52605/16059921_2025_06_02.

92. Крюков, А. В. Нематериальное цифровое наследие в Российской Федерации / А. В. Крюков // Энциклопедия нематериального культурного наследия России : Посвящается Году культурного наследия народов России / Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва. – Москва : Институт Наследия, 2022. – С. 255–268.

93. Кузнецов, Н. В. Всеобщая цифровизация и социальные риски / Н. В. Кузнецов // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 10. – С. 42–47. – DOI : 10.24158/per.2020.10.6.

94. Кузнецова, Е. И. Цифровая эпоха: грани нового социокультурного опыта / Е. И. Кузнецова // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 4. – С. 36–40. – DOI : 10.24158/fik.2023.4.4.

95. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – Москва : Аст: Астрель, 2011. – 541 с.

96. Лисенков, А. С. Сравнительный анализ влияния архитектуры нейросетей на стиль ведения и методы изложения философского дискурса / А. С. Лисенков, А. А. Лисенкова // Революция и эволюция: модели развития в

науке, культуре, социуме : труды V междунар. науч. конфер. (Нижний Новгород, 03–05 октября 2025 г.). – Москва : Русское общество истории и философии науки, 2025. – С. 638–643.

97. Лисенкова, А. А. Интеллектуальное поведение нейросети в контексте концептуальной инженерии: имитация философских размышлений в моделях DeepSeek, ChatGPT, GigaChat / А. А. Лисенкова, О. Д. Шипунова, А. С. Лисенков // Дискурс. – 2025. – Т. 11. – № 5. – С. 59–69. – DOI : 10.32603/2412-8562-2025-11-5-59-69.

98. Лисенкова, А. А. Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве / А. А. Лисенкова. – Пермь : Пермский гос. ин-т культуры, 2021. – 286 с.

99. Лисенкова, А. А. Цифровая идентичность: границы частного и публичного в современном мире / А. А. Лисенкова // Российский гуманитарный журнал. – 2025. – Т. 14. – № 3. – С. 161–172. – DOI : 10.15643/libartrus-2025.3.2.

100. Лисенкова, А. А. Цифровой эскапизм - от аддикции до аскетизма / А. А. Лисенкова, Е. О. Труфанова // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2023. – Т. 5. – № 3. – С. 17–34. – DOI : 10.46539/gmd.v5i3.412.

101. Листвина, Е. В. Цифровое общество: социокультурный анализ цифрового следа / Е. В. Листвина // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 7-8. – С. 14–18. – DOI : 10.17816/2072-2354.2020.20.4.14-18.

102. Лопатина, Н. В. Информационная культура как условие эффективности социальных технологий : учеб. пособ. для студентов гуманитарных факультетов / Н. В. Лопатина. – Москва : Московский гос. ин-т культуры, 2002. – 81 с.

103. Лопатина, Н. В. Информационные технологии аналитики цифровой культурной среды / Н. В. Лопатина, О. Б. Сладкова // Культура: теория и практика. – 2016. – № 3. – С. 4.

104. Лопатина, Н. В. Сохранение цифрового культурного наследия в едином электронном пространстве знаний / Н. В. Лопатина, О. П. Неретин //

Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 5. – С. 74–80.

105. Лопатина, Н. В. Формирование IP-культуры населения: концептуальные основания, опыт, актуальные задачи / Н. В. Лопатина, Ю. В. Рыбакова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2022. – № 3. – С. 122–133. – DOI : 10.24412/1997-0803-2022-3107-122-133.

106. Лосева, Е. С. Цифровизация как социокультурный конструкт / Е. С. Лосева // Педагогика и психология. – 2021. – № 2. – С. 372–375. – DOI : 10.26140/anip-2021-1002-0093.

107. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 464 с.

108. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство–СПБ, 2000. – 704 с.

109. Лушников, В. В. Проявления и последствия четвертой промышленной революции / В. В. Лушников // Образование и проблемы развития общества. – 2019. – № 2. – С. 46–50.

110. Маклюэн Г. М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. М., 2022. 443 с.

111. Маклюэн, Г. М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / Г. М. Маклюэн ; [пер. с англ. яз. и вступ. ст. И. О. Тюриной]. – Москва : Академический проект, 2022. – 443 с.

112. Маклюэн, Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн ; пер. с англ. В. Г. Николаева. – Москва : Кучково поле, 2007. – 464 с.

113. Макулин, А. В. Интеллектуальные системы в гуманитарной сфере и цифровая философия / А. В. Макулин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. : Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 2. – С. 76–86. – DOI : 10.17238/issn2227-6564.2016.2.76.

114. Малыгина, И. В. Identity Capital и стратегии самоопределения человека в цифровом пространстве современной культуры / И. В. Малыгина // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : матер. XXI междунар. Лихачевских науч. чтений (Санкт-Петербург, 25–26 мая 2023 г.). – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гуманитарный ун-т профсоюзов, 2023. – С. 217–220.
115. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе ; [пер. с англ. яз. А. А. Юдина]. – Москва : REFL-book, 1994. – 368 с.
116. Миннебаев, Г. Ф. Цифровые следы организаций: структура, виды и их роль в экономической оценке бизнеса / Г. Ф. Миннебаев // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – № 1. – С. 430–435. – DOI : 10.24412/1998-5533-2025-1-430-435.
117. Мирошниченко, И. И. Управление информационными ресурсами : учеб. пособ. / И. И. Мирошниченко. – Ростов-на-Дону : Издат.-полиграф. комплекс РГЭУ (РИНХ), 2016. – 140 с.
118. Мокрова, Л. П. Индустриальная революция Кем быть? Каким быть? / Л. П. Мокрова // Business Strategies. – 2019. – № 12. – С. 7–14. – DOI : 10.17747/2311-7184-2019-12-07-14.
119. Молчан, Э. М. Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в эпоху глобализации / Э. М. Молчан // Вестник Московского государственного областного университета. Философские науки. – 2019. – № 2. – С. 55–66. – DOI : 10.18384/2310-7227-2019-2-55-66.
120. Морроу, Дж. Как вытащить из данных максимум: навыки аналитики для неспециалистов / Дж. Морроу ; перевод с англ. яз. [М. Кульневой]. – Москва : Альпина Паблишер, 2022. – 255 с.
121. Мотылев, В. М. Об определении времени старения документов / В. М. Мотылев // Научно-техническая информация. Сер. 2 : Информационные процессы и системы. – 1976. – № 12. – С. 3–7.

122. Мюллер, А. А. Трансформация социальных пространств и их метаморфозы в цифровом двойнике медиареальности / А. А. Мюллер // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 7. – С. 54–59. – DOI : 10.24158/fik.2025.7.7.

123. Налимов, В. В. Наукометрия: Изучение развития науки как информационного процесса / В. В. Налимов, З. М. Мульченко. – Москва : Наука, 1969. – 192 с.

124. Небрятенко, Г. Г. Четвертая промышленная революция как предмет социальной философии: критический анализ / Г. Г. Небрятенко, А. Н. Бурлуцкий // Философия права. – 2020. – № 1. – С. 116–119.

125. Одинцов, Б. Е. Некоторые количественные соотношения между традиционными и информационными ресурсами / Б. Е. Одинцов // Информационные ресурсы России. – 2012. – № 6. – С. 11–14.

126. Оленев, С. М. Информационная детерминация культурогенеза: философский категориальный и историко-генетический анализ : дис. ... д-ра философских наук : 24.00.01 / Оленев Святослав Михайлович ; [Место защиты : Московский государственный университет культуры и искусств]. – Москва, 2004. – 295 с.

127. Оленев, С. М. Научная информация: современные гносеологические проблемы в контексте этоса науки / С. М. Оленев // Научно-техническая информация. Сер. 2 : Информационные процессы и системы. – 2016. – № 6. – С. 1–6.

128. Оленев, С. М. Понятие «информация» в системе социально-гуманитарных наук / С. М. Оленев // Научно-техническая информация. Сер. 1 : Организация и методика информационной работы. – 2014. – № 5. – С. 13–17.

129. Оленев, С. М. Философия информации : проблемно-тематическая разработка / С. М. Оленев. – Москва : Компания Спутник+, 2001. – 46 с.

130. Орлов, С. Н. Альтметрические инструменты анализа цифровой среды: культурологические аспекты / С. Н. Орлов // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез.

докл. участ. IX междунар. науч. форума (Кабардинка, Геленджик, 21–24 сентября 2023 г.). – Краснодар : Институт наследия, 2023. – С. 175–176. – DOI : 10.34685/НИ.2023.41.85.006.

131. Орлов, С. Н. Альтметрия и ее роль в культуросозидании новой цифровой среды / С. Н. Орлов // Электронное информационное пространство для науки, образования, культуры : матер. X междунар. науч.-практ. конфер. (Орёл, 14 декабря 2023 г.). – Орёл : Орловский гос. ин-т культуры, 2023. – С. 48–52.

132. Орлов, С. Н. Большие данные и проблемы формирования новой культуры сетевого общества / С. Н. Орлов // Современное состояние инфосферы учреждений культуры: матер. VII междунар. науч.-практ. форума (Орёл ; Минск, 04 апреля 2024 г.). – Орёл : Орловский гос. ин-т культуры, 2024. – С. 100–104.

133. Орлов, С. Н. Дип-фейки и проблема архивирования цифрового культурного наследия / С. Н. Орлов // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Кабардинка, Геленджик, 26–29 сентября 2024 г.). – Москва : Институт наследия, 2024. – С. 185–186. – DOI : 10.34685/НИ.2024.26.33.004.

134. Орлов, С. Н. Искусственный интеллект и определение авторства электронных текстов как культурологическая проблема // Журнал Института Наследия. – 2025. – № 2. – С. 54–58. – DOI : 10.34685/НИ.2025.97.85.019.

135. Орлов, С. Н. Классификация альтметрических инструментов и их культурологическая оценка / С. Н. Орлов // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. по итогам X междунар. науч. форума. – Москва : Институт Наследия, 2025. – С. 74–82. – DOI : 10.34685/НИ.2025.66.98.007.

136. Орлов, С. Н. Культурологический анализ концепта «цифровой след» / С. Н. Орлов // Культурологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 17–22.

137. Орлов, С. Н. Культурологический потенциал новых информационно-аналитических инструментов в цифровой среде: постановка проблемы / С. Н. Орлов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. : Познание. – 2023. – № 9. – С. 19–23. – DOI : 10.37882/2500-3682.2023.09.14.

138. Орлов, С. Н. Проблемы и перспективы сохранения объектов культурного наследия в цифровой среде / С. Н. Орлов // Культурное наследие Сибири: изучение, музеефикация, презентация, к 30-летию Сибирского филиала Института Наследия : матер. всерос. науч.-практ. конфер. (Омск, 17–18 мая 2023 г.). – Омск : Институт Наследия, 2023. – С. 92–93. – DOI : 10.34685/НИ.2023.72.49.003.

139. Орлов, С. Н. Феномен ленты в культурологическом дискурсе: тенденции и противоречия / С. Н. Орлов // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. XI междунар. науч. форума (Кабардинка, Геленджик, 11–14 сентября 2025 г.). – Москва : Институт Наследия, 2025. – С. 177–178. – DOI : 10.34685/НИ.2025.20.28.002.

140. Орлов, С. Н. Формирование единого культурного пространства региона: институты и практики / С. Н. Орлов // Культурное наследие России. – 2022. – № 1. – С. 101–106. – DOI : 10.34685/НИ.2022.36.1.014.

141. Орлов, С. Н. Формирование экономической культуры и финансовой грамотности у студентов вузов искусств / С. Н. Орлов // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. VIII междунар. науч. форума, (Кабардинка, Геленджик, 22–25 сентября 2022 г.). – Москва : Институт Наследия, 2022. – С. 156. – DOI : 10.34685/НИ.2022.78.26.001.

142. Орлов, С. Н. Цифровая среда как социальный феномен и ее культурологический потенциал / С. Н. Орлов // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. по

итогах IX междунар. науч. форума. – Москва : Институт Наследия, 2024. – С. 470–480. – DOI :10.34685/NI.2024.51.35.003.

143. Орлов, С. Н. Экономика культурной идентичности в условиях информатизации общества / С. Н. Орлов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. : Познание. – 2022. – № 5. – С. 15–19. – DOI : 10.37882/2500-3682.2022.05.10.

144. Панов, В. И. Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия: монография / В. И. Панов, Э. В. Патраков. – Москва : Психологический институт РАО ; Курск : Университетская книга, 2020. – 199 с.

145. Пашенцев, Д. А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности / Д. А. Пашенцев // Журнал российского права. – 2020. – № 8. – С. 5–13. – DOI : DOI: 10.12737/jrl.2020.090.

146. Пеннер, Р. В. Картография цифрового: опыты философского понимания : монография / Р. В. Пеннер. – Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2023. – 245 с.

147. Пеннер, Р. В. Цифровая идентичность как новая форма социального признания : дис. ... д-ра филос. наук : 5.7.7. / Пеннер Регина Владимировна ; [Место защиты : Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского]. – Саратов, 2023. – 354 с.

148. Петров, В. М. Гуманитарные науки и формирование информационного мировоззрения / В. М. Петров // Проблемы информационной культуры. Вып. 1 : сб. науч. ст. – Москва : Московский гос. ун-т культуры, 1994. – С. 39–51.

149. Петров, В. М. Информационная парадигма в науках о человеке / В. М. Петров // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2007. – Т. 4. – № 1. – С. 95–110.

150. Петрова, Е. В. Человек в информационной среде: социокультурный аспект / Е. В. Петрова. – Москва : Ин-т философии РАН, 2014. – 137 с.

151. Пиков, Н. О. Роль цифровой среды в становлении новых культурных форм и практик для сохранения культурного наследия (на материале анализа культурной деятельности Сибирского федерального университета) : дис. ... канд. культурологии : 5.10.1. / Пиков Никита Олегович ; [Место защиты : Сибирский федеральный университет]. – Красноярск, 2023. – 201 с.

152. Пилипенко, А. А. Культурологические штрихи к портрету постсовременности / А. А. Пилипенко // Мир психологии. – 2005. – №1. – С. 31–41.

153. Платонова, С. И. Большие данные: создание вызовов и возможностей в социальных науках / С. И. Платонова // Манускрипт. – 2020. – Т. 13. – № 4. – С. 119–123.

154. Порозов, Р. Ю. Виртуальные социальные сети: методология культурологического анализа / Р. Ю. Порозов // Политическая лингвистика. – 2018. – № 5. – С. 123–126.

155. Потапов, Д. А. Идентификация профиля человека в социальной сети по неоднородным данным / Д. А. Потапов // Новая наука: опыт, традиции, инновации. – 2016. – № 11–12. – С. 111–114.

156. Потebня, А. А. Символы и мифы. Избранные работы / А. А. Потebня. – Москва : ЮРАЙТ, 2015. – 257 с.

157. Почепцов, Г. Г. Русская семиотика. Идеи, методы, персоналии, история / Г. Г. Почепцов. – Москва : Рефл-бук Ваклер, 2001. – 761 с.

158. Прайс, Д. Малая наука, большая наука / Д. Прайс // Наука о науке : сб. ст. – Москва : Прогресс, 1966. – С. 181–384.

159. Прокудин, Д. Е. Взаимодействие культур в виртуальном пространстве / Д. Е. Прокудин, И. И. Толстикова // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2018. – Т. 34. – № 2. – С. 288–298.

160. Прокудин, Д. Е. Проблемы описания объектов цифрового наследия / Д. Е. Прокудин // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. – 2024. – № 8. – С. 15–31. – DOI : 10.17586/2587-8557-2024-8-15-31.

161. Пугачева, Л. Г. Киберкоммуникация в образовании: «Бестелесная» личность и «обезличенное» мышление / Л. Г. Пугачева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – № 1. – С. 35–41. – DOI : 10.24412/1997-0803-2022-4108-35-41.

162. Ракилов, А. И. Философия компьютерной революции / А. И. Ракилов. – Москва : Политиздат, 1991. – 287 с.

163. Романова, О. А. Приоритеты промышленной политики России в контексте вызовов четвертой промышленной революции / О. А. Романова // Экономика региона. – 2018. – Т. 14. № 2. – С. 420–432 – DOI : 10.17059/2018-2-7; № 3. – С. 806–819. – DOI : 10.17059/2018-3-9.

164. Румянцев, Д. В. Продвижение бизнеса в ВКонтакте. Системный подход / Д. В. Румянцев. – Санкт-Петербург : Питер, 2019. – 440 с.

165. Рябова, М. Э. Цифровой субъект в культуре сетевой повседневности: вызовы и перспективы / М. Э. Рябова // Вестник Гуманитарного университета. – 2025. – Т. 13. – № 2. – С. 99–105. – DOI : 10.35853/vestnik.gu.2025.13-2.08.

166. Савельев, А. И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» / А. И. Савельев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – № 1. – С. 43–66.

167. Савицкая, Т. А. Виртуальная Россия: новые модусы производства и потребления культуры / Т. А. Савицкая // Обсерватория культуры. – 2010. – № 1. – С. 29–37.

168. Савицкая, Т. А. Интернет в 2025 году: развитие, стагнация, коллапс? Размышления в свете новых подходов / Т. А. Савицкая // Обсерватория культуры. – 2012. – № 1. – С. 27–32.

169. Савицкая, Т. А. О чем «щебечет» твиттер: опыт прояснения новой социально-коммуникативной парадигмы / Т. А. Савицкая // Обсерватория культуры. – 2010. – № 3. – С. 33–41.
170. Савчук, В. В. Цифровой поворот: глобальные тенденции и локальные специфики / В. В. Савчук, К. А. Очеретяный // Вопросы философии. – 2021. – № 4. – С. 5–16. – DOI : 10.21146/0042-8744-2021-4-5-16.
171. Сажнов, М. Д. Анализ цифрового следа и визуализация результатов / М. Д. Сажнов, Е. В. Желнина // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2022. – № 2. – С. 75–79.
172. Семенюк, Э. П. Информационная культура общества и прогресс информатизации / Э. П. Семенюк // Научно-техническая информация. Сер. 1 : Организация и методика информационной работы. – 1994. – № 1. – С. 1–8.
173. Сидоров, С. П. Инструментальные методы анализа медиапространства в цифровой гуманитаристике / С. П. Сидоров, С. В. Тихонова // Социология науки и технологий. – 2023. – Т. 14. – № 3. – С. 118–131. – DOI : 10.24412/2079-0910-2023-3-118-131.
174. Силаева, В. Л. Интернет как социальный феномен / В. Л. Силаева // Социологические исследования. – 2008. – № 11. – С. 101–107.
175. Силен, Д. Основы Data Science и Big Data. Python и наука о данных / Д. Силен, А. Мейсман, М. Али. – Санкт-Петербург : Питер, 2017. – 366 с.
176. Симонян, Е. Э. Библиометрия в системе смежных дисциплин / Е. Э. Симонян, А. З. Гаджиева // Санкт-Петербургский образовательный вестник. – 2017. – № 1. – С. 50–58.
177. Синергетическая парадигма: Человек и общество в условиях нестабильности: сборник научных трудов / сост. О. Н. Астафьева. – Москва : Прогресс-Традиция, 2003. – 583 с.
178. Славина, В. А. Медиакультура как феномен информационной эпохи / В. А. Славина, Я. В. Солдаткина // Вестник РУДН. Сер. : Литературоведение. Журналистика. – 2021. – Т. 26. – № 2. – С. 286–293. – DOI : 10.22363/2312-9220-2021-26-2-286-293.

179. Сляднева, Н. А. Информационная свобода как проблема выбора личностных социальных стратегий / Н. А. Сляднева // Информационная свобода и информационная безопасность : матер. междунар. научн. конфер. (Краснодар, 30–31 октября 2001 г.). – Краснодар : Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств, 2001. – С. 20–23.
180. Сляднева, Н. А. Информационно-аналитическая культура как условие современных социокультурных и политических процессов / Н. А. Сляднева // Культура: теория и практика. – 2015. – № 1. – С. 2.
181. Сляднева, Н. А. Информационные ресурсы в информационном обществе: онтологический статус и методология / Н. А. Сляднева // Информационные ресурсы России. – 2009. – № 1. – С. 8–13.
182. Сляднева, Н. А. Социальные практики эпохи информационного общества / Н. А. Сляднева // Научно-техническая информация. Сер. 1 : Организация и методика информационной работы. – 2014. – № 5. – С. 3–7.
183. Смирнов, Г. С. Всеобщая цифровизация как глобальная проблема: человек и его цифровое сознание / Г. С. Смирнов, Н. М. Ветчинин // Вестник Ивановского государственного университета. – 2021. – № 4. – С. 127–134.
184. Смирнов, Г. С. Философия как образ глобального сознания / Г. С. Смирнов // Ноосферные исследования. – 2015. – № 1. – С. 39–54.
185. Современная западная философия : словарь / сост. В. С. Малахов, В. П. Филатов. – Москва : Политиздат, 1991. – 414 с.
186. Соловьев, А. В. Культура информационного общества: учебное пособие / А. В. Соловьев. – Москва : Директ-Медиа, 2013. – 279 с.
187. Соловьева, Л. Н. Цифровая идентичность как новый вид идентичности человека информационной эпохи / Л. Н. Соловьева // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 12. – С. 40–43.
188. Соломенцева, П. Что такое Web 3.0 и когда придет эпоха Web 4.0: интернет будущего / Полина Соломенцева // РБК. Тренды [Сайт]. – URL : <https://trends.rbc.ru/trends/industry/664eeae59a7947103334cc75?from=copy> (дата обращения : 02.08.2025).

189. Сорочайкин, И. А. Цифровая реальность: от Homo economicus к Homo digital / И. А. Сорочайкин // Экономика, управление и право в современных условиях : сб. ст. – Тольятти : Б. и., 2021. – Вып. 41. – С. 59–62.
190. Сорочайкин, И. А. Человек в эпоху цифровой реальности / И. А. Сорочайкин // Эксперт: теория и практика. – 2021. – № 4. – С. 42–45.
191. Сорочан, В. В. Цифровое культурное наследие: особенности формирования и практика стандартизации / В. В. Сорочан, Э. С. Мосина // Вестник Калужского университета. Сер. 3 : История. Политика. Право. – 2023. – № 1–2. – С. 54–59.
192. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр; пер. А. М. Сухотина; под ред. Р. О. Шор. – Москва : ЮРАЙТ, 2020. – 303 с.
193. Сохранение цифрового наследия в России: методология, опыт, правовые проблемы и перспективы / И. И. Горлова, А. Л. Зорин, А. А. Гуцалов, А. В. Крюков. – Москва : Институт Наследия, 2021. – 384 с.
194. Степанов, В. К. Арена невидимых битв или меры безопасности при работе в Интернете / В. К. Степанов // Современная библиотека. – 2009. – № 2. – С. 136–141.
195. Степанов, В. К. Хроника рождения компьютерных сетей / В. К. Степанов // Библиотека. – 2003. – № 7. – С. 57–61.
196. Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / под ред. Е. Г. Потаповой, П. М. Потеева, М. С. Шклярчук. – Москва : РАНХиГС. 2021. – 184 с.
197. Сугрובה, Ю. Ю. Информационные технологии в аспекте современного культуротворчества / Ю. Ю. Сугрובה // Науки о человеке: гуманитарные исследования. – 2014. – № 2. – С. 183–190.
198. Суминова, Т. Н. Информационные ресурсы художественной культуры (артосферы) / Т. Н. Суминова. – Москва : Академический проект, 2006. – 480 с.

199. Сумина, Т. Н. Художественная культура как информационная система (мировоззренческие и теоретико-методологические основания) / Т. Н. Сумина. – Москва : Академический проект, 2006. – 383 с.
200. Суханов, А. П. Информация и прогресс / А. П. Суханов. – Новосибирск : Наука, 1988. – 192 с.
201. Тихомирова, Е. Г. Smart-культура: генезис / Е. Г. Тихомирова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – № 4. – С. 38–46. – DOI :10.24412/1997-0803-2023-4114-38-45.
202. Тихонов, А. В. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей / А. В. Тихонов, В. С. Богданов // Социологические исследования. – 2020. – № 1. – С. 74–81.
203. Тихонова, С. В. Историческая память в социальных сетях / С. В. Тихонова, Д. С. Артамонов. – Санкт-Петербург : Алтейя, 2021. – 265 с.
204. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер ; пер. с англ. яз. под науч. ред. П. С. Гуревича. – Москва : АСТ, 1999. – 784 с.
205. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер ; пер. с англ. яз. Е. Руднева. – Москва : АСТ, 2002. – 558 с.
206. Тузовский, И. Д. Культура Цифровой эпохи: утопический и гуманистический потенциал «Информационного общества»: дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / Тузовский Иван Дмитриевич ; [Место защиты : Челябинский государственный институт культуры]. – Челябинск, 2021. – 365 с.
207. Тузовский, И. Д. От «Информационного общества» к «Цифровой эпохе»: гипотетическое моделирование идеального типа / И. Д. Тузовский // Вестник культуры и искусств. – 2020. – № 2. – С. 78–86.
208. Урсул, А. Д. Отражение и информация / А. Д. Урсул. – Москва : Мысль, 1973. – 231 с.
209. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – Изд. 5-е. – Москва : Политиздат, 1987. – 590 с.

210. Флиер, А. Я. История как культурный артефакт / А. Я. Флиер // Культура культуры. – 2024. – № 3. – С. 21–33.
211. Флиер, А. Я. Социальный опыт человека и его важная составляющая «вторая реальность» / А. Я. Флиер // Культура культуры. – 2024. – № 1. – С. 76–83.
212. Фомина, А. В. Индустрия 4.0. Основные понятия, преимущества и проблемы / А. В. Фомина, К. Ю. Мухин // Экономический вектор. – 2018. – № 3. – С. 33–38.
213. Формирование и сохранение культурного наследия в информационном обществе : [изд. ЮНЕСКО для Всемирного Саммита по информационному обществу] / пер. с англ. яз. Л. В. Петровой. – Санкт-Петербург : Российская национальная библиотека, 2004. – 112 с.
214. Формирование информационного общества в XXI веке : [сборник] / сост. Е. И. Кузьмин, В. Р. Фирсов. – Санкт-Петербург : Российская национальная библиотека, 2006. – 640 с.
215. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; [пер. с англ. яз. М. Б. Левина]. – Москва : Полиграфиздат, 2010. – 588 с.
216. Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровизации / Т. Я Хабриева. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гуманитарный ун-т профсоюзов, 2019. – 36 с.
217. Хайдеггер, М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер // Время и бытие: статьи и выступления / [сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Бибихина]. – Москва : Республика, 1993. – С. 221–238.
218. Хайтун, С. Д. Наукометрия: состояние и перспективы / С. Д. Хайтун. – Москва: Наука, 1983. – 344 с.
219. Хоркхаймер, М. Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс / М. Хоркмайер, Т. Адорно ; пер. с нем. яз. Т. В. Зборовской. – Москва : Ad Marginem, 2016. – 104 с.

220. Цифровая среда: текущее состояние и перспективы / Э. В. Кузьмина, В. В. Салий, Н. В. Третьякова, С. М. Гузиева. – Краснодар : Новация, 2024. – 121 с.

221. Цифровое общество в культурно-исторической парадигме : сб. ст. / под ред. Т. Д. Марцинковской, В. Р. Орестовой, О. В. Гавриченко. – Москва : Московский педагог. гос. ун-т, 2019. – 264 с.

222. Чагры, Э. Контент-маркетинг в социальных сетях / Э. Чагры // Маркетинг и логистика. – 2017. – № 5. – С. 104–128.

223. Чернавин, Ю. А. Человек в пространстве цифровой культуры / Ю. А. Чернавин, Г. В. Баринова // Вопросы философии. – 2023. – № 4. – С. 29–39. – DOI : 10.21146/0042-8744-2023-4-29-39.

224. Чеснокова, Т. Ю. Постчеловек: от неандертальца до киборга / Т. Ю. Чеснокова. – Москва : Алгоритм, 2008. – 368 с.

225. Чижиков, В. В. Информационные технологии как трансляторы культуры и искусства в виртуальной реальности / В. В. Чижиков // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – № 2. – С. 89–97.

226. Шаповалова, Г. М. Концепция цифрового культурного наследия и его генезис: теоретико-правовой анализ / Г. М. Шаповалова // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2017. – Т. 9. – № 4. – С. 159–168. – DOI : 10.24866/VVSU/2073-3984/2017-4/159-168.

227. Шартье, Р. Письменная культура и общество / Р. Шартье ; [пер. с фр. и послесл. Ирины Стаф ; ред. : Майя Лавринович, Михаил Велижев]. – Москва : Новое издательство, 2006. – 270 с.

228. Шведов, И. Ю. Трансформация культурных практик в эпоху новых медиа / И. Ю. Шведов // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 3. – С. 114–119. – DOI : 10.24158/fik.2025.3.15.

229. Шехтман, Н. А. Старение гипертекста как гносеологическая проблема / Н. А. Шехтман // Научно-техническая информация. Сер. 2 : Информационные процессы и системы. – 2010. – № 7. – С. 10–12.

230. Шлыкова, О. В. Социокультурная природа мультимедиа : дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01. / Шлыкова Ольга Владимировна ; [Место защиты : Московский государственный университет культуры и искусств]. – Москва, 2004. – 308 с.

231. Шлыкова, О. В. Социокультурная среда Интернета: новые ценности и коммуникативные смыслы / О. В. Шлыкова // Обсерватория культуры. – 2015. – № 4. – С. 86–98.

232. Шлыкова, О. В. Цифровизация и цифровая культура как новые тренды информационной эпохи / О. В. Шлыкова // Аудиовизуальная платформа современной культуры : матер. междунар. науч. конфер. в рамках XV Колосницынских чтений (Екатеринбург, 20–21 ноября 2020 г.). – Екатеринбург : Уральский гос. педагог. ун-т, 2020. – С. 22–31.

233. Шпенглер, О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории : В 2-х т. / О. Шпенглер ; пер. с нем. яз., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. – Москва : Мысль, 1998. – Т. 1 : Гештальт и действительность. – 666 с.; Т. 2 : Всемирно-исторические перспективы. – 606 с.

234. Шпет, Г. Г. Сочинения / Г. Г. Шпет. – Москва : Правда, 1989. – 380 с.

235. Шрайберг, Я. Л. Современные тенденции развития цифровизации общества: научно-образовательная и библиотечно-информационная среда / Я. Л. Шрайберг. – Москва : ИНФРА-М, 2024. – 664 с.

236. Щупленков, Н. О. Информационная культура – оценка современного состояния проблемы / Н. О. Щупленков, Е. Л. Рябова // Культура Мира. – 2023. – Т. 11. – № 30. – С. 140–157.

237. Ын, А. Теоретический минимум по Big Data: все, что нужно знать о больших данных / А. Ын, К. Су ; [пер. с англ. яз. А. В. Тимохин]. – Санкт-Петербург : Питер ; Прогресс книга, 2022. – 205 с.

238. Bradford, S. C. *Documentation* / 2nd ed. ; with an introd. by J. H. Shera and M. E. Egan. London : Crosby Lockwood, 1953. – 156 p.
239. Habermas, J. *Theorie des kommunikativen Handelns*. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1981. – Bd. 1 : Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. – 533 s.; Bd. 2 : Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft. – 633 s.
240. Pavaloaia, V. D., Fotache, D., Anastasiei, I. D. *Social Media and E-mail Marketing Campaigns: Symmetry versus Convergence // Symmetry*. – 2020. – Vol. 12. – No 12. – P. 1–23. – DOI : 10.3390/sym12121940.
241. Prichard, A., Witting G. *Bibliometrics: A-Bibliography and Index*. – Watford : ALLM Books, 1981. – 160 p.
242. Pritchard, A. *Statistical Bibliografi or Biblometrics? // Journal of Documentation*. – 1969. – Vol. 25. – No. 4. – P. 348–349.
243. Sajjad, M., Zaman, U. *Innovative Perspective of Marketing Engagement: Enhancing users' Loyalty in Social Media through Blogging // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. – 2020 – Vol. 6. – No 3 – P 93. – DOI : 10.3390/JOITMC6030093.
244. Wawrowski B., Otola I. *Social media marketing in creative industries: How to use social media marketing to promote computer games? // Information (Switzerland)*. – 2020 – Vol. 11 – No 5 – P. 697. – DOI : 10.3390/INFO11050242.
245. Wentian, Li. *Random texts exhibit Zipf's-law-like word frequency distribution // IEEE Transactions on Information Theory*. – 1992. – Vol. 38. – No 6. – P. 1842–1845. – DOI : 10.1109/18.165464.
246. Wiesing, L. *Was ist Medienphilosophie? // Information Philosophie*. – 2008. – № 3. – S. 30–39.
247. Zuhdi, S., Daud, A., Hanif, R. [et al.]. *Role of Social Media Marketing in the Successful Implementation of Business Management // International Journal of Recent Technology and Engineering*. – 2019. – Vol. 8. – No 2S11. – P. 3841–3844. – DOI : 10.35940/ijrte.B1507.0982S1119.